The background of the book cover is a textured, painterly illustration. The top half features a warm, orange-to-red gradient. On the left, a dark, gnarled, root-like structure hangs down. On the right, a large, pinkish, web-like creature with two large circular openings is depicted. The bottom half of the cover is a deep blue, suggesting water, with white, swirling patterns. In the bottom left, a small, dark, humanoid figure with glowing eyes sits in a meditative pose. In the bottom right, a white silhouette of a person with arms raised is visible.

Иван Мисюряев

**Обитель
Порока**

Иван Мисюряев
Обитель Порока

«Издательские решения»

Мисюряев И.

Обитель Порока / И. Мисюряев — «Издательские решения»,

Это история о двух давних врагах — о Свете и Тьме. Всегда ли Свет замечает каждого из своих подопечных? А Тьма всегда безжалостна и несправедлива? Всегда ли победа Света в этом противостоянии сулит людям счастье? А что может человек против смертных пороков? Что может вынести брменная душа ради любви? Всегда ли выбор между добром и злом очевиден? На все ли вопросы ты можешь сейчас ответить, дорогой читатель? А пока обдумываешь ответ, загляни на первую страницу этой истории...

© Мисюряев И.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	47
Часть вторая	51
Глава 10	51
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	67
Глава 14	72
Глава 15	78
Глава 16	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Обитель Порока

Иван Мисюряев

© Иван Мисюряев, 2015

© Алина Александровна Ярченко, иллюстрации, 2015

Редактор Алина Александровна Ярченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

Глава 1

*А после прилетишь домой
И сам отыщешь свой покой...*

Человек по своей натуре животное, слабое существо, часто поддающееся позывам бездуховного тела. Зачастую та небольшая частичка, что отделяет нас от животных, частичка, которая призвана стоять на страже, уничтожается прихотями тела или искривленного разума. Легкий способ доставить секундное расслабление, будь это алкоголь или другой стимулятор плоти, становится привычкой, и организм к нему прибегает ничуть не реже, чем ежесекундное моргание и набор воздуха в легкие. Только тот, кто способен бороться с соблазнами и утехами для грешного тела, может называться человеком. Титул, нужно заметить, не самый приятный, но что поделать, если материя из всех миллионов возможностей воплотиться во что-то думающее и созидающее выбрала именно такую форму существования. Мышление, без которого невозможно осознание существования, часто хитрит и вместо того, чтобы пользоваться самой главной прерогативой нашего вида – создание чего-то нового с помощью самой мысли – выполняет мелкие поручения телесных потребностей: еда, тепло, безопасность. Все это будет всегда важнее написания стихов или картин. Наш вид, поработив планету, ежедневно спешит на работу или учебу, даже не замечая разницы между жизнью и выживанием. Быт укрывает пеленой достатка наступление старости перед мозгом, поколение за поколением и так по замкнутому кругу.

Генри перестал замечать запах собственной усталости, смешенной с переизбытком алкоголя в крови. Головная боль сопровождала пятидесятилетнего разнорабочего до бутылки, стоявшей на единственном предмете мебели в обшарпанном сарае. Именно эта разъедающая мозг и душу жидкость двигала тело Генри, давно утратившего духовную составляющую своего существа. В минуты прозрения от алкогольного дурмана непутевый отец пытался понять, как он мог скатиться до такой жизни. Тесный барак приютил еще десятерых человек. В основном это были приезжие с других стран, не нашедшие счастья у себя на родине. К сожалению, в бутылке оставалось всего пару глотков, этого было не достаточно, чтобы угмонить душевную боль Генри.

Стэфан вновь почувствовал струю холодного ветра, бьющего его прямо в лицо. Короткий сон мог укрыть его от этого жесткого мира всего на пару часов. Молодой человек семнадцати лет крепко зажмурил глаза, его худощавое тело, сжимаясь, пыталось вовсе исчезнуть из этого барака, но в эти моменты отец Стэфана всегда замечал своего единственного сына, и в этот раз участь молодого человека была предрешена: помогать Генри на стройке заработать на кусок хлеба и бутылку сомнительного алкоголя.

Отец и сын практически не общались. Стэфан не видел другой жизни и с самого детства был обречен на нищету и постоянный голод. Алюминиевая чашка с крепкой заваркой согрела замерзшее тело Стэфана. Отыскав свое старое пальто, служившее этой холодной ночью соседу Стэфана одеялом, молодой парень сдернул свою собственность с сонного мексиканца и отправился на родную и в то же время ненавистную ему стройку.

Холодная пелена, укрывавшая на ночь маленькие лужицы, трескалась под тяжелыми сапогами Генри. Мужчина был полностью погружен в себя, но и в пустоте своих мыслей он искал ответ только на один вопрос, где поскорее достать выпивку. Стэфан мог нагнать отца за два быстрых шага, но он этого явно не хотел, в такие минуты холодного оцепенения молодой

человек думал о возвращении в барак и целебном сне. И когда эта желанная мысль, переполняя его, заставляла ноги останавливаться, Стэфан, сжимая кулак, заставлял себя идти дальше, только так он мог прокормить себя.

Очередной мешок с цементом был доставлен на пятый этаж тонким и сухим телом Стэфана, его мраморная кожа побагровела на щеках, а пот, выступивший на лбу, выдавал четырехчасовую усталость, скопившуюся в душе молодого разнорабочего. Работы было еще много, и Генри должен был помогать своему сыну, но вместо этого он отыскивал соратников по алкоголизму и отправился запивать тяжелую жизнь дешевым подобием вина. К обеду, когда ватные руки Стэфана дрожали от тяжести веса, уже перенесенного им, светлая и неожиданная мысль посетила юношу и принесла радость в потухшую и истерзанную душу: «Она должна была вернуться именно сегодня!» Радость от предвкушения встречи сменилась секундным укором: как мог забыть он о возвращении Бланш после продолжительного лечения от туберкулеза. Она была единственным человеком, который заботился о Стэфане с самого детства. После смерти матери от воспаления легких именно Бланш стала для маленького мальчика источником тепла и заботы. Генри ненавидел за это старую француженку и запрещал общаться Стэфану с ней. Пересчитав перенесенные мешки, Стэфан уверенным шагом направился домой. Спускаясь с пятого этажа, он наткнулся на прораба Дейва. Дейв окликнул отряхивавшегося от цементной пыли юношу:

– Ты куда это собрался? Там еще ровно половина мешков.

– Вот и именно, свою половину работы я выполнил, это часть за Генри.

– Мне наплевать, чьи это мешки и как вы там договаривались с ним. Уговор был простой, вас двое, сорок мешков на пятый этаж, по тридцать баксов каждому за всю работу.

– Я свое отработал и иду домой.

– Ладно. Я больше не хочу иметь с вами никаких дел. Вот твои деньги. Проваливай.

Стэфан пересчитал тридцать долларов и продолжил спускаться вниз. С каждым последующим шагом он все отчетливее представлял себе свирепость отца, когда тот узнает про их увольнение и отказ Стэфана перенести мешки Генри. Но это все было неважно, сейчас после работы молодой человек не обращал внимания на презрительные взгляды молодых девушек, идущих ему навстречу, хотя в обычный день эти взгляды его сильно задевали. Улавливая явное пренебрежение, Стэфан сильно хмурился и начинал ненавидеть весь мир за свою нищету. Грязный рабочий вид юноши совершенно не отображал внутренней красоты и желания жить.

Бланш встретила его на улице как обычно с сигаретой в руках. Стэфан увидел свою фактическую мать впервые за два года, она сильно сдала и похудела, и, несмотря на нетерпеливое ожидание этой минуты, встреча получилась довольно будничной. Подойдя к миниатюрной старушке, Стэфан быстрым движением руки выхватил сигарету из рук Бланш.

– Этим ты себе не помогаешь.

– Ты, наверное, забыл за эти долгие два года, что я забочусь о тебе, а не наоборот.

– Пообещай, что теперь ты будешь со мной всегда, – произнес Стэфан и наконец крепко обнял старушку.

Бланш ничего не ответила и лишь вновь попыталась достать сигарету. Стэфан помог Бланш подняться по гнилым ступенькам в барак и, усадив ее за стол, достал скудную пищу, которую удалось раздобыть ему за свое скромное жалование. Загоревшиеся глаза старушки говорили лучше слов, видимо, уже очень давно она не ела свежего хлеба с ветчиной.

После шести часов вечера Стэфан прислушивался к каждому скрипу, ожидая расправы от вернувшегося в ярости Генри, но его отец так и не появился и заночевал где-то у собутыльников.

Бланш тяжело кашляла всю ночь, не давая уснуть уставшим жителям сарая, Стэфан тоже не спал.

Он боялся потерять ее, а, когда она все-таки уснула, юноша подошел к ее сырому матрацу и проверил пульс. Убедившись, что она дышит, Стэфан заметил смятый листочек, лежавший около кружки пожилой дамы. Этот листок был единственной надеждой Бланш. Рецепт врача на дорогостоящие таблетки был своего рода приговором для пожилой нищей женщины. Юноша еще долго всматривался в стоимость и представлял, сколько мешков ему нужно перетаскать, чтобы купить хотя бы одну упаковку препарата. От осознания безысходности Стэфан невольно попятился назад, удаляясь от спящей в полумраке Бланш. Такая кончина дорогого Стэфану человека казалась сейчас логичной, а его судьба раскрылась перед ним во всей красе: после смерти Бланш, а потом и Генри Стэфан примет эстафету мученика и, спиваясь, будет винить весь мир за несправедливость его положения.

Стэфан тихо прошептал: «Нет, только не так, я так не хочу». Мозг принялся искать способы выхода, но выхода не было, и в самую обреченную минуту гнилая доска, скрипнувшая под ногами, обнаружила тайник в полу и в памяти Стэфана.

Когда-то давно, будучи маленьким мальчиком, Стэфан играл на полу двумя алюминиевыми вилками, а когда гонка двух воображаемых автомобилей дошла до странной доски в полу с небольшой леской, торчащей сверху, мальчик из любопытства потянул ее, и к его удивлению доска поднялась, открыв спрятанное в тайнике сокровище. Генри как раз вернулся с работы и, увидев, как главный секрет в его жизни был раскрыт, кинулся к сыну с криком: «Не трогай!». Еще долго после этого Генри вбивал в сына понимание, что чужое трогать нельзя. Стэфан не видел, что хранилось в свертке его отца, так бережно укрытого носовым платком. Изредка, пока все спали, Генри словно тень пробирался к своему тайнику и что-то туда подкладывал.

Образовавшейся надлом в жизни Стэфана, лишивший его повседневного гнета отца, придавал ему уверенности. Что было терять молодому парню, у которого и так нечего было отнять? Стэфан открыл тайник отца и обнаружил там две тысячи долларов. Юноша никогда не видел столько денег и, наверное, в другой ситуации не смог бы распорядиться ими сразу. Сейчас же он взял рецепт и направился в ближайшую аптеку, этих денег не хватало, но часть таблеток ему все-таки удалось купить.

Ночью этот аптечный пункт, освещенный ярко-зелеными огнями вывески, превращался в своего рода крепость, осажденную нежитью. То был сброд, состоящий из потерянных для общества врачей, учителей и полицейских. Все эти люди перестали жить после первого употребления запрещенных таблеток и сейчас занимались лишь добычей средств на еще один раз, умертвляющий их давно бездуховную плоть.

Аптекарь, который время от времени поставлял нелегальные препараты этим потерянным людям, бережно упаковал таблетки для Стэфана в фирменный бумажный пакетик. Стэфан покинул аптеку, и ему стало как-то не по себе. Темные улицы угрожающе тихо поглощали зеленое свечение вывески, а силуэты, передвигавшиеся где-то рядом с молодым парнем, заставили его спрятать пакетик за пазуху. Стэфан погрузился в темноту улицы, освещенную разбитыми фонарями. Он услышал быстрый бег, приближавшийся к нему со спины. Еще до того, как Стэфана уложили на мокрый асфальт мощным толчком два полицейских, худощавый паренек будто бы знал свою участь и не пытался побежать или даже обернуться и взглянуть на своих преследователей.

Офицер Джонс, застегнув браслеты на запястьях Стэфана, повернул его лицом к свету, а после спросил своего напарника:

– Ты видел его раньше здесь?

Барри посветил фонариком прямо в лицо задержанного юноши.

– Нет, не видел его здесь прежде.

Офицер Джонс обыскал юношу и достал сверток с таблетками.

– Где рецепт врача?

– В правом кармане.

Джонс достал листок подписанный доктором Бланш. Подойдя к Барри и показав его ему, он что-то шепотом сказал напарнику и направился в патрульную машину. Барри, сняв наручники, помог подняться Стэфану.

– Понимаешь, мы тут ловим всяких отбросов. Дело очень личное и не совсем законное, так что я могу пристрелить тебя, и мне ничего за это не будет. По документам я и напарник в отпуске. Думаю, ты уловил намек? Таблетки твои мы конфискуем, и больше здесь не появляйся.

Стэфану стало очень гадко от произошедшего, он всегда вел правильный образ жизни и никогда не сталкивался с блюстителями закона, хотя всегда уважал их и надеялся на защиту. Поэтому, когда полицейский произвол отнял у него последнюю надежду для Бланш, Стэфан позволил себе сказать:

– Какие же вы полицейские? Если отбираете у меня таблетки и тем самым обрекаете человека на гибель?

Барри, молча, направился к автомобилю. Стэфан, отряхнувшись, побрел домой, теперь уже смиренно ожидая расправы за разграбленную сокровищницу Генри, а желание спасти Бланш сменилось просьбой в небеса успеть проститься с ней.

Все многочисленные соседи Стэфана по бараку были сейчас на работе, а его отец так и не объявился. Бланш постоянно кашляла, а в перерывах между приступами кашля шептала что-то по-французски. Стэфан, склонившись к любимой Бланш, нежно поцеловал ее в лоб. Старушка открыла глаза и увидела своего мальчика.

– Сядь, пожалуйста, рядышком, мой милый. – Стэфан аккуратно присел на край матраса. – Я доживаю последние минуты на этой планете, и мне не страшно за себя, мое сердце больше волнуется о тебе. Главная задача родителей – это поставить своих детей на ноги, и пусть я прожила всю жизнь в таких скотских условиях, я выполнила ее. Мой сын Калип живет далеко от этого барака, один Бог знает, сколько я положила сил и здоровья, чтобы вытащить его из этого болота. А твой отец ни разу в жизни даже не подумал о твоём будущем, а, проживая так свои лучшие дни сейчас, ты лишаешь себя шанса на другую жизнь. Мой сын должен мне, и теперь пришло время ему позаботиться обо мне. Но с тех пор, как он вырвался отсюда, Калип ни разу не написал мне. Я осталась в его памяти отголоском нищеты, в которой я его родила. Под моей подушкой лежит его номер телефона. Он оплатил мое лечение, но так и не осмелился взглянуть в мои глаза при жизни. Так что после моего последнего вздоха возьми этот номер и позвони Калипу. Передай ему, что я больше не являюсь тяжелым камнем на его забытой совести. И если он хочет быть в ладах с собой и успокоить свою душу, пусть приедет и простится со мной, а завещаю я ему забрать тебя отсюда, и, если он выполнит мое последнее желание, я прошу ему годы забвения и отсутствия в моей тяжелой жизни.

Бланш хотела сказать еще что-то, но приступ кашля, будто заждавшийся своей очереди управлять телом Бланш, вновь взял вверх и принялся трясти ее, выплескивая последние капли жизни. Стэфан, сидевший рядом, крепко сжимал ее руку. Уставшие рабочие постепенно заполнили собой барак. Быстро что-то перекусив, все они скрылись в мешках для картошки и уснули в них.

Только через три часа монотонной агонии и кашля Бланш в последний раз взяла управление своим телом.

– Пообещай мне, что позвонишь и передашь последнюю волю усопшей, – собрав последние силы, произнесла старуха.

– Можешь не сомневаться, я позвоню, не трать свои силы на этот разговор, они тебе еще понадобятся.

Подобие улыбки проскользнуло по лицу Бланш, она отчетливо ощущала последние минуты жизни.

– В твоей жизни будет много всего, но запомни: главное – это твоя душа. Она, родившись в этом аду, проросла в красивую человеческую единицу. Не теряй ее и не распыляй понапрасну свою жизнь.

Стэфана слишком долго искал ответ, а когда он, наконец, был готов, в бараке на одного живого человека стало меньше. Стэфан готовился к этому моменту, но, как только Бланш перестала дышать, горечь захватила молодое неподготовленное к такой потере сердце, руки задрожали, а глаза наполнились тяжелой жидкостью. Юношеская озлобленность на такой огромный и несправедливый мир была готова обрушиться на любого, кто сейчас осмелился бы вклиниться между ним и уже покойной Бланш. Скрипучие ступеньки и нескончаемая брань оповестили о возвращении Генри домой. Вся когорта мексиканцев, ворча от шума, исходившего поначалу от Бланш, потом от носа Стэфана, а сейчас от пьяного Генри, бормотала что-то в полголоса, но все они побаивались буйного пропойцу. Поэтому недовольное бормотание не покинуло их спальных мешков из-под картошки.

Генри с порога швырнул свои сапоги куда-то вглубь барака. Осмотревшись, он заметил заплаканного сына и мертвую старушку. Лампочка накаливания, привешенная на длинную веревку, будто в каком-то аттракционе раскачивалась маятником по комнате, освещая две части барака по очереди, и не давала пьяному мозгу Генри осознать происходящее в его доме. Генри, подойдя к кровати, не сразу понял, что произошло, а, когда радостное осознание кончины ненавистной ему Бланш коснулось его пропитого сердца, несчастный строитель, пивший уже несколько лет к ряду, осмелился произнести вслух:

– Не успела вернуться, как копыта отбросила, такая встреча мне по душе.

Лампочка вновь маятником устремилась в дальний угол расстроенных ее свечением в столь поздний час приезжих рабочих, а, когда тусклому свечению настало время вернуться к Генри и его сыну, у кровати мертвой старушки на полу лежал только Генри, с большим кровоподтеком под глазом.

Впервые в жизни Стэфан ушел из дома без мысли вернуться в него. Холодная ночь угрожала бездомным людям каждую минуту. Рука молодого парня все еще сильно ныла от удара прямо в глаз Генри. Стэфан был полон решимости исполнить последнюю волю Бланш и надеялся на эту возможность как на единственную для него после случившегося.

Глава 2

Первый снег огромными хлопьями повалил на землю, прерывистые порции холодной влаги смягчили ледяной воздух, истосковавшийся по снежному покрывалу. Захватывая в заложники немногочисленных прохожих, снежные перья, садясь на одежду, тут же таяли. Стэфан сам не заметил, как глаза, тяжело сомкнувшись, попытались найти спасение от холода во сне. За свои семнадцать лет молодой парень ни разу не был в центре города или хотя бы в парке аттракционов, он не знал вкуса сахарной ваты или большого ванильного мороженого. Оказавшись на улице и получив свободу от гнета Генри, он стал как никогда зависим от него. Испугавшись улицы и не имея средств, к утру он добрел обратно к бараку и, сев напротив него на ледяную лавочку, случайно уснул.

Огромный грузовик, рассекая пространство, гулким сигналом спас Стэфана от смертельного оцепенения. Левая нога перестала слушаться своего молодого хозяина, а руки, превратившись в два деревянных отростка, теряли свою чувствительность на пальцах. Стелио вышел последним из барака. Закрыв его на засов и старый замок, он положил ключ в небольшое углубление, о котором знали все жители этого обветшалого здания. Подождав еще пять минут, Стэфан подошел к двери. Его дыхание было не способно согреть пальцы, принявшие пугающий бледно-зеленоватый цвет смерти. О чем мог думать сейчас полумертвый молодой мальчик, пытаясь открыть дверь? В его уставшую голову приходили мысли о тепле и горячем чае, в этом оцепенении он не вспоминал о мертвой Бланш и ее последней просьбе, хотя именно эта просьба и придавала ему сил этой холодной ночью.

Деревянные руки Стэфана все-таки смогли подцепить ключи и открыть дверь, захлопнув которую, молодой парень машинально отыскал алюминиевую кружку и насыпал туда крепкой заварки. Замерший юноша сидел на полу, вцепившись в огненную кружку. Неприятное покалывание возвращало в обмершие конечности кровь. Теперь тело Стэфана позволило ему подумать о чем-то еще, кроме желания согреться. Осмотревшись, он не обнаружил тела Бланш. Встревоженный, он подошел к единственной койке, на которой еще вчера лежала Бланш, но ни мертвой старушки, ни ее матраца здесь больше не было. Стэфан сразу понял, что Генри избавился от тела, но куда он мог его деть? Не выбросить же на помойку.

Дверь барака вновь открылась, в темное затхлое помещение проник блеклый солнечный свет и приятный аромат свежих апельсинов, смешанных с горечью благородного табака. Эти духи были здесь такими же инородными как воздух на марсе. Мужчина, вошедший в комнату вслед за ароматом, всматривался в полумрак барака. Заметив Стэфана, он обратился к нему:

– Добрый день, я ищу свою матушку, пожилую женщину по имени Бланш, она покинула клинику и, скорее всего, вернулась в этот сарай.

Стэфан понимал, что перед ним стоит ее сын Калип. Он не мог объяснить ему, куда подевалось ее тело, но ему пришлось отвечать:

– Ваша мать умерла вчера вечером.

Эти слова никак не повлияли на ворожение лица богатого джентльмена. С невозмутимым видом он достал белый листочек и, поднеся очки к глазам, прочитал:

– Стэфан, мне нужен мальчик по имени Стэфан, вы не знаете где он сейчас?

– Перед вами.

Калип с явным удивлением посмотрел на грустного паренька, и по его взгляду было понятно, что он ожидал увидеть мальчика лет десяти.

– В любом случае, последней волей моей матушки было забрать вас отсюда. Если вы готовы, то я прошу вас собрать вещи, если они у вас имеются, и сейчас же отправиться со мной во Францию, если, конечно же, вы не против проживания в моем доме?

Как обычно бывает с людьми, которые узнали о том, что они резко разбогатели или получили то, о чем и мечтать перестали, уставший парень спокойным голосом ответил:

– Мне нечего отсюда забирать.

– Чудно, тогда нам пора, самолет долго ждать не будет.

Вставая с голой койки и направляясь к входной двери, Стэфан поинтересовался:

– Откуда вы узнали об этой просьбе Бланш? И вообще вам не интересно, где ее тело?

– Она прислала мне письмо два дня назад, а, что касается ее тела, это не так важно.

Главное, что ее душа, наконец, покинула этот ад на земле.

Входной проем ввалилось пьяное тело Генри, перегадив выход Калипу и Стэфану.

Пьяный папаша сразу понял, что Бланш перед смертью написала Калипу. Она очень часто грозила этим Генри, разжигая в нем злобу и ненависть к себе. И сейчас, когда он, наконец, избавился от ее тела, вызвав скорую и полицию. Старушку отвезли в городской морг, а она и с того света крадет его сына. Генри пьяным разумом хотел много чего сказать, но его алкогольная зависимость нашла самые циничные слова:

– Так значит, хочешь забрать моего мальчика?

– Да, такова была просьба моей покойной матушки, вы против? Вы его родственник, она писала он сирота.

– Да, да, сирота. Он задолжал две тысячи долларов за проживание здесь, оплатите их, и вы свободны.

Калип достал две тысячи долларов и, вручив их Генри, в спешке вывел Стэфана из дома. Подойдя к дороговому черному лимузину, Калип спросил бедного мальчика:

– Кто был этот мужчина?

– Жестокий алкаш, мучавший меня всю мою жизнь.

Мягкие сиденья и плавный ход лимузина быстро убаюкали не спавшего всю ночь Стэфана, его билет на свободу увозил его из лап нищеты и пьянства, а новая жизнь, как бы она ни сложилась, была лучше его прошлых мучений.

Аэропорт, частный самолет и Калип, больше похожий на живой органайзер. Все это придавало путешествию Стэфана сказочности, его первый фастфуд, первый вкусный коктейль. Только когда до посадки оставалось десять минут, Стэфан впервые посмотрел в люк, высота и простор, раскрывшийся перед его взглядом, завораживали ничуть не хуже, чем свежая выпечка, которой изголодавшийся мальчик окончательно забил себе желудок. Он искренне не понимал, почему Калип не радуется всем этим плодам цивилизации, доступным только богатым людям. Его новый отчим всю дорогу до Франции не вылезал из своего ноутбука. Стэфан множество раз хотел сказать ему спасибо за спасение, но боялся отвлечь Калипа от чего-то важного в своих документах. Даже после того, как самолет приземлился, хозяин самолета не заметил этого, только пилот, вышедший проститься с Калипом, привел его в чувства. Калип резко встал и, взяв Стэфана за руку, вышел наружу, где их ожидал очередной лимузин. Шофер уже открыл дверь перед уважаемым в этих краях Калипом, управляющим несколькими большими фирмами своей жены. Калип, резко остановившись, осмотрел Стэфана, будто прежде его и не видел.

– Сколько в тебе роста?

– Не знаю, никогда не задумывался, а это важно?

– Мне кажется где-то 188, а сколько в тебе килограмм?

– Ну, так сложно сказать, может где-то шестьдесят.

– Да, думаю не больше, садись в машину.

Калип позвонил своей помощнице, которая встретила их у магазина одной из самых престижных марок одежды не только во Франции, но и во всем мире. Калип попросил подобрать Стэфану новый гардероб, оставшись при этом в лимузине. Мальчик чувствовал себя неловко и не желал мерить многочисленные джинсы и рубашки тем более в присутствии незна-

комой женщины, нахваливающей каждую вещь, что попадалась им на глаза. Набрав десяток пар джинс и белых сорочек, помощница Калипа с легкостью расплатилась за все кредиткой. Стэфан видел сумму, которую они потратили на, как ему казалось, обычные джинсы и рубашки. Этой суммы вполне хватило бы на все лекарства для Бланш. Эта мысль поразила молодого парня, ему сразу стало гадко на душе, а сам в себе он увидел жалкого лицемера. Калип, ожидая Стэфана в автомобиле, все время ерзал и смотрел на часы. Ему постоянно не хватало времени. Как только Стэфан сел рядом с новым отчимом, он тут же сказал:

– Послушайте, мне не нужно таких дорогих вещей. Я буду благодарен вам и за меньшее, тем более этих денег могло бы хватить, чтобы...

Стэфан не смог договорить. Вспомнив Бланш, его голос наполнился слезами, он не был ее плотью, но любил ее всем сердцем. Калип понял это и, видя искренность молодого парня, коснулся его плеча.

– Она очень хотела, чтобы ты вырвался из того барака, и я сделаю все, чтобы ты увидел другую жизнь. Я тоже вырос в том гадюшнике и до сих пор вспоминаю то время с содроганием. Моя матушка сама выбрала для себя такую жизнь, я сотни раз предлагал ей переехать к нам, но она упрямилась и не хотела покидать Штаты. Ладно, скоро ты увидишь свой новый дом, и хандра исчезнет.

Стэфан сидел, молча, и смотрел в окно. Наблюдая незнакомый ему континент, он не поверил Калипу, но продолжать этот разговор больше не хотел. Его очень удивили узкие серпантинные дороги, огибающие побережье, подъемы и спуски к самому морю, а потом вновь – на верхушку. Калип впервые проявил человеческие эмоции, задремав над ноутбуком, но уже через минуту лимузин остановился около огромного особняка, украшавшего собой местные просторы уже не одну сотню лет. Вся многочисленная прислуга, получающая жалование за имитацию старинного достатка семьи Калипа, высыпала на улицу. Заспанный господин, поздоровавшись со всеми, подошел к управляющей этого особняка, пожилой Фазиль. Указав на мальчика, он распорядился выделить ему большую хорошую комнату и обращаться с ним как с его сыном. Сам мальчик стоял сзади и чувствовал себя некомфортно. Когда вся прислуга разошлась по своим местам, Калип, наконец, обратил свое внимание на Стэфана.

– Послушай, я знаю, как все эти перемены для тебя необычны и новы, но здесь ты можешь чувствовать себя как дома. Я вернусь через полгода и мы, наконец, познакомимся. Я вижу, что ты добропорядочный и добрый, а это самое главное в человеке. По всем вопросам можешь обращаться к Фазиль, пусть тебя не пугает ее вид, по правде она очень милая женщина. Моей жены тоже нет в стране, так что здесь всем заправляет ее отец Ганц. Его тоже не бойся. Если он начекает ворчать, это потом пройдет.

Стэфана что-то кольнуло в бок. Скорее всего, это было чувство чего-то брошенного в инородном месте. Этот странный мужчина считал каждую секунду и при этом не замечал многого по-настоящему важного. Он был для высокого ссутулившегося парнишки самым родным человеком на этом континенте. Странное дело: тот, кто еще пять минут назад казался чужим и непонятным, сейчас так волновал Стэфана. Но все эти переживания так и остались в молодом парне. Черный лимузин Калипа увез своего хозяина в аэропорт, а оттуда в Цюрих. Фазиль, молча, показала новую комнату Стэфана. Эти хоромы могли вместить всех жителей прошлой жизни юноши, и сейчас эта комната корила бедного мальчика, задавая ему немой вопрос: достоин ли он того, чтобы быть здесь? Хотя он был не виновен в смерти Бланш, он помнил о том, что только ее кончина позволила ему попасть сюда.

Огромный потолок, украшенный старинной лепниной, бирюзовые обои с гербом прошлых знатных хозяев, гигантская пуховая кровать с четырьмя высокими колоннами по бокам, на которых держалась шелковая красная занавеска. Все это довлело над мальчиком. Какое-то время он стоял напротив зеркала, будто бы часовой, боясь лишней раз пошевелиться, ему

казалось, что сейчас та пожилая дама вернется и, заметив ошибку, уведет его в настоящую комнату, не похожую на музей.

Никто так и не потревожил старинную дверь второй раз за день. Стэфан, свернувшись калачиком, спал возле двери, а, когда свело руку, и кровь покинула ее, проголодавшийся юноша, встав с пола, еще раз посмотрел на кровать, но так и не решился тревожить покой старинной перины.

Дверь, неохотно поддавшись Стэфану, приоткрылась и выпустила мальчика из плена вычурной старины. Коридор, такой же помпезный, как и все покои на верхнем этаже этого особняка, заканчивался деревянной лестницей, от которой захватывало дух. Стэфан не отка- зал себе в удовольствии коснуться столетнего дуба, обработанного первоклассным лаковым покрытием. На первом этаже перед юношей встал выбор в какую сторону идти. По правде говоря, он и сам не понимал, чего он ищет, скорее всего, кусочек хлебushка и кровать, создан- ную для простых смертных. Выбрав правый коридор, также укутанный темнотой, Стэфан добрался до служебного помещения, где жила прислуга. Голодный юноша постеснялся сразу потревожить отдых официантов, садовников и смотрителей гаража. Встав около приоткры- той двери, Стэфан вслушивался в непонятную для себя речь, разбавленную смехом. Хозяин особняка Ганц приказывал говорить по-английски, а все работники жили неподалеку и, как и все французы, недолюбливали английский. Только после десяти вечера, когда наступал их отдых, французский, томившийся весь день за грузными английскими словами, разливался по маленьким комнатам и возвращал историческую справедливость на когда-то французские владения. Одна из кухарок вышла в коридор и заметила Стэфана. Ее не удивило его незнако- мое лицо. Ганц очень часто нанимал новых людей и так же часто увольнял их. Триша спросила Стэфана:

– Ты новенький?

– Да, я недавно сюда приехал.

– Ты что-то ищешь?

– Да, мне нужна управляющая. Фазиль, по-моему.

– Она уже давно дома. Сразу после того, как Калип вновь уехал, она тут же отправилась домой. Фазиль не появляется здесь, пока хозяева отсутствуют. И нас, и ее это устраивает, что ты хотел узнать?

– По-правде говоря, я немного проголодался.

– Да это не проблема, заходи.

Триша, вернувшись в комнату, завела Стэфана за собой.

– Вот знакомьтесь – новенький. Хочет есть.

На полу в тесном кругу сидело девять человек, все они дружелюбно поздоровались с новеньким и, усадив его рядом, наложили пюре с куриными ножками. Сидевший по правую руку садовник Эмиль оценивающе посмотрел на Стэфана и, немного посомневавшись, все- таки наполнил бокал красным местным вином. Стэфан впервые после приезда сюда сопри- коснулся с чем-то живым и близким. Он никогда не пил, но тепло, наполнившее его от обще- ния с этими милыми людьми, располагало попробовать этой ночью что-то новенькое. Осушив бокал вина залпом, Стэфан удивился спокойствию, пришедшему после слегка кислого после- вкуса местного вина. Второй бокал вина заставил всех сидевших рядом со Стефаном начать медленно передвигаться по комнате, а сам молодой человек пытался ухватиться за трезвый рас- судок и прекратить этот пьяный хоровод в своей голове. Лана, оставшаяся за старшую в отсут- ствие Фазиль, вошла в комнату с недовольным выражением лица. Ей очень нравился статус управляющей, она уже приготовилась разгонять подвыпивших работников, но, увидев пьяного мальчика, которого утром привез Калип, пришла в ужас, представив, как Фазиль будет кри- чать на нее. Лана совершенно забыла о нем, но за свой проступок она начала кричать на своих подчиненных:

– Что вы натворили? Вы споили ребенка, которого привез хозяин утром и сказал заботиться о нем.

Весь круг посмотрел на Стэфана совершенно другими глазами, каждый теперь видел в нем угрозу своей работе. Каждый корил его за такую гнусность.

– Вы еще здесь? Быстро по своим комнатам! – повысила голос Лана.

Весь круг послушно встал и разбрелся по своим комнатам. Лана, резко поменяв интонацию, шелковым голосом обратилась к Стэфану:

– Послушайте, извините меня, пожалуйста. Я должна была присматривать за вами, но совсем закружилась, столько дел. Пожалуйста, не говорите об этом Калипу, иначе он уволит нас всех.

– Я не хотел доставить вам неудобства, просто мне было не по себе в той большой комнате. Вы не могли бы меня переселить куда-нибудь еще?

– Нет, простите, дождитесь Ганца и поговорите с ним.

– А когда он приедет?

– Дней через пять.

– Но я не могу все это время спать там, мне там не спиться, и я боюсь там все испачкать.

– Глупости какие! Пойдемте, я помогу вам расстелить кровать.

Стэфан не хотел возвращаться в ту огромную холодную комнату, корящую его за само существование на этой планете, но выбора у него не было.

Глава 3

Ганц вернулся раньше намеченного срока. Все служащие огромного особняка побаивались своего хозяина. Он был истинным немцем и в свои шестьдесят пять всегда ходил с немецкой выправкой. С самого раннего детства он трудился на ферме отца. Они выращивали виноград, что было не совсем обычным делом для немецкой земли, но владения его отца Фридриха славились своей плодородной почвой, благодаря чему у них рос лучший белый виноград Рислинг из всех местных виноделен. А особое расположение земли под определенным углом наполняло грозди винограда солнечным светом больше, чем у конкурентов, и благодаря этому вино Фридриха получило статус географического вина защищенного по происхождению. Именно этот статус позволил Фридриху, а после и Ганцу получить солидное состояние. Всю жизнь Ганц продолжал дело своего отца. Вырастив на ферме двух дочерей, Хельгу и Грету, только под старость лет он перебрался на юг Франции, выкупив убыточное поместье со своей винодельней. Морской воздух был очень полезен для ослабшего тела Ганца. Его дочь Хельга с головой ушла в политику. И к тридцати годам уже была во главе одной из самых влиятельных партий на территории Германии. У нее не было времени на семью и на сына Жерома, который рос с няньками и гувернантками. Ганц обожал своего внука и хотел вывести его в люди, поэтому он решил, что Жером должен стать адвокатом и отправил его учиться в лучший университет Англии. Во внуке Ганц видел своего наследника, поэтому требовал от него очень много и пристально следил за его жизнью. Другая его дочь Грета, отучившись на дизайнера, открыла свою линию одежды. Она была талантливым дизайнером и отправилась в США продвигать свою марку. Калип благодаря Бланш получил неплохое образование управляющего и, познакомившись с Гретой на одном из званых ужинов, помог ей с раскруткой бренда, так они незаметно остались вместе. Грета привезла из США нового мужа. Поначалу Ганц очень сильно недолюбливал Калипа, но, когда Калип полностью взял управление в свои руки и удвоил им состояние, Ганц принял его как родного сына. Сама Грета была постоянно в разъездах, на модных показах и выставках. Погрузившись в мир моды с головой, она видела мужа и отца два раза в год.

Ганц слышал о выходке Калипа, и его очень злил сам факт того, что он притащил в дом сироту, даже не спросив его разрешения, но открыто сказать об этом он не мог, так как именно Калип сейчас приносил основную прибыль в его карман. Пожилой мужчина не любил скучать и сидеть на месте, он постоянно находил себе какое-то увлекательное занятие, вот и сейчас, приехав в свой особняк на большом грузовике, Ганц привез старый раритетный Мерседес Бенс, точнее, только основу автомобиля.

Каждый год на этих землях проходит пробег на старинных автомобилях, а после все участники пробега удачно продают свои детища, аккуратно собранные вручную, за очень большие деньги на аукционе. Самым дорогим автомобилем считается именно первый, ведущий всю колону, поэтому все участники автопробега жаждут ехать впереди всех. И, чтобы уладить этот спор богатых особ, была созданная комиссия, отслеживающая сбор автомобилей согласно изначальным чертежам. Главное правило для победы и желанного места флагмана в автопробегах – собрать автомобиль раньше всех и добиться абсолютной точности в сборке. Два года подряд Ганц проигрывал это почетное право своему соседу Себастьяну, но в этом году пожилой немец был полон решимости повести колонну впервые в жизни. Ганц ехал всю ночь из Баварии, но он и слышать не хотел об отдыхе. Только когда его ласточку аккуратно выгрузили, хозяин особняка облегченно выдохнул и, зайдя в свои владения, тут же закричал:

– Фазиль! Почему меня никто не встречает?

Лана, услышав грозный рык Ганца, поняла, что сейчас ее ждет серьезный разговор. Фазиль была в соседней деревне, и впервые за пять лет своей попустительской работы Ганц

застал ее врасплох. Бледная Лана выбежала впопыхах к сердитому хозяину. Вся толпа слов и оправданий, скопившись где-то в глубине гортани, не позволила самопровозглашенной управляющей четко и понятно объяснить отсутствие Фазиль. Ганц не любил ждать и, услышав непонятно мычание Ланы, спокойным голосом произнес:

– Фазиль нет на рабочем месте?

– Да, она... Ей пришлось уехать, и я за нее.

– И кто это решил? Фазиль назначила тебя главной?

– Сэр, я работаю на вас уже очень давно и знаю обязанности Фазиль досконально.

– Я рад за вас. Вы знаете, где сейчас Фазиль?

– Да, у себя дома.

– Хорошо, вы сейчас же отправитесь к ней и передадите, что из-за ее расхлябанности я увольняю ее и вас как совершенно некомпетентных кадров.

Лана ожидала такого развития и, молча зайдя в свою бывшую комнату, собрала немногочисленные вещи, после чего покинула особняк Ганца навсегда, проклиная противного старикашку.

Вот именно такие моменты и заставляли Ганца держать многочисленную прислугу. Эта власть над другими придавала ему сил и желания жить дальше. Насладившись моментом расправы с нерадивыми работниками, Ганц отыскал Тришу, которую более-менее помнил на лицо. Она как раз готовила ужин. Зайдя на кухню, Ганц по привычке ударил своего повара по попе. Он часто позволял себе такие развязанные действия в отношении молоденьких работниц. Триша, испугавшись, подпрыгнула и хотела начать ругаться, но, увидев Ганца, тут же начала улыбаться.

– А это вы? Вы так рано вернулись?

– Соскучилась?

– Кончено, мы все вас ждали обратно.

– Ну, хватит тебе завираться. Я помню не всех своих работников, но твою упругую задницу было сложно не запомнить. Я слышал Калип притащил в дом грязного оборванца, я хотел бы познакомиться с ним.

– Да, я сейчас покажу вам его комнату.

Триша и Ганц вместе поднялись в покои Стэфана. Когда пожилой немец увидел, что Фазиль отдала этому сироте любимую комнату Жерома, он еще раз вспомнил ее плохим словом, но, когда Триша открыла дверь, комната выглядела так, как будто в ней никто и не жил. С одной стороны Ганц обрадовался пустоте, но с другой стороны, проживание мальчика в любимой комнате Жерома могло бы стать шикарным поводом выкинуть Стэфана на улицу. Хозяин особняка, приняв уставший вид, приказал Трише отыскать мальчика и сообщить ему, где он. Сам же Ганц, приняв пенную ванну, разлегся на огромной ложе, заполнив пространство своим громким храпом.

На следующий день рано утром, когда все еще спали, Ганц бодрой походкой направился в гараж еще раз осмотреть каркас, купленный им в Баварии за приличные деньги. Все детали для сборки были доставлены и ожидали начала работ. Когда первые лучи солнца заполнили гараж теплым светом, Ганц принялся за кропотливую работу. Ближе к полудню, когда весь особняк принял оживленный вид, пожилой хозяин решил прерваться на обед. Ганц выбрался из-под автомобиля с острой болью в спине. Кое-как разогнувшись, гордый немец пытался взять вверх над возрастом и его проявлениями, но ни деньги, ни власть не спасали его от времени. Сев на раскладной стул, Ганц осознал: в одиночку ему не собрать этот Мерседес. Нужен был помощник.

У пожилого немца скопилось тридцать дорогих автомобилей, которые каждый день проверял Никола. Проверка была не долгой. Никола заходил в хранилище игрушек Ганца, включал свет, в голос говорил «все нормально», выключал свет и шел смотреть телевизор. Все утро

из своего окна Николая наблюдал за возней Ганца около каркаса Мерседеса, а, когда тот скрючившийся рухнул на стул, вышел проверить своего работодателя.

– Доброе утро, месье Ганц. Может, вам нужна помощь?

– Да, пожалуй, пора признать, годы берут верх. Пару молодых толковых рук пригодились бы.

– Я сейчас же пришлю к вам человека.

– А как там поживает мой любимый Порше?

– Все как всегда – в идеальном состоянии.

– Замечательно. Сегодня хотел проехать на нем кружок вокруг своих владений.

– Да, конечно. Я пойду, подготовлю его к выезду.

Ганц прекрасно знал, что Николая ничего не делает, но он хотя бы не выпивал на рабочем месте как предыдущие служащие. Николая, вернувшись в гараж, что-то сердито бормотал себе под нос. Стэфан не понимал французского, но все было и так очевидно по интонации. После того, как Стэфан самовольно покинул тесные хоромы, прошло три дня. Он не знал, что ему делать и куда идти. Так, бесцельно шатаясь, он прибил к Николаю. Многие работники в межсезонье, когда работать в поле не нужно, блуждали по особняку от скуки. Николая принял Стэфана именно за такого работника и от большой лени нагружал его своими обязанностями по гаражу. Стэфан был рад такой возможности занять чем-то мысли.

Николая попробовал завести Порше, но машина, издав серию натужных звуков, так и не ожила.

Николая вновь выругался на своем родном языке.

– Что-то случилось? – не выдержал Стэфан.

– А, ты здесь? Слушай, у меня будет для тебя маленькое поручение. Ты видел большой гараж напротив?

– Да, вчера в него привезли сломанную машину.

– Ну, вот. Сейчас там сидит несносный старикашка. Ему нужна помощь.

– Хорошо, я помогу ему.

Стэфан вышел из выставочного зала и направился к Ганцу. Пожилой немец, наконец, почувствовал себя лучше и вновь принялся собирать Мерседес.

– Простите, мне сказали, вам нужна помощь, – зайдя в гараж, робко произнес Стэфан.

– Что-то ты какой-то хилый. Давно здесь? – Ганц оценивающе посмотрел на юношу.

– Нет, совсем недавно.

– Ну, хорошо. Все равно шатаешься без дела. Посмотрим, какой из тебя помощник.

Стэфан схватывал все на лету и делал все ровно так, как говорил Ганц. Наконец, работа в гараже была направлена на сбор автомобиля, а не только на имитацию труда.

Три недели в жизни Стэфана и Ганца пролетели незаметно. Каждый день был похож на предыдущий, но стариком и юношей в равной доле завладело желание поскорее закончить этот великолепный автомобиль. Проводя все время бок о бок, они никогда не разговаривали. Ганц давал команды, а Стэфан послушно их выполнял. Вся ходовая, сцепление и мотор были установлены. Осталось собрать только внешность пожилой красавицы, уже заигравшей новыми красками.

Хозяин особняка и Стэфан аккуратно распаковали лобовое стекло Мерседеса, и только после того, как стекло встало на свое законное место, Ганц пристально осмотрел его и заметил небольшую трещину в самом углу. Эта трещина, насмехаясь над ним, грозила стать причиной проигрыша Ганца соседу. Ганц весь побагровел. Стэфан опустил на пол водительское сидение и подошел к пожилому мужчине.

– Вы чем-то огорчены?

– А ты не видишь?

Стэфана испугал крик пожилого немца, но он и вправду не понимал причину его раздражения.

– Простите, но нет.

– Трещина! Гигантская трещина! Вот причина. Теперь можно поставить крест на победе, такое же стекло мне не найти во всей Франции, а ехать назад в Баварию времени нет.

– Но трещину едва видно.

– В прошлом году я проиграл только из-за отсутствия маленькой металлической хрени на антенне. А ты говоришь незаметная трещина, это жюри будет рассматривать автомобиль под микроскопом, и эту трещину они точно заметят.

Стэфан захотел успокоить сердитого старичка, но Ганц, схватив кусок арматуры, швырнул его в лобовое стекло, а после вышел из гаража и направился запивать горе выдержанным коньяком.

Стэфан еще долго, молча, стоял около избитого Мерседеса, он не хотел бросать это дело просто так, именно оно позволило ему адаптироваться здесь, хотя по злой иронии он и не представлял себе, что трудится вместе с тем, кого больше всего боится. Юноша твердо решил продолжить сборку и остался в гараже до глубокой ночи. Подвыпивший Ганц, примирившись сам с собой, решил проведать обиженный им кусок металла. Каково же было его удивление, когда, подойдя к гаражу, он увидел Стэфана. Молодой парен, невзирая на усталость и голод, бережно вставлял переднюю фару раритетного авто. Именно этот момент тронул сердце пожилого привыкшего к труду Немца. Еще никто не разделял с Ганцом его страсть к созиданию руками, а этот грязный уставший мальчик без приказов и команд занимался делом, которое и вправду было ему по душе.

Все было практически готово, Стэфан обошел Мерседес со всех сторон, и его заполнила гордость от проделанной работы. Ганц гордился незнакомым мальчиком и, медленно подойдя сзади, положил руку на плечо Стэфану.

– Ты здорово поработал, никогда не видел такой страсти в глазах к старинному автомобилю у молодого человека. Жаль, этого все равно будет не достаточно. Без лобового стекла нам не принять участия в пробеге.

– Я взял на время ноутбук у Николя и поискал в интернете наш недостающий элемент. И нашел одно предложение у скупщика старинных автомобилей в Ницце, но стекло стоит пять тысяч евро.

– Деньги не самое главное. Предварительная комиссия приедет уже завтра, а автомобиль должен быть готов к сдаче к субботе, а сегодня понедельник. Нужно еще установить панель приборов и колеса. Скажи номер счета, и я сегодня же переведу туда пять тысяч.

Испугавшееся сердечко Стэфана ускорило свой шаг. Только что он понял: пьяный старик не работник Ганца, он и есть владелец этого особняка. Молодой человек не представлял себе так владельца. Ему казалось, он должен быть более аристократичным на внешность и уж точно не трудиться в гараже всеми днями. Ганц не заметил волнения своего помощника.

– Я больше не смогу собирать эту жемчужину автомобилестроения. У меня завтра прием всех остальных членов комиссии, а потом мы будем посещать других участников и проверять их творения. Но если ты успеешь собрать это чудо до субботы, когда настанет наш черед, я подарю тебе его. Наверное, я бы никогда не поступил так при других обстоятельствах, но, невольно подглядев, как ты трудишься, я увидел, насколько тебе дорог этот Мерседес. Так что теперь наше первое место у тебя в руках. А сейчас пойдем, ты заслужил хороший ужин.

Триша выучила повадки Ганца и знала, что, пока он не рухнет на кровать, он не даст ей покоя, поэтому, опережая просьбу подвыпившего немца, Триша накрыла на стол. Стэфан понимал, что ему нужно признаться в том, кто он, но эти мысли напрочь отказывались воплощаться в слова. Ганц усадил своего помощника рядом с собой и, наполнив его бокал дорогим коньяком, произнес тост: «За первое место!» Стэфан послушно осушил бокал и, вновь

немного успокоившись, точно решил все рассказать, но Ганц уже был пьян и захотел немного поразвратничать. Он выпроводил Стэфана с кухни. Юноша не понял, почему его так быстро попросили удалиться, но в этом он видел удачу для своей тайны. После непродолжительной минуты страсти между Ганцом и Тришей, к которой работница относилась как к негласной обязанности, немного растрепанная кухарка спросила полусонного Ганца:

– Не ожидала, что вы так тепло примите Стэфана. Видимо, вас он так же обезоружил, как и нас всех, своей искренностью и простой.

– Так этот мальчишка тот оборванец из Штатов? Кто бы мог подумать! Но мне слишком хорошо, чтобы сердиться, да и вообще он упорно работал, так что заслужил себе место в моих владениях.

После этих слов Ганц мирно уснул прямо на стуле. Его не смущало отсутствие штанов и тарелка вместо подушки.

Глава 4

Стэфан в ожидании ответа из Ниццы на его запрос по поводу лобового стекла выбирал цвет для авто. Юноша старался вести себя равно так же, как и до вчерашнего разговора с Ганцом, но что-то внутри него уже поменялось и не желало опровергать претензии на этот старинный Мерседес. Желания быстро окружили разум Стэфана, и вот мысли уносили его к родному бараку, из которого, как обычно в шесть часов утра, все обреченные каторжники выходили и смиренно шли на работу, а Стэфан представлял, как он медленно открывал дверь этой грациозной машины и, облачившись во все покупки Калипа, помогал выйти из автомобиля еще одному образу, размытому и едва уловимому, но такому нужному Стэфану наяву. На самом интересном месте, где Генри, забывший своего сына, встречается с ним взглядом и понимает, что его сын теперь успешен и счастлив. В этот момент в гараж вошел Ганц. Стэфан тут же встал со стула. Юноша боялся, что Ганц передумает и откажется от своих слов, но хозяин особняка пришел не для этого.

– Выбираешь цвет?

– Да, не могу определиться. А какой вам нравится?

– Давай не будем мудрить и оставим ее родной цвет «серебряной стрелы».

– Как скажите. Я жду ответа по поводу стекла. Надеюсь, его доставят в ближайшее время.

– Я и пришел обрадовать тебя. Сам я уже отпраздновал эту новость, весь пробег переносится на неделю, а мой осведомитель сообщил, что наш главный конкурент за первое место только на стадии сбора ходовой.

Стэфан выдохнул с облегчением, а Ганц продолжил:

– Все в твоих руках, но скоро в особняк вернутся Калип, Грета, Хельга и мой внук Жером, не говоря уже о комиссии, которая приедет со дня на день, так что я больше не смогу проводить тут с тобой столько времени. Если возникнет сложность с покраской, можешь обратиться к Николаю. И да, кстати, – наш уговор в силе.

Как только Ганц покинул гараж, Стэфан получил неутешительное сообщение из Ниццы. У владельца магазина появились трудности с налоговой: он вовремя не сдал декларацию, и инспекция начала проверку его дела, временно заморозив бизнес. Теперь оставалось только надеяться на лучшее, победа вновь начала ускользать из рук Ганца, а Стэфан, не зная чем еще заняться, вновь погрузился в мечтания, такие далекие и неосязаемые. Тот еле уловимый образ девушки преследовал юношу, он мог часами описывать ее внешность, все до мельчайших подробностей, но стоило ему проснуться, все черты улетучивались, оставляя смутный образ первого идеала любви.

Хозяину винодельни пришло время задуматься о назначении нового управляющего, чтобы свести к минимуму свое участие в жизни особняка в моментах, которые ему были скучны. Ганц пригласил Тришу и по окончании очередной пошлой минуты между ним и его служащей, он произнес:

– Ты мне очень нравишься, и я подумываю взять тебя своей управляющей, но в этом есть одна сложность: мне также нравится, как ты готовишь. А сегодня или завтра ко мне приедут члены комиссии, если сможешь найти годную повариху, место твое.

Триша ждала этой возможности уже очень давно и, примирившись со своей совестью, наконец, получила награду за мерзкие секунды близости с Ганцом. Но талантливый повар не высказал своей радости, что-то гложило без пяти минут новую управляющую, видимо кандидат, которого она должна была предложить на свое место, вызывал определенные опасения.

– У меня есть такой человек. Она моя подруга живет в соседней деревне. Думаю, она сможет заменить меня на кухне, – решила рискнуть Триша.

– Чудно. Раз так, то найди Николая и прикажи привезти ее сюда. Посмотрим, кого ты предлагаешь, и потом уже решим.

Дверной звонок встревожил всех служащих и заставил Ганца застегнуть ширинку. Пятнадцать пожилых богатых джентльменов стопились в прихожей. Со стороны они напоминали стадо взволнованных напыщенных баранов. Ганц раскланялся с каждым и пригласил обсудить организационные вопросы пробега в большой гостиной. Он будто бы сердечная воспитательница рассадил каждого в заранее приготовленные кресла и диваны, а, когда его подопечные прекратили посторонний шум, начал заседание, посвященное долгожданному автопробегу.

Триша, все еще терзаемая непонятной тревогой, отыскала Николая, который вместе со Стефаном полировал очередную металлическую красавицу, наводя ей ненужный марафет. Триша прервала молодых людей.

– Николай, у тебя есть задание от Ганца.

– Что ему опять понадобилось?

– Ты должен привезти из деревни Кристин. Ты же знаешь, где она живет?

При звуке этого имени лицо Николая приняло весьма болезненный вид. Он старался сдерживать себя.

– Передай ему, я привезу ее к обеду.

– Я позвонила и сообщила ей о новой вакансии повара. Пусть с готовкой у нее плохо, эти деньги ей очень пригодятся.

– Я не хочу говорить о ней. Оставь эти подробности при себе.

Триша понимала расстройство Николая и, решив не продолжать этот диалог, вышла из гаража.

– Тебя чем-то обидела Кристин? – с искренним непониманием поинтересовался Стэфан.

Николая, догадываясь о неопытности и наивности Стэфана в любовных вопросах, смягчил свой ответ.

– Я встречался с ней. По крайней мере, мне так казалось, но, когда я уже начал надеяться на что-то большее, чем держание за ручку, она бросила меня, так и не объяснив причины. Я до сих пор помню ее милые глаза, в которых я так и не нашел ответа.

Стэфан и вправду был слаб в делах любовных, но отсутствие опыта заменялось своим мнением на тот или иной вопрос. А сейчас Стэфан отчетливо видел страдание в словах и жестах Николая, а, значит, он еще любит. Николай подошел к зеркалу и, оглядев себя с ног до головы глазами Кристин, нервно произнес:

– Нет, слушай, так не пойдет. На кого я похож, простой слесарь, весь в мазуте и бензине. Стэфан, дружище, выручи меня, пожалуйста. Забери ты ее вместо меня, я пока что приведу себя в порядок.

– Но зачем тебе прихорашиваться, если она причинила тебе боль? – Непонимание вновь выступило на лице молодого парня.

– Стэфан, послушай, это сложно. Я хочу показать, что у меня все хорошо и что я не страдаю. Разве такой жалкий вид говорит об этом? Видишь, ты молчишь, а это лучший ответ.

– Но я не очень хорошо вожу, и у меня нет прав. В молодости я практиковался на складе, пока там работала моя... Бланш.

– Ну, вот видишь. Водить Порше ничуть не сложнее, чем погрузчик.

– Порше? Нет, я не осмелюсь, почему именно Порше?

– Потому что между нами, это единственная машина, которая на ходу. Только ее проверяет Ганц. Ты выполнишь мою просьбу? – Оглянувшись, шепотом ответил Николай.

– А если меня хватятся?

– Я возьму все на себя.

– Хорошо. Я помогу тебе, но я совершенно не знаю, куда ехать.

Николай ушел в свой кабинет и, вернувшись с навигатором, установил его в Порше.

– Ну, вот, я уже установил маршрут. Просто забери ее и привези сюда, но я тебя прошу, не общайся с ней. Она производит ошибочное первое впечатление. Давай запрыгивай и попробуй тронуться.

Стэфан сел в Порше, и его охватило волнение, которое, наверное, можно сравнить с ощущениями от первого поцелуя. А когда мотор после поворота ключа ожил и издал первые ни на что не похожие звуки, Стэфан сам захотел прокатиться на нем. Аккуратно убирая ногу с акселератора, Стэфан смог плавно выехать из гаража. Перед тем, как покинуть особняк и впервые прокатиться на шедевре инженерной мысли, Стэфан посмотрел в сторону гаража, но Николая уже побежал в душ.

Первые метры свободы звук мотора, глухой, но волнующей сердце Стэфана, не был потревожен увеличением мощности, но после километра Стэфану показалось, что этот роскошный Порше шепчет ему на ухо: «Давай, ты же знаешь, я могу быстрее. Я была создана для скорости. Проверь меня!» Дорога немного спустилась к морю; она была пустой. Особую редкость для этих земель представляла прямая, без поворотов, скрадывающих скорость, таких быстрых участников движения. Выдохнув, Стэфан нажал на газ, и непередаваемое ускорение вдавило неопытного водителя в кресло. Счастливому юноше казалось, что Порше может набирать скорость до бесконечности, но, случайно посмотрев на спидометр, Стэфан резко остановился и тут же почувствовал запах жженой резины. Скорость в двести шестьдесят километров он запомнит надолго. Угрызения совести больше не позволили ему так лихачить. Ему казалось, он мог что-то сломать своим неразумным вождением и тем самым подставить Николая, поэтому оставшиеся километры до дома Кристин Стэфан придерживался шестидесяти километров в час. Вдоволь насладившись автомобилем, юноша стал представлять себе Кристин. Николай казался ему симпатичным молодым человеком. С ним флиртовали все работницы особняка, так что ему очень хотелось увидеть девушку, влюбившую его в себя так безоговорочно.

Теплый ветер незаметно затянул все небо огромной черной тучей, а стена дождя, накрывшая Стэфана, нещадно била наливными каплями по стеклу, заставляя сбавить скорость до двадцати километров.

Ганц не удержался и похвастался своим сокровищем, которое было практически готово. Естественно конкуренты и особенно его сосед Себастьян выпросили хозяина пустить их посмотреть одним глазом на его детище. Ганц, распираемый гордостью от успешной сборки, согласился показать им свой Мерседес через неделю до официального дня оценки. Черная туча только приближалась к особняку Ганца, сам хозяин, ведущий стаю джентльменов к своему шедевру, ожидал встретить Стэфана рядом с автомобилем. Но, как только толпа любопытных конкурентов ворвалась в гараж и окружила незаконченный Мерседес, Ганц понял, что его помощник ничего не делал за все время его отсутствия. Злоба сверкнула в глазах пожилого немца. Тем временем Себастьян осмотрел весь автомобиль и с торжествующим видом произнес:

– Господа, я буду вынужден совет просить о дисквалификации многоуважаемого Ганца Градцкого.

Эти слова заставили всех замолчать и с интересом посмотреть на Ганца. Ганц, не понимающий претензию Себастьяна, спросил его:

– Что конкретно вам не нравится?

– Как вы помните, уважаемые господа, все мы с вами договорились о честной сборке автомобилей, не прибегая к помощи помощников, а собрать так быстро практически всю машину одному в нашем с вами возрасте невозможно.

– Да, месье Себастьян, вы правы, и я помню такой уговор. Но также я помню, что было разрешено собирать ее со своим близким родственником, не так ли?

– То есть вы хотите убедить нас, что вам помогал ваш сын, который, как всем известно, все время проводит в Цюрихе. Или ваш внук Жером, обучающийся в Англии?

– Нет, конечно, нет. Они мне не помогали. Мне помогал мой внук Стэфан, которого мы не так давно усыновили.

Все, включая Себастьяна, были шокированы такой новостью. Столь пикантная тема для обсуждения должна была быть тут же оставлена, но Себастьян не унимался:

– Это, конечно, не наше дело, и мы не хотим лезть в вашу жизнь, но все-таки очень бы хотелось познакомиться с таким мастеровитым молодым человеком.

– Я сейчас поищу его в гараже.

Ганц покинул своих гостей и, зайдя в гараж, услышал громкое пение Николая, который должен был привезти нового повара. Взбешенный Ганц вошел в душ и принялся кричать:

– Ты что тут делаешь? Я приказал тебе привезти мне повара!

Николя испугался такого резкого крика своего хозяина, попятился к стене и, поскользнувшись, упал.

Ганц повернулся назад и не нашел свой любимый Порше на месте. Пожилой немец сразу понял, где Стэфан. Тогда разозлившийся старик поднял Николая за руку и принялся бить его тростью по голове.

– Если с ним или с моей машиной что-то случится, я тебя четвертую. Пошел прочь отсюда!

Николя пытался схватить свою одежду, но все еще твердая рука Ганца выгнала его на улицу нагишом. Все гости Ганца, дожидаясь хозяина, заворожено смотрели на небо, грозно сверкающее неподалеку. В какой-то момент мимо них пробежал голый Николая, а за ним разъяренный Ганц. Кто-то из джентльменов предположил, что это и есть его новый внук, но Себастьян, знающий Николая в лицо, рассеял это предположение.

Стэфан остановился около дома Кристин и тут же обнаружил промокшую девушку, стоящую на дороге с чемоданом. Ее было плохо видно, но какая-то пожилая женщина сильно бранила промокшую Кристин. Стэфан вышел из Порше и впервые встретился взглядом с Кристин.

Что такое человек? Многогранность ответа сложно уложить в одно предложение. Все люди особенные, но подчиняются одним и тем же инстинктам, главный из которых инстинкт размножения. Эта простая функция преподносится в красивой обертке любви, вот и мозг Стэфана, выбросив кучу гормонов в кровь, заставил молодое сердце бешено биться. Кристин оказалась именно тем размытым образом, которого так жаждал молодой организм Стэфана, но нужно отдать должное наивному юноше: в отличие от своих сверстников Стэфан хотел найти девушку не только для телесных утех. О естественных потребностях своего тела он думал в последнюю очередь. Всей своей молодой душой он надеялся встретить девушку, которая одним своим видом заставила бы его замереть, и, просто находясь с ней рядом, Стэфан был бы счастлив.

Пожилая мать Кристин Изабелл не унималась и продолжала кричать в спину дочери:

– Как ты можешь бросить сейчас нас? Мы столько дали тебе, а ты со своим образованием искусствоведа бежишь работать кухаркой. Вернись сейчас же в дом.

Кристин продолжала, молча, стоять. Стэфан обошел автомобиль и, взяв чемодан, положил его в багажник. А после, открыв дверь, он помог Кристин сесть в Порше. Как только он тронулся с места, Изабелл кинула в уезжающую дочь свой костыль и уже после залилась горь-

кими слезами. Стэфан вел автомобиль медленно. Дождь из грозы плавно перетек в обычный серый дождик, который мог продолжаться целую ночь.

Что творилось в голове Кристин? Стэфан очень хотел узнать ответ на этот вопрос. Эта ситуация с ее матерью сконфузила юношу. Но молодой парень не мог отделаться от мысли, что везет самую красивую девушку на всем белом свете. После такой сцены начинать разговор было бы слишком фальшиво, поэтому молчание показалось верным решением для обоих, по крайней мере, первую половину пути. Стэфан искал любую возможность заговорить с поразившей его своей красотой девушкой. Но любой вопрос звучал в его голове смешно, а представиться было уже поздно.

– А Никола до сих пор работает у месье Ганца? – Кристин первая потревожила тишину.

Большие карие глаза Кристин остановили свой пристальный взгляд на взволнованном водителе, ожидая ответа. Невольно Стэфан вспомнил свои возвращения домой после тяжелой работы, когда его запах отпугивал даже бродячих собак. Как сильно в такие моменты юноша ненавидел проезжающие автомобили, в которых красивая девушка была незаменимым атрибутом зачастую некрасивого и брутального мужика. А сейчас он едет в одном из самых редких автомобилей на этом континенте, а его испытывают и проверяют великолепные глаза. Почему этому чарующему голосу суждено нежно произносить чужое имя, и эта магическая минута исчезнет после приезда в особняк Ганца, а Кристин достанется богачу. Стэфан не понимал французского, но по интонации и имени Никола догадался, что эта красивая девушка, так легко поработившая наивное сердце Стэфана, ничего для этого не делая, интересуется его новым другом Никола. Доброта и спокойствие, которыми был наполнен Стэфан в последнее время, вновь покинули его душу, уступив место зависти к Николаю.

– Простите, я не говорю по-французски.

– Недавно в наших краях? – сказала она по-английски.

– Никола все еще работает на Ганца, и попросил меня встретить вас.

– А вы тоже его слуга?

Нервный румянец выступил на щеках Кристин и выдал свою хозяйку с потрохами. Видимо молодая красавица сильно неволила себя, выбрав участь повара.

– Извините. Я просто не уверена, что смогу это вытерпеть. – попыталась исправить ситуацию Кристин.

– Вы не хотите работать поваром? Но есть множество других возможностей в наше время заработать. – Стэфан искренне не понимал, что имеет в виду Кристин.

– Вы правы, и тем менее вы везете меня в особняк старого развратника в качестве его прислуги.

– Вы глубоко ошибаетесь на мой счет, но я не буду вас переубеждать.

Порше подъехал к парадному входу. Триша ожидала приезда Стэфана на крыльце. Увидев Кристин, Триша расплылась в улыбке и, тепло поздоровавшись, со своей бывшей подругой, обратилась к Стэфану:

– Ганц очень зол и хочет видеть тебя немедленно в гараже.

Стэфан с тревогой направился в сторону гаража. Оставшись наедине с Кристин, Триша спросила:

– Ты уверена? Это дело не благодарное служить Ганцу Градскому.

– Я наступаю себе на горло каждую минуту прибывания здесь. Я отказалась от работы в галерее в Париже лишь бы быть ближе к маме. Она практически все время неменяемая, а кредиторы отца угрожали нам по телефону. Работая здесь, я смогу ухаживать за матерью.

– Хорошо. Тогда пойдем, я покажу тебе новое место работы. Сегодня придется много готовить. У Ганца гости, но ты не переживай – я тебе помогу.

Глава 5

Ганц с тревогой всматривался в дверь, ожидая Стэфана и, наконец увидев его, направился к своему новоиспеченному внуку.

– Больше никогда не слушайся прислуги. Ты теперь один из Градских, а мы приказываем, понятно? – Подойдя к испуганному мальчику, в полголоса произнес Ганц.

Стэфан не знал, как реагировать на эти слова. Он был удивлен, что Ганц узнал, кто он и при этом так легко принял его в свою семью. Стэфан, молча, кивнул головой. Ганц заулыбался и, приобняв смущенного мальчика, подошел к комиссии.

– Ну, вот познакомьтесь, мой юный помощник.

Стэфана стали рассматривать не хуже, чем собранный им автомобиль. Ганц увидел смущение покрасневшего паренька.

– Ну, думаю, нам всем пора подкрепиться. Прошу господ за мной в гостиную.

Ганц внутри себя торжествовал: только что он узаконил свою сборку, а, значит, его мечта вести колонну по серпантину практически осуществилась. Разговор принял скучный распорядок, все обменивались новостями про свои владения. Себастьян пытался узнать как можно больше о мальчишке, укравшем его первое место, но любой вопрос, адресованный напрямую мальчику, перебивался Ганцом, который постоянно менял тему. Как только вся шумная когорта джентльменов уселась за большой старинный стол, Ганц приказал принести еды. Официанты поспешили на кухню, где в это время Триша и Кристин пытались приготовить на семнадцать человек. Кристин всю свою жизнь помогла матери по хозяйству и перед тем, как уехать в Париж учиться на искусствоведа, постоянно готовила на всю семью, но с такими сложными рецептами она еще не сталкивалась. Первая фаза подготовки прошла удачно, все многоуважаемые гости Ганца, погрузились в свои тарелки, поедая первое. Но Ганц хотел проверить способности новой кухарки, поэтому он вызвал Тришу с кухни и усадил ее рядом с собой, оставив бедную Кристин одну на один с огромным количеством порций.

После тридцати минут затишья все гости стали нервно поглядывать на часы. Триша все время порывалась помочь Кристин, но Ганц запретил ей это делать. Наконец, еще через пятнадцать минут блюда вынесли, но пюре с подливкой и кусок запеченного мяса были явно испорчены. Мясо было обугленным, а пюре больше походило на один большой комок.

– Прошу прощения, но видимо, на этом обед будет закончен. Я не хочу смущать вас испорченными блюдами, – увидев эту катастрофу в тарелках, произнес Ганц.

Каждый гость, перед тем как покинуть владения пожилого немца, лично попрощался с ним. Как только последний член комиссии переступил порог Ганца, к нему тут же подошла Триша и попыталась защитить Кристин, но Ганц перебил ее:

– Ты не справишься со своими обязанностями управляющей. Ты лучше готовишь, чем управляешь, так что возвращайся обратно на кухню.

Триша скрыла свои переживания и безропотно ушла в свою комнату. Ганц получал истинное удовольствие, увольняя людей. Стэфан все это время сидел по правую руку хозяина особняка. Перед тем, как направиться на кухню, Ганц обратился к своему новому внуку:

– Иди заводи Порше. Сейчас повезешь эту горе кухарку обратно.

– Как скажите.

Стэфан боялся, что его так же выкинут, когда он перестанет быть нужным Ганцу. Он страшился этого грозного старика. Ганц приоткрыл кухню и увидел Кристин, сидевшей на полу и вытиравшей слезы поражения с лица.

После того, как Ганц разбогател и уже не подчинялся своему строгому отцу, он осознал, что за тяжелым трудом упустил что-то очень важное в жизни. Ганц стеснялся своей безграмотности, поэтому очень часто приглашал к себе в гости молодых поэтов, художников, философов

и менял свой кров еду и вино на их разговоры и рассуждения вслух. Так он пытался скрыть свое крестьянское происхождение. Но со временем он пресытился пустыми рассуждениями, а денег становилось все больше, и с деньгами прирастала власть. А, когда его имя стало слишком известным, он почувствовал свою значимость и больше не стремился к высокому. Уже не совсем молодой немец начал разгонять скуку по-другому. Он находил красивых девушек и платил им большие деньги. Они зачастую были невинны, Ганц заставлял их оголиться, а сам садился в кресло напротив и просто смотрел на красивое женское тело. Так он насыщал свою гордыню. Он никогда не спал с ними, и этим очень лелеял свое эго. Но свадьба на равной себе Рохессии перечеркнула эти сеансы, а потом появились две девочки. Рохессия к сожалению умерла слишком рано, врачи так до конца и не выяснили причины ее смерти.

Кристин с ее заплаканными глазами унесла старого развратника в ту эпоху, когда он был молод и ему не приходилось держать столько бесполезных слуг для того, чтобы почувствовать свою власть.

Ганц уверенной походкой подошел к Кристин и поднял ее с пола.

– Не стоит так переживать, может готовка просто не ваше призвание, – нежным голосом произнес Ганц.

Кристин понимала, что перед ней Ганц, но в то же самое время не верила этому. Она столько раз слышала его описание, его всегда представляли не в самом лучшем свете. Это сложилось в ее голове довольно гадкий образ.

– Простите, но я испортила вам званый обед.

– Нет, что ты. Ты просто помогла еще раз убедиться, что Триша лучший повар в здешних местах, а тебя я хотел бы попросить на свою должность управляющей, что скажешь?

– А какова плата за это?

– Таких денег тебе не заплатят даже в Париже.

Кристин спрашивала не об этом. Она понимала, что Ганц не просто так предложил ей место управляющей и что-то потребует взамен, но это было слишком заманчивое предложение, чтобы отказаться.

Стэфан весь вечер просидел в Порше, но Кристин так и не пришла, а это означало, что она остается. Влюбленный юноша был рад этому, ведь у него будет возможность просто смотреть на нее. В маленькой комнате больше не было Николая, и Стэфан вновь загрустил. Николай своими веселыми историями очень помогал новому внуку Ганца победить тоску и одиночество в незнакомом крае.

Уже в среду, когда до сдачи автомобиля комиссии оставалось два дня, Ганц впервые потребовал свою плату за такую хорошую возможность для своей новой управляющей. Все было как всегда: Ганц в своем кресле, бутылка хорошего коньяка и красивая голая девушка посередине огромной комнаты. Триша не смирилась с таким раскладом, и теплая дружба с Кристин мгновенно переросла в ненависть. На каждом углу любой разговор Триша начинала с обсуждения Кристин. Благодаря длинному языку несостоявшейся управляющей вся прислуга только и судачила о связи между Ганцом и красивой новой девушкой.

Кристин в свои двадцать семь лет хорошо чувствовала враждебный настрой в ее сторону. Можно сказать всю жизнь, где бы ни появлялась эта милая девушка, вокруг нее тут же собиралась стая врагов, состоящая из отвергнутых молодых людей и завистливых девушек. Большая столовая для прислуги, как это обычно бывает в обеденный перерыв, вместила практически всех служащих Ганца под одной крышей. Кристин, тяжело вздохнув, открыла дверь столовой и переступив ее порог. Она тут же начала ловить на себе неодобрительные взгляды. На половине пути к столу с фуршетом обычные взгляды переросли в перешептывания, а когда Кристин взяла поднос, кто-то сзади позволил себе выкрикнуть ей в спину обидное французское слово. Новая управляющая привыкла к такой атмосфере, но ее душа устала жить, получая постоянные оскорбления в свой адрес. Набрав себе поднос, Кристин заметила Стэфана, сидевшего

в самом углу и задумчиво смотрящего сквозь свою тарелку куда-то в пространство. Гонимая насмешками и подколками, Кристин направилась к Стэфану. Юноша не ожидал такого соседа. Задумчивый и нелюдимый Стэфан тут же оживился и сказал первое теплое слово новой управляющей за все время ее пребывания в этом особняке:

– Приятного аппетита.

Эти простые и искренние слова были для терзаемой своей участью Кристин лекарством. Что может тронуть красавицу в минуты гонения большинством – простая человеческая доброта.

– Спасибо, и тебе, но я смотрю, ты очень задумчив. Тебя что-то гложет?

– Николая, его выгнали на улицу. Я переживаю за него.

– Не стоит. Я очень хорошо его знаю, он уже давно греется в постели одной из своих многочисленных поклонниц. Я не могу понять, кто ты? Ты же не работаешь на Ганца?

– Нет, формально не работаю, я чужой здесь.

Триша наслаждалась изгнанием Кристин, а, когда ее соперница нашла спасение в виде Стэфана, озлобленная кухарка подошла к ним со словами:

– Добрый день, как вам моя готовка?

– Спасибо, очень вкусно. – Стэфан всегда привык говорить то, что думает.

Кристин вопрошающе смотрела на свою «подругу». Она пыталась понять, зачем кухарка пытается втоптать ее в грязь. Триша посмотрела на руки молодых людей, невольно тянувшиеся друг к другу; их души видели друг в друге еле уловимое родство. Кухарка облокотилась на стол двумя руками, закрыв при этом свою соперницу и демонстрируя грудь Стэфану.

– Я бы не советовала тебе трогать нашу новую подстилку для Ганца. Ты не представляешь, сколько девушек прошло через его постель. Думаю, новая пассия собрала весь урожай болезней еще в первую благодарственную ночь с Ганцом.

Кристин была сильной девушкой, но такие слова от бывшей подруги задели ее. Женский организм тут же отреагировал на обиду слезами. Заметившие слезы дворники, сборщики винограда и прочие разнорабочие, поддерживая свою предводительницу в походе против новой управляющей, громко засмеялись, начали отпускать колкие остроты в адрес Кристин:

– Смотри! Понятно, почему Ганц взял ее управляющей: она так быстро становится мокрой!

Эта шутка стала последней каплей и, не выдержав больше издевательства над собой, Кристин встала из-за стола и быстрыми шагами направилась к выходу. Стэфан оттолкнул Тришу и побежал за плачущей девушкой. Маленькая комната над гаражом, в которой жил Стэфан, стала убежищем для Кристин от Триши и ее армии. Она все еще не могла успокоиться. Хотя слезы больше не текли, девушка продолжала дрожать. Стэфан коснулся Кристин рукой и с большим теплом в голосе произнес:

– Успокойся. Здесь они тебя не достанут.

– Но мы же дружили. Она сама меня сюда позвала, зачем она так?

– Я не понимаю большинство людей. Все они завистливы, но учтивы с тобой, когда им от тебя что-то нужно.

– Стэфан, я хотела попросить у тебя прощения за наш первый разговор. Я не хотела тебя обидеть. Просто защитный механизм во мне отвык доверять людям.

– Я не обиделся. Я просто хотел, чтобы у меня была возможность пообщаться с тобой. Вот сейчас я держу твои руки, и внутри меня очень светло. Я абсолютно счастлив, и, если бы можно было попросить что-то у вселенной, я бы попросил бесконечное повторение этого момента.

– Тебе так мало нужно от меня, чтобы быть счастливым? Ты такой... Прости, приходит в голову «невинный».

– А разве это может обидеть?

Кристин смотрела в искренние глаза молодого мальчика и, невольно испугавшись, выдернула руки и, посмотрев на часы, вновь погрузилась. Стэфан, потерявший свой бесконечный миг счастья, всеми силами хотел вернуть его.

– Что такое?

– Послушай мне пора, спасибо тебе за эту теплоту, ты очень милый мальчик.

Кристин встала с пола и, спустившись с лестницы, направилась в кабинет Ганца. Юноша, получивший надежду быть рядом со своим идеалом, бросился за Кристин. Новая управляющая уже пять минут назад должна была стоять обнаженной перед хозяином этого огромного особняка. По дороге в гнездо разврата Кристин пыталась разобраться и понять, чего она так сильно испугалась. Массивная дверь была открыта новой игрушкой Ганца позже на десять минут. Ганц уже начал выпивать и за опоздание педантичный немец придумал весьма исхищренное наказание.

Стэфан боялся все испортить и поэтому шел позади Кристин, так и не набравшись смелости нагнать ее, а, когда девушка зашла в кабинет Ганца, юноша не смог сдержаться и посмотрел в скважину. На кресле сидел Ганц со спущенными штанами и активно развратничал рукой. Кристин полностью разделась и встала напротив Ганца, так она и замерла, пока пыхтения старика не закончились. После чего довольный собой пожилой немец сказал:

– Это было тебе наказание. Больше не опаздывай, и мы вернемся к прежнему времяпрепровождению, а теперь иди. Я хочу отдохнуть.

Чистый образ Кристин и идеал в голове влюбленного мальчика перемешался с этим грязным моментом. Стэфан захотел домой. Вдруг непонятный порыв звал бежать его прочь из этого мерзкого места. Кристин вышла из комнаты и тут же наткнулась на молодого мальчика, еще совсем недавно дарившего ей свое тепло просто так. Сейчас же его взгляд был самым строгим судьей на всем белом свете. Сколько всего можно прочесть в таком наивном проявлении чувств, преданное доверие боролась с сильным влечением внутри Стэфана. Кристин попыталась взять его руку, но Стэфан грозно отдернул ее и, сам того не ожидая, произнес:

– Теперь я вижу, что Триша и все остальные были правы. Ты не стоишь моих чувств. Как и любая шлюха ты продавалась за деньги.

Стэфан выпалил это и быстрыми шагами направился к себе в комнату. Огромный комок в груди сильно бил его по сердцу, наполнял горечью разум неопытного парня. Кристин медленно сползла по стенке и, замерев так, горько заплакала. Сильное переживание сменилось чем-то шемящим и далеким в душе потухшего юноши. Он не хотел больше видеть Ганца, Тришу и даже Кристин, ему хотелось просто исчезнуть.

Покой растоптанного невинного паренька был прерван виновницей его первых и самых чистых страданий. Кристин, поднявшись к Стэфану, была чем-то очень сильно взволнована. Стэфан отчетливо видел это, но сам для себя решил молчать и больше не поддавался порыву сердца. Кристин была вынуждена вернуться к молодому мальчику, который всем своим образом взывал к ее совести. Она села напротив заплаканных глаз юноши и легким движением руки повернула его взгляд на себя.

– Послушай, то, что я позволяю делать Ганцу, мерзко и непростительно. И после этих сеансов я часами сижу в ванной пытаюсь отмыть его грязный взгляд, но я привязана к беспомощным родителям, а им очень нужны деньги. Я даже не понимаю, почему должна посвящать тебя в свою жизнь. Это не твое дело... Но твой взгляд... Он взволновал меня. Наверное, поэтому я и рассказала тебе это. Хотя нет, мне нужна твоя помощь, ты поможешь мне?

– То, что ты делаешь с Ганцом, твое дело. Я помогу тебе, если это в моих силах, но только потому, что я привык помогать людям.

– Мне срочно нужно в деревню. Только что звонили соседи. Моего отца серьезно избил, а мать вновь убежала в поле...

– Постой, кто избил?

– Он серьезно проигрался в карты три года назад. После этого наша жизнь превратилась в постоянный страх. Мама не выдержала каждодневного страха расправы, и у нее начали случаться приступы, после которых она могла раздеться и просто убежать в поле. Я очень прошу тебя, я боюсь за нее.

– Но Ганц не давал разрешения брать его машину.

– И больше не даст... Ему показалось мало рукоблудства. Напившись, он ворвался ко мне в комнату и попытался изнасиловать. Я ударила его, и он сказал, что вышвырнет меня на улицу.

– Ладно. Давай все по порядку.

Стэфан отыскал нужные ключи от единственного работающего автомобиля из всех многочисленной коллекции Ганца и, посадив Кристин рядом, пулей сорвался с места.

Ночь была холодной и ясной. Крыша Порше была опущена и порывы холодного ветра, на огромной скорости попадая в легкие, перехватывали дыхание. Меньше чем за десять минут Стэфан приехал к дому Кристин. Скорая уже увезла ее отца в больницу, и никто не мог сказать, куда точно убежала ее мама. Кровь на ступенях и в гостиной вывели бедную девушку из равновесия.

– Они вновь его избивали. Этому пора положить конец. Я накопила денег, чтобы отдать его долг. Наконец, наш ад закончиться, – схватив Стэфана за плечи, закричала она.

– Послушай, нам нужно отыскать твою маму.

Запыхавшийся полный мужчина в одном халате прервал разговор Стэфана и Кристин. Кое-как отдышавшись, он обратился к Кристин:

– Я видел ее. Она пробежала мимо нашего дома. Я попытался ее задержать, но пока я оделся, уже было поздно.

– Присмотрите, пожалуйста, за Кристин. Я поищу ее. – Стэфан обратился к незнакомому мужчине.

Стэфан сел в Порше и, не жалея дорогой игрушки Ганца, направился по проселочной дороге прямо в кукурузное поле. Великолепный автомобиль быстро испачкался и стал похож на трактор. Где-то под утро в десяти километрах от дома уставший Порше пробивающим грязь лучом света от фар выхватил в темноте странный образ. Сомнений не было: медленно по дороге плелась голая и замершая Натали. Пустой взгляд вел ее куда-то вдаль. Поравнявшись с женщиной, Стэфан обратился к ней:

– Мадам, ваша дочь Кристин очень переживает за вас. Позвольте помочь вам.

Но Натали никак не отреагировала на обращение Стэфана.

– Она нашла деньги. Вы больше не будете должны.

Натали все еще, молча, шла по дороге, но эти слова отыскивали где-то в глубине больной женщины отклик. Эта новость постепенно освобождала от страха расправы измученную Натали. Обнаженная женщина рухнула в грязь и залилась слезами.

Стэфану удалось усадить Натали в машину. Опустив крышу, он накрыл ее своим пиджаком. Возвращаясь обратно, молодой человек переосмыслил свое отношение к Кристин. Ему стало ее по-человечески жалко. Он каким-то образом испытывал похожее чувство все свое детство, прозябая в сарае практически под открытым небом.

Встреча Кристин со своей мамой была долгожданной. Она помогла Стэфану уложить ее в постель, а, когда Натали пришла в себя, Кристин, молча, отсчитала сумму задолженности отца с процентами и положила рядом с матерью. В такие моменты слова не нужны. Натали благодарила свою дочь за все ее жертвы взглядом выздоровевшего человека.

Обеденное солнце делало жизнь размеренной и тихой, нивелируя все ночные переживания. Молодые люди вышли на улицу. Кристин обняла Стэфана.

– Я бы, не задумываясь, поцеловала тебя в губы, но поцелуй от шлюхи вряд ли принесет тебе приятные ощущения.

– Я корю себя за эти слова... Прости, ты была права. Я не должен осуждать тебя, ты делала все, чтобы помочь родным людям. Мои чувства к тебе всегда будут одинаковы. Ты забралась куда-то внутрь и будешь в моем сердце теперь навсегда.

– Тебе пора возвращаться. Сумасбродный старик будет искать тебя.

– А ты?

– Он обещал выкинуть меня.

– Послушай, все это время ты спрашивала кто я. Я отвечу тебе сейчас. Я новый внук этого старика. Меня усыновил Калип, я поговорю с ним.

– Даже если это так. Он не простит тебе это. – Кристин указала на грязный и оцарапанный Порше, вид автомобиля был весьма плачевным.

– Я помою и, если нужно покрашу ее. Все оборудование для этого у него имеется. Николая меня кое-чему обучил. Ты должна поехать со мной. Я не допущу больше таких выходов Ганца. Если он меня не услышит, я позвоню Калипу, и он нам поможет.

– Я попросила соседей присмотреть за мамой, но мне все еще нужны деньги, чтобы содержать ее. Но, если Ганц попытается хотя бы коснуться меня, обещай, что сразу отвезешь домой.

– Конечно. Я помогу тебе.

Как только потрепанный Порше въехал в особняк, он тут же стал объектом для обсуждения всех джентльменов из комиссии. Сегодня Ганц должен был покинуть особняк и направиться вместе с делегацией на осмотр участников пробега. Себастьян первым подошел к истерзанной машине и, проведя по царапине рукой, ехидно ухмыльнулся. Ганц лично открыл дверь и, взяв за руку Стэфана, отвел его в сторону:

– Впредь спрашивай мое разрешение. На первый раз я тебя прощаю, но ты должен восстановить ее. Конечно, после окончания сборки Мерседеса. Осталось очень мало времени, а ты так ничего больше и не сделал.

Стэфан вновь облегченно выдохнул. Юноша не понимал, почему этот заносчивый старик так с ним добр. Быть может, дело в комиссии, жадно хватающей каждое его слово, или мечте Ганца возглавить пробег.

– Я жду стекла и надеюсь, что оно приедет вовремя. Я обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы успеть собрать ее.

Ганц в спешке одобрительно мотнул головой и, увидев Кристин, все еще сидящей в автомобиле, сел с ней рядом на водительское место.

– Кристин, я вел себя неправильно и изрядно вчера перебрал. Если ты останешься, я обещаю больше не трогать тебя. У меня на твой счет большие планы.

– Если наши отношения будут рабочими, меня это полностью устроит.

– Я рад, что ты меня услышала.

Ганц вновь был на коне и, покидая свои владения в качестве победителя, мог торжествовать. Он выглядел добрым дедушкой в глазах своих друзей и соперников, а также смог сохранить Кристин. В его старой голове родился план, чем-то эта девушка зацепила пожилого немца.

Глава 6

Кристин не посмела вернуться в хозяйский дом. Теперь там правила Триша, а все слуги с радостью подыгрывали самопровозглашенной управляющей. Стэфан тоже попал в немилость местных рабочих, не простивших ему благородной возни с очередной подстилкой Ганца. Изгнанная управляющая поселилась в комнате Николая. Стэфан никогда не был так близко к своей мечте. Окружающее пространство тут же наполнилось приятным ароматом молодой любимой сердцем девушки. Хрупкое тело Кристин, уставшее от переживаний, клонилось в сон. Стэфан старался лишней раз не двигаться, чтобы не спугнуть легкую дремоту обожаемой Кристин, но все его старания были напрасны: за него это сделал звонок мобильного телефона. Кристин тут же взволновано взяла трубку. После не продолжительного разговора Кристин обратилась к Стэфану:

– Звонил Хэндерссон, наш сосед. Он приехал за мной, говорит, что нужно поговорить. Я, наверное, доеду с ним до мамы, а вечером приеду.

Стэфан не хотел выпускать из комнаты свое сокровенное желание:

– Постой. Давай, я тебя отвезу.

– Нет, Ганц простил тебе прошлый раз. Не стоит больше испытывать терпение этого немца.

– Но мне будет спокойней отвезти тебя самому.

– Я не маленькая девочка. Успокойся, ближе к ночи я вернусь обратно.

Кристин беглым взглядом посмотрела в зеркало и попыталась привести себя в порядок, но большие мешки под глазами от бессонной ночи не хотели просто так покидать милого личика уставшей девушки.

Еще два часа после того, как Кристин уехала, влюбленный юноша просидел на своей кровати. Его посещали различные мысли, но ни на секунду его не покидала радость от соседства со своим идеальным образом. Когда стрелка часов показала пять вечера, а солнце стало клониться ближе к горизонту, волшебные мечтания юноши были прерваны звонком.

– Здравствуйте. Вас беспокоит сотрудник магазина, где вы заказали довольно редкое стекло, – прокашлявшись, произнес голос в трубке.

– Да – да, я очень жду его.

– Тогда я обрадую вас. Ваш заказ уже был выслан вам. Ожидайте его в течении двух дней.

– Спасибо. Я рад слышать это.

После появления Кристин Стэфан совершенно забросил раритетный Мерседес. Зайдя в гараж, Стэфан еще раз осмотрел без пяти минут свой автомобиль. Времени до возвращения Кристин было много. Стэфан подготовил Мерседес к покраске и изящно положил слой ослепительной серебряной краски. Ближе к девяти часам вечера работа была закончена. Теперь оставалось только вставить лобовое стекло.

Кристин все еще не было. Стэфан решил, что он должен заботиться о своей любви, и отправился в особняк и, не успев переступить порога, тут же столкнулся с Тришой. Теперь владычица поместья была в образе уставшей успешной женщины. Увидев Стэфана в дверях, она не упустила возможности пустить колкость в его адрес.

– Смотрите, кто объявился! Что, надоело играть с поношенными игрушками Ганца?

Стэфан никогда не испытывал такой неприязни к живому существу. Его мысли пытались отыскать ответ для заносчивой кухарки и не просто ответ – ему хотелось уничтожить ее, стереть с лица земли. Если бы сейчас у него был пистолет в руке, он бы, не задумываясь, сразил ее смертельным выстрелом. Когда его злая сторона захватила контроль над разумом, нужные слова тут же пришли в голову:

– Послушай, ты грязная кухарка, я не спрашивал твоего мнения или ты забыла, что Ганц вернул тебя готовить? Так что хватит тут прохлаждаться, иди быстренько приготовь нам с управляющей вкусный ужин и достань из резерва хорошего красного вина. Если я увижу, что этим всем занималась не ты. Я позвоню Калипу, и ты отправишься назад в деревню доить коров. И я не играл с поношенной игрушкой Ганца, как ты удачно выразилась про себя. Если через час в зале не будет накрыт стол, в одну минуту одиннадцатого твой жалкий маскарад закончится в этом особняке навсегда.

Триша не ожидала такого ответа от безобидного мальчика, еще недавно благодарившего любого за внимание в свой адрес. Сейчас перед ней стоял настоящий Градский. Всю эту унижительную речь слышал уборщик и по совместительству любовник Триши. Маркос бросил швабру и, засучив рукава, направился защищать честь своей девушки.

– Постой, нам стоит с должным уважением относиться к внуку Ганца, – окликнула его Триша.

Триша, глотая горькие слезы, низко поклонилась Стэфану.

– Как пожелает Месье, ужин будет готов вовремя.

Злоба, наслаждавшаяся победой над Тришой и над ее прихлебателями, постепенно выветрилась из Стэфана. Юноша пришел в себя, когда его тело, водрузившись на стул Ганца, сидело во главе большого средневекового стола. Триша накрыла на стол, а после смиренно встала на колени перед Стефаном.

– Что-нибудь еще, мой повелитель?

Стэфану стало невыносимо мерзко. Встав с трона Ганца, он ответил:

– Не трогай меня и Кристин и можешь дальше делать тут, что хочешь.

Стэфан забрал бутылку вина и две тарелки с едой. Как раз в это время Кристин вернулась обратно. Ее ожидал накрытый стол и преданные глаза влюбленного юноши. Кристин села на кровать Николя и, посмотрев на Стэфана, уставшим голосом спросила:

– Что это?

– Я раздобыл нам еды. Я знал, что ты приедешь голодная.

– С чего ты это взял? Я ездила домой и покушала там.

Глаза Кристин были красными, а нос все еще шмыгал. Влюбленный юноша тут же заметил это:

– Ты плакала? Что-то с мамой?

– Нет, с ней все хорошо. Просто почему-то я решила, что теперь смогу жить своей жизнью.

– А разве это не так?

– Нет. Мама так привыкла, что я соержу их с отцом, что и слышать не хочет о работе, а я так мечтала... А в прочем это уже неважно. Послушай, я благодарна тебе за помощь и этот милый ужин, но я не нуждаюсь в такой заботе.

– Я помогу тебе. Я сделаю все, чтобы ты больше никогда не плакала!

Кристин улыбнулась той улыбкой, которую способен разгадать только самый последний циник, а после еле уловимо отрицательно покачала головой.

– Это звучит очень по-детски, Стэфан. Ты очень милый мальчик, но как ты сможешь сдержатъ свое обещание? Ты хочешь, чтобы я никогда больше не плакала?

– Да, и я не понимаю, почему ты мне не веришь?

Кристин встала с кровати и посмотрела на Стэфана как на парня. Этот обжигающий взгляд заставил его сильно занервничать. Кристин расстегнула две верхних пуговицы белой блузки, и теперь ее полуулыбка была способна увлечь любого за собой. Стэфан сидел как вкопанный, он столько раз себе это представлял, но воплотить мечты в жизнь задача не такая простая, как ему казалось вначале. Кристин присела рядом с покрасневшим парнем, невольно его

молодой взгляд устремился на грудь. Кристин приблизилась к губам Стэфана на минимальное расстояние, так что он мог ощущать ее дыхание.

– Поцелуй меня.

Стэфан совершил резкий рывок к губам Кристин и, чмокнув ее, резко встал.

– Я хочу показать тебе кое-что, – сказал Стэфан.

Кристин застегнула пуговицы, вновь цинично улыбнулась и тоже встала с кровати.

– Видишь? Ты ребенок, я ценю твою помощь и твои чувства ко мне, но, к сожалению это телесная потребность, а не духовная.

– Телесная? Я думаю о тебе как о совершенной девушке, с которой не имею права быть. Я мучаю себя этим, но я не сдамся. Позволь мне показать тебе кое-что.

– Хорошо, если ты этого хочешь.

Стэфан привел свою любовь к незаконченному Мерседесу. Автомобиль выглядел совершенно, лишь отсутствие лобового стекла выдавало его незаконченность. Кристин с интересом осмотрела автомобиль.

– Ты собираешь его для Ганца?

– Сначала это было так, но сейчас это моя машина. Если я успею собрать ее до субботы, она станет моей.

– Но завтра уже Пятница.

– Я все успею. Николая мне говорил, что после автопробега эти автомобили можно выгодно продать на аукционе в Монако. И я продам ее. Нам хватит этих денег, чтобы начать новую жизнь вдали от Ганца, этого особняка и всех его жителей.

– Я не могу бросить родителей.

– Мы можем взять их с собой.

– Это вновь звучит по-ребячески. И куда ты хочешь поехать? Чем мы там будем заниматься? Или ты не думал об этом. Твои порывы очень милы, но не более.

– Я не понимаю, чего ты хочешь?

– Я хочу свободы для себя и своих детей. Я хочу, чтобы Париж сменял Лондон за окном, когда этого захочется. Я хочу жить, а не выживать. И я не буду тебе лгать, ты подкупил мое черствое сердце своей невинностью, но признайся себе, если я буду с тобой, мы будем постоянно думать о деньгах. Да, быть может, счастье будет скрадывать минуты нужды, но наши дети также начнут свою жизнь с барахтанья в болоте долгов и плохих вещей. Мне нужен мужчина, способный обеспечить свое продолжение рода. Ты греешь мою душу, но этого мало. Не смотри на меня мокрыми глазами котенка, ты сам просил сказать, чего я хочу. Я, прислуживая и подметая, пропустила сотни концертов, выставок и премьер в театрах. Я не узнала ничего нового за последние три года, я не хочу так больше жить. Ты сам служишь этому Ганцу. Тебе всего семнадцать, ты еще юн, но юность убегает быстрее ночи, а, когда твои тридцать лет начнут корить тебя за все, что ты упустил, я не хочу оказаться под рукой для вымещения злости. Я буду с тобой честна. Если ты хочешь, я буду рядом, но как друг или просто образ, которым ты себя тешишь.

– Быть может, в твоих словах больше правды, чем в моем обещании защитить тебя от слез, но все эти слова сотканы из переживаний. Ты пытаешься обезопасить себя от ненужной привязанности. Да, возможно, я не претендую на все состояние Градских, но теперь даже юридически я один из них. Это ведь что-то значит. Я смогу обеспечить тебя и наших детей. Если ты будешь рядом со мной, я положу свою жизнь к твоим ногам. Я сделаю все, чтобы улыбка не сходила с твоих губ, а глаза так же горели, как и при нашем первом поцелуе. Просто доверься мне, сегодня я уже постоял за тебя. Триша теперь не побеспокоит тебя. И я готов быть всегда беспощадным с другими ради тебя.

– Ты желаешь мое тело, но не душу. Как можно желать того, чего не знаешь?

– Так расскажи мне, расскажи мне все о себе. Я пока что только чувствую тебя, но это чувство нефальшиво. И ты это видишь.

Кристин вновь оказалась на минимальном расстоянии от губ Стэфана. Ее глаза с надеждой впивались в этого искреннего юношу, а сердце поверило влюбленному мальчику, но жестокий разум вновь припомнил Ганца и похотливые сеансы, а до этого работу официанткой. Нет, больше она такого не хотела.

– Прости меня, мы могли бы быть счастливы, но, видимо, в глубоком детстве, когда деньги еще не имеют никакого значения или в далекой старости, когда их влияние на человека больше не такое могущественное как сейчас. Прости меня. Я, наверное, переночую в доме, ведь ты обещал, что Триша больше меня не побеспокоит.

Кристин поцеловала Стэфана по-отечески в лоб и вышла из гаража. Стэфан еще долго смотрел в пространство, но первая влюбленность не позволила опустить ему руки. Решительному юноше нужно было только вставить стекло, и тогда уже ничто не отнимет у него раритетного автомобиля, а с ним и больших денег для Кристин.

Глава 7

Новый зимний день для Стэфана начался с мощного гудка грузовика, провозгласившего долгожданное прибытие недостающего элемента в дорогостоящей мозаике Ганца. Воодушевленный таким событием Стэфан быстро надел запачканный машинным маслом комбинезон и, расписавшись в получении стекла, аккуратно поставил продольную коробку рядом с автомобилем. Предвкушение победы одурманило Стэфана, ладони юноши вспотели, но все еще уверенно держали нож. Будто бы хирург в операционной, юноша аккуратно сделал разрез на коробке и медленно вскрыл ее. Стекло было укутано в целлофан и требовало к себе самого бережного отношения.

Такой знакомый и любимый женский аромат духов заставил Стэфана отвлечься и, повернувшись к входу, он был вознагражден за это. Кристин была удивлена, но влюбленный в нее юноша сдержал свое обещание. Триша ни разу не попыталась задеть ее, а вся прислуга стала относиться к Кристин как к управляющей. Расчетливый разум девушки всячески пытался подавить любые чувства к Стэфану, но его искренняя помощь и любовь подкупала ни разу не любившую девушку. Но это не означало, что Кристин решила дать шанс милому мальчику, просто ей стало страшно за него. Стэфан виделся ей увядающим цветком в этой озлобленной пустыне, так что вернувшая власть в свои руки девушка рассматривала этот визит как жест доброй воли. Стэфан заметил контейнер с едой в руке Кристин.

– Ты принесла мне покушать?

– Это макароны с сыром, не самое сложное блюдо, но за него я могу поручиться.

– Спасибо, а у меня радостная новость: уже сегодня я закончу эту красавицу!

– Я надеюсь, Ганц сдержит свое обещание и отдаст тебе этот автомобиль. Он так важен для тебя.

Стэфан вытер руки тряпкой и, поправив свои длинные волосы, подошел к Кристин. Сейчас он попытался быть мужественнее и агрессивней, чем обычно. Его молодой разум, анализируя слова Кристин, заключил, что возможно именно такое поведение станет ключом к сердцу его первой любви. Стэфан уверенным движением обхватил тонкую талию Кристин и без всяких заминок принялся целовать запутавшуюся в себе девушку. Жаркие поцелуи унесли обоих в совершенно другое пространство, в котором не было ничего кроме двух молодых тел и желания продолжать эти поцелуи. Кристин тосковала по таким касаниями и искренним поцелуям, на секунду она перехватила инициативу и перешла в наступление, прижав милого мальчика к стене. Возбужденная девушка принялась целовать его шею, но что-то вновь кольнуло внутри. Она не должна была вязнуть в этой искренности, эти чувства так далеки от планов разбогатеть. Нет, Кристин не могла рисковать, нужен был холодный расчет и возможность больше никогда в жизни не думать о заработке на кусок хлеба. Но Стэфан своим присутствием, словами, взглядом рушил ее планы. Резко остановившись, девушка отпряла от зацелованного мальчика.

– Нет, мы никогда не будем вместе! Ты просто не понимаешь. Я уже распланировала свою жизнь. Все должно быть по-другому, я не хочу зависеть от счастливого случая или воли Ганца. Прости, я больше не появлюсь рядом с тобой, и мы больше никогда не поговорим. Видимо, единственный выход – это держаться от тебя на расстоянии.

– Нет, постой Кристин. Если тебе не понравилось, прости меня. Я зашел слишком далеко.

– В этом и проблема – мне понравилось. Мне захотелось продолжения.

Кристин нервно покачала головой и, улынувшись какой-то мученической улыбкой, произнесла самую страшную фразу, преследовавшую Стэфана всю его сознательную жизнь:

– Просто я предназначена не тебе...

Кристин вышла из гаража, а Стэфан, ожидая этой страшной правды, стоял на месте и, качая головой, отрицал очевидное слезами отвергнутой любви. В этот момент на глаза бро-

шенному мальчику попалась монтировка, которой Ганц задушил в Мерседес. Ненависть, захватившая разум, приказала рукам взять это орудие мести несправедливости в жизни Стэфана. Озлобленный мальчик уже замахнулся на собранный им раритетный автомобиль, но что-то внутри не дало изувечить однажды уже обиженный Ганцом Мерседес.

Управляющая быстрыми шагами направилась в свою комнату, но высокий, незнакомый молодой человек своими чемоданами преградил дорогу к парадному входу. Кристин все еще на сильных эмоциях раздраженно произнесла:

– Уберите с прохода свои вещи.

– Я бы с удовольствием, но мне нужна управляющая этого особняка. Вы ее случайно не видели?

– Она стоит перед вами, чем могу помочь?

– Я хотел бы заселиться в свою комнату. Разрешите представиться – Жером Градский.

Кристин, как и любой человек, получивший какую-то важную информацию о незнакомце при первом общении, посмотрела на молодого высокого парня другими глазами. Жером был атлетического склада, широкие плечи и узкий торс придавали его фигуре форму треугольника, который невольно покорял животные стороны сознания женщин. Слегка неопрятная борода в сочетании с черными кудрями и синими глазами производили приятное впечатление. Одежда только подчеркивала его особенность, черный плащ на бежевый вязаный свитер и коричневые ботинки выдавали его северное проживание, где было не так тепло, как здесь в райских краях южной Франции.

– Вы, наверное, недавно здесь работаете? Можно узнать ваше имя? – продолжил Жером.

– Кристин. Да, я только приступила к своим обязанностям.

– Я могу помочь вам. Давайте вместе посмотрим, как там моя любимая комната, а, если нужно, я помогу вам перестелить простыни.

Кристин открыла дверь перед новым гостем особняка Ганца. Жером взял два чемодана и всю дорогу до комнаты оценивающе смотрел на спину Кристин.

Новость о приезде любимого внука Ганца разлетелась тут же. Жером не появлялся в этом особняке уже больше пяти лет. Сейчас он был двадцатилетним окрепшим молодым человеком в самом расцвете своей юности. Больше всех новость о возвращении Жерома затронула Тришу. Узнав о приезде своего первого мужчины, кухарка прервала готовку и быстренько отправилась переодеться в свое лучшее платье. Их связь с Жеромом была непродолжительной и запретной, хотя и подарила обоим первый откровенный опыт любви. С того момента Жером не останавливался в своем стремлении рассмотреть и попробовать, как можно больше обнаженных тел женщин. Избалованный юнец ни разу после той ночи страсти с Тришой не вспоминал ее. Разложив вещи и поменяв простыни, Жером обратился к симпатичной управляющей:

– А когда вернется мой любимой дедушка?

– Завтра с утра с комиссией.

– Ах, точно знаменитый автопробег по Лазурному берегу. Даже в Англии слышали об этом мероприятии.

– Вы прилетели из Лондона?

– Да, я имел несчастье учиться на адвоката и выкинуть из своей молодой жизни два года.

– Почему вы так говорите? Знания помогают развиваться, если бы у меня была возможность, я бы продолжила свое образование.

– А я помню вас.

– Простите?

– Да, конечно! Когда мне было пятнадцать лет, вы приходили к моему дедушке и просили у него какую-то картину.

– Да, как давно это было. Я хотела показать ее обычным детям, устроить выставку, но Ганц отказал мне. Извините, я вас не помню.

– Это не удивительно. Тогда я был покрыт красными холмиками и постоянно ездил на велосипеде по грунтовым дорогам винодельни. А знаете, тогда вы стали для меня воплощением мечты об идеальной девушке. Вы показались мне очень красивой, и я, испугавшись этих чувств, гнал, что есть мочи, по проселочной дороге, мечтая завладеть этим особняком. И тогда точно подарить вам все картины этого старого скряги. А вы сильно похорошели с тех пор. Надеюсь, старый развратник не достает вас? Если что вы только скажите.

– Мне льстят ваши слова. Вы так открыто можете признаться в таких личных переживаниях?

– Давайте перейдем на «ты». Это было давно. Я понял одну простую истину, мечты лишь скрадывают время неудачников. Если чего-то хочешь, нужно это брать. Вот вам нравится работать здесь?

– Нет, точнее да... Это вынужденная работа.

– А мне больше не нравится учиться, и я больше не буду учиться. По правде говоря, я хочу ездить по странам и знакомиться с новыми людьми, а после забывать их и так по замкнутому кругу. Этот круговорот знакомств и путешествий куда интереснее обычной жизни в сереньком костюмчике служащего.

– Странно, вы не производите впечатления легкомысленного повесы.

– А ты человека, который трудиться на моего дедушку. Такое ощущение, что в этот деревенский маскарад тебя затащили насильно.

– Простите, мне конечно понравилась наша беседа, но нужно продолжать свою работу.

– Конечно, но ближе к вечеру я обязательно выкраду тебя из этой никому не нужной рутины.

Кристин, слегка улыбнувшись, закрыла дверь господина Градского. Вот он, тот самый шанс все изменить! Разве не предчувствие знакомства с внуком Градского так и не позволило корыстной девушке разделить чувства Стэфана, ответив взаимностью? Но опытная Кристин понимала, в какой роли, быть может, ее рассматривает Жером. Как простое развлечение. Слишком многие хотели завладеть Кристин, но каждый последующий ухажер так и оставался ни с чем. Наверное, только Николя и Стэфан сумели завладеть сердцем расчетливой девушки в какой-то мере, но чувства проходят, а мечта о богатстве подтачивает всю жизнь.

Жером, немного повалявшись на кровати, приподнялся и, достав пачку сигарет, не церемонясь, впервые побеспокоил воздух этой комнаты искаженным едким дымом тяжелых сигарет. Жером был хладнокровен не погодам и точно знал, чего хотел. Молодой человек без всякого разрешения своей матери, оплачивающей все его счета, собрал вещи и покинул территорию престижного учебного заведения. Он понимал, никто из его многочисленных родственников не оценит этот поступок, особенно Ганц, который долго уговаривал своих многочисленных знакомых, чтобы Жерома зачислили в самый престижный университет, выпускающий лучших юристов в Европе уже не один десяток лет. Расчет парня был прост: повидаться с любимым дедушкой до того, как мать или тетя узнает о его побеге, разжиться наличными и пуститься в беспросветный кутеж по молодой клубной Европе. Жером подошел к окну; ненужные рабочие делали вид занятости, они боялись за свои места и легкие деньги, которые они получали практически круглый год, не считая сбора урожая, когда работать приходилось тяжело. А Ганц каждый день проверял производительность труда и даже за зевок мог выгнать со своих земель навсегда. Два грациозных образа привлекли уставшего повесу. Кристин, посылавшую в город водителя за покупками в преддверии возвращения Ганца, и Триша, бесцельно прогуливавшаяся под окнами Жерома.

Нет, цель у Триши конечно была: привлечь внимание богатого наследника. Жером, глядя в лицо своей первой девушки, наконец, угадал когда-то любимую Тришу. Сейчас эти чувства показались ему жалкими, но до вечера еще было много времени, а Жером слишком часто скучал на лекциях, чтобы сейчас, вырвавшись на свободу, просто сидеть в огромной ком-

нате, больше похожей на музей. Подойдя к зеркалу, Жером немного покопался в своих жгучих кудрях.

– А, ладно. Пойдет для сельской местности.

Фраза очень понравилась городскому кутиле. Перед тем, как выйти из комнаты, он еще несколько раз прокрутил в голове эту ехидную насмешку над всеми жителями особняка. Триша взволновано уже в двадцатый раз прошла мимо окна. Разжалованная кухарка почувствовала тяжелый и в тоже время покоряющий взгляд избалованного деньгами матери мальчика из окна, но сам когда-то милый мальчик так и не появлялся. Встреча бывших любовников все-таки состоялась. Жером подошел к намалеванной девушке и тут же почувствовал желание Тришы понравиться, но от этого внутри него появилась сочувственная неприязнь. От этой перевозбужденной кухарки исходили флюиды маниакальности. Жером, похлопав Тришу по плечу, сказал:

– Привет. Сто лет тебя не видел, а ты все еще работаешь у дедушки?

– Когда это слышишь из твоих уст, кажется, что я все это время навоз лопатой разгружала.

– Не то чтобы я хотел тебя обидеть, просто ты же мечтала уехать в Америку за лучшей жизнью.

– А ты путешествовать по миру и фотографировать. Разве этому учат тебя в Англии?

– Больше не учат, но и фотография уже не так привлекает меня.

К беседующей паре подошел Стэфан. Он был очень подавлен и рассеян и даже не старался этого скрыть. Увидев Тришу, только что брошенный юноша решил попросить ее найти ему помощника. Новый двоюродный брат Жерома прервал неловкий разговор как раз вовремя:

– Простите, что прерываю вашу беседу. Я хотел спросить у тебя Триша, есть ли свободные люди? Мне нужна помощь.

– Простите, мой господин. Все чем-то заняты, но я в вашем распоряжении, – низко поклонившись, наигранным голосом ответила Триша.

Стэфан тут же припомнил свой властный разговор с ней.

– Ладно, извини. Сам справлюсь.

– Как вам будет угодно.

Стэфан с абсолютно потухшим лицом вернулся в гараж. Жерому понравилось поведение Тришы. Скучающий богатый наследник не ожидал такой манерности от обычно смиренной и кроткой Тришы.

– Не поладила с новым шофером?

– Это не новый шофер, это ваш брат. Полагаю, Калип усыновил его.

– Ах, да. Что-то такое мне писал дядя Калип. Как интересно, а почему он в комбинезоне слесаря?

– Ганц взял его своим помощником и так расчувствовался, что пообещал подарить дорогой Мерседес, если Стэфан успеет собрать его до завтра.

– Все интереснее и интереснее. Ладно, если ты позволишь, я пойду, познакомлюсь с новым братиком.

Жером с большим интересом вошел в мастерскую. Стэфан, молча, смотрел на стекло и боялся взять его один. Жером подошел к Стэфану и уже более оценивающе посмотрел на него.

– Ты говорил, тебе нужна какая-то помощь?

– Да, большое спасибо. Мне нужно вставить стекло, а я один боюсь его брать.

– Конечно, давай помогу.

Два внука Ганца аккуратно подняли стекло и, не нарушая правила помощи родственников, закончили сборку раритетного Мерседеса. Жером восхищенно смотрел на дорогой кусок металла. Достав свой телефон, любимый внук Ганца сфотографировал его.

– Какая красавица. За такую можно выручить целое состояние, это твоя крошка?

– Нет, что вы, это автомобиль Ганца.

Стэфан внутренне почувствовал какую-то неприязнь к Жерому.

– А вы здесь работаете?

– Нет, что ты! Нет, я бы не стал работать на деда даже в самых страшных снах. Значит, говоришь, Мерседес деда. Как думаешь, он подарить его любимому внуку?

Знакомство Стэфана со своим новым братом привело усыновленного юношу сразу же к большому конфликту. Молодой человек, еще недавно мечтавший о куске свежего хлеба, сейчас боролся за раритетный автомобиль, о котором большинство жителей на этой планете могут только мечтать. Но Стэфан был не глупым. Он понимал, что заносчивый внук Ганца проверяет его. Поэтому заслуживший этот автомобиль по праву парень ответил:

– Он обещал этот Мерседес мне, если, конечно, не передумает.

Жером уже приготовил колкий выпад в сторону «лжебрата», но мобильное сообщение от любящей матушки отвлекло зазнавшегося юнца. Сообщение содержало следующее: «У тебя есть пять минут, чтобы позвонить и все объяснить». Жером смотрел на слова и снова и снова прокручивал их в голове. Его план был обречен на провал, а, значит, пора было бежать прочь от нотаций и выговоров. Жером коснулся лба и задумался. После продолжительной паузы, он будто бы проснулся:

– Слушай, а как тебя зовут?

– Стэфан.

– Меня Жером, а теперь, когда мы познакомились, давай выпьем за знакомство.

– Прости, мне еще нужно столько всего проверить. Завтра уже приедет комиссия, нужно чтобы все было идеально.

– Ах да. Ну, тогда не буду тебе мешать.

Стэфан все еще был встревожен появлением Жерома. Ганц мог передумать и отдать этот автомобиль своему любимому внуку.

Пришло время завести мотор. Стэфан открыл дверь водителя и, сев в салон, повернул ключ зажигания. Тихий рык бескомпромиссной мощи вырвался из бесшумной до этого момента изящной металлической конструкции. Стэфан выдохнул с облегчением и, заглушив мотор, досконально принялся осматривать весь автомобиль.

В девять часов вечера тревога за полноту сборки покинула душу Стэфана. Он был уверен, что все в идеальном состоянии и что комиссии сложно будет придраться к чему-либо. Теперь Стэфан мог подумать о чем-то еще кроме автомобиля. Триша первая увидела доведенный до совершенства Мерседес. Этот автомобиль и правду впечатлял. Кухарка похлопала в ладоши.

– Bravo! Ты успел. Машина выглядит просто прекрасно.

– Спасибо. Я очень много сил отдал за это.

– Можно сказать, ради нее ты пожертвовал Кристин.

– Прости, что?

– Я говорю, что, пока ты возился здесь, Жером удачно разрекламировал себя перед Кристин, а мы-то с тобой прекрасно знаем, какая она падкая на деньги.

– Не говори так. Скоро я смогу продать этот Мерседес и получить достаточно денег.

– Боюсь, ты опоздал. Жером весь вечер не выпускает из своих рук твою Кристин.

Стэфан больше не хотел разговаривать с Тришой. Молча, выйдя из гаража, взволнованный мальчик быстро переоделся в вещи, купленные ему Калипом, и решил найти Кристин, чтобы поговорить с ней. Громкая музыка разносилась по всей округе. Жером подбил прислугу устроить мировую попойку. Управляющая была не против, и поэтому все молодые люди с деревни уже второй час отрывались на просторах усадьбы Ганца. Найти в этой счастливой толпе хоть кого-то было очень сложно. Стэфан, пробиваясь к главному входу в особняк, с трудом попал внутрь помещения. Беснующаяся толпа в одном порыве танцевала под

зажигательный ритм. Побродив по залам, Стэфан вышел обратно на улицу и к своему большому удивлению сквозь шум и громкую музыку услышал знакомый звук мотора. Понимание происходящего ужаснуло испуганного мальчика. Ему показалось, Жером забрал его Мерседес, но, судорожно нащупав ключи в кармане, его сразу же отпустило. Хотя этот звук мотора Стэфан тоже хорошо знал. Поцарапанный и грязный Порше медленно покидал владения Ганца. Стэфан не знал, как реагировать на происходящее. Автомобиль остановился у самого выезда. Жером с видом абсолютно счастливого человека подбежал к своему брату. Стэфан всматривался в лицо своего нового врага. От взгляда брошенного мальчика не ускользнула красная отметина от губ Кристин на шее удачливого выскочки.

– Жаль, что нам так и не удалось с тобой познакомиться. Послушай, я тут написал записку дедушке. Передай ее, пожалуйста, – улыбаясь, произнес Жером.

Стэфан смотрел сквозь Жерома. Он пытался разглядеть Кристин, которая все это время сидела в автомобиле. Жером буквально запихал записку в руку Стэфана.

– Ну, еще увидимся.

Так же быстро счастливый кутила вернулся к своей спутнице и агрессивный автомобиль быстрыми рывками увез двух молодых людей в темную ночь. Стэфан был готов бросить все и просто уйти прочь и больше не иметь ничего общего с этим местом, но его детские переживания не позволили вернуться ему к жизни в нищете.

Утро для всех многочисленных уснувших непрошенных гостей владений Ганца началось очень рано. Комиссия, возглавляемая Себастьяном, была в особняке уже в одну минуту седьмого. Ганц знал о возвращении Жерома и понимал, что этот разгром устроил именно он. Немец во весь свой голос закричал:

– Жером! Сукин ты сын!

После чего разъяренный немец принялся поднимать каждого непрошеного гостя и кричать ему в лицо: «Ты уволен, выродок!». Через тридцать минут практически каждый служащий был выставлен на улицу. Трише досталось больше всех: Ганц ударил ее два раза по лицу, после чего обругал последними ругательствами и за волосы выбросил на улицу. Стэфан слышал это буйство своего дедушки. Каждая его молекула дрожала от страха. Милый мальчик был одет в выглаженный костюм и с приближающимся криком все крепче и крепче сжимал в руке послание Жерома в руке. Стэфан очень хотел открыть его и прочитать, но так и не смог, несмотря на все, что ему сделал Жером. Ганц ворвался в мастерскую и тут же был остановлен сверкающим совершенством Мерседеса. Себастьян и другие члены комиссии принялись тщательно досматривать идеальную игрушку Ганца. Сам хозяин автомобиля подошел к Стэфану и, крепко обняв его, произнес:

– Не знаю, чему я рад больше: тому, что ты успел, или тому, что ты трезвый стоишь передо мной.

Мальчик дрожащими руками вручил Ганцу письмо от Жерома. Ганц недоверчиво разорвал конверт, но содержимое письма заставило его заулыбаться и произнести странную фразу:

– Ну, ладно. Может, хотя бы тогда он образумиться.

Стэфан не верил своим глазам. Все еще испуганному мальчику казалось, что после такой выходки Ганц навсегда забудет имя Жерома.

– А еще он взял ваш Порше, – собравшись с духом, произнес Стэфан.

– Да, я знаю. Ничего страшного. Давай лучше сосредоточимся на комиссии. Я уверен, что скоро эта красавица станет твоей. Даже не представляю, что ты сейчас испытываешь.

Но Стэфан думал только о письме и его содержимом. Ганц аккуратно сложил письмо в свой пиджак и повернулся к членам комиссии.

– Ну что, господа, заслуживает эта красавица того, чтобы повести всю колонну за собой?

Все члены комиссии, переглянувшись, одобрительно покачали головой, но последнее слово оставалось за главным конкурентом Ганца. Себастьян провел по изящному кузову Мерседеса пальцем и ответил:

– Я тоже считаю, что автомобиль выглядит превосходно, и он должен был бы в этом году возглавить нашу колонну, но боюсь, этому не суждено случиться. Видите ли, эта модель должна была оснащаться серебристыми колпаками на колеса, а я, к сожалению, их не наблюдаю.

Ганц вновь не уследил за такой мелочью, но в этот раз его рассеянность была сокрушительна. Выкупив кузов от одной модели, пожилой немец закупил все остальные детали от совершенно другого автомобиля, похожего на этот как две капли воды, но все-таки другого. Себастьян еще в первый свой визит сюда заметил эту чудовищную ошибку Ганца, но, естественно, ничего не сказал ему. Конкурент дождался именно этого момента, чтобы окончательно унизить вечно проигрывавшего немца. Себастьян торжествующе подытожил:

– Я могу заверить всех присутствующих, что этот автомобиль не является исторически достоверным, а, следовательно, не имеет права участвовать в нашем пробеге. Большинство запчастей от другой модели, даже стекло и то недостоверное. Но Ганц является нашим добрым соседом и другом, так что я предлагаю сделать исключение и разрешить ему замыкать нашу автоколонну.

Все одобрительно покачали головой. Вот так в очередной раз Себастьян обставил Ганца. Ганц держался с каменным лицом, а, когда Себастьян предложил ему такой утешительный шанс, одобрительно мотнул головой.

– Господа, наверное, мне просто не судьба возглавить наш автопробег. Прошу меня извинить, я должен поговорить со своим внуком.

Комиссия покинула гараж. Стэфан тут же попытался извиниться за стекло, но Ганц прервал его жестом:

– Постой. Я сам виноват, я не уследил за деталями. Ты же не знал, что эта модель Мерседеса выпускалась еще в другом кузове. Так что винить за произошедшее стоит только меня.

В глазах Стэфана читался немой вопрос: «Значит, этот Мерседес теперь не мой?». Ганц по-отечески обнял мальчика.

– Мне очень понравилось твое рвение, но сделка есть сделка. Мы не будем впереди колонны. Хотя я хочу взять тебя с собой. Все равно в опустевшем особняке пока делать нечего, что скажешь?

– Я с радостью.

– Ну, вот и хорошо.

Ганц присоединился к остальным членам комиссии. Понурый мальчик посмотрел на суррогатный Мерседес глазами полного сочувствия. Ему так и не удастся стать обладателем такой шикарной машины. Когда навязчивая идея обладания Мерседесом разрушилась об реалии жизни, Стэфан вернулся к мыслям об украденной Жеромом Кристин. Первая любовь в жизни мальчика принесла ему только разочарование и пустоту. Стэфан очень любил жалеть себя в детстве и сейчас по старинке принялся заниматься тем же.

Глава 8

Долгие две недели в пустом особняке без целей и знакомых стали для Стэфана мучительным временем. Из десятков работающих на Ганца людей в особняке осталось только пять человек, не испачкавших свою репутацию в устроенной Жеромом попойке. Трое из них были охранниками и старались всегда держаться особняком. Еще один был уборщиком, работавшим здесь еще на прошлых владельцев. Ганц вернул Фазиль и строго настрого запретил ей покидать особняк до его приезда. Пожилая женщина, обрадовавшись возвращению в любимый особняк, круглыми сутками сидела внутри старинных и пустых комнат.

Стэфан перестал следить за временем. Привыкший к внутренней самодисциплине мальчик теперь просыпался ближе к обеду, находил немного еды на кухне; обычно Фазиль делала очень большие порции на ужин. Стэфан любил оставлять их на завтрак. После завтрака юноша обычно брал старый плед из мастерской и шел на соседний холм, с которого открывался великолепный вид на море. В тоскливом уединении Стэфан раз за разом прокручивал в голове все, что произошло с ним за последние месяцы. Пытливый ум юноши старался добраться до сути его невыносимой тоски внутри. В каждом таком путешествии внутрь себя разум Стэфана апеллировал фактами, почему молодой мальчик не должен сейчас страдать из-за неразделенной любви. Кристин была с ним честна и наперед сказала о невозможности их союза, но ее сумбурный выбор в пользу Жерома сбивал с толку неопытное обиженное сердце юноши. В такие минуты он вскакивал со своего покрывала, смотря куда-то за горизонт, и, сжимая кулаки, тихо произносил: «Я не понимаю! Она знала его несколько часов, почему она уехала с ним?» Но ни свежий морской ветер, ни грузные облака не приносили ответа на этот закономерный вопрос разбитого сердца Стэфана. Ближе к заходу солнца, когда свет становится нежного кремового цвета, а облака замирают, ожидая захода своего светила, расстроенный паренек брел обратно к дому.

Стэфан подошел к большому дому уже после захода солнца. Весь нижний этаж сверкал огнями, что могло означать только одно – Ганц вернулся. Истерзанный внутренними переживаниями мальчик оказался прав: Ганц встретил его обеспокоенным видом и, постоянно шупая карманы, пожилой немец что-то ворчал себе под нос. Убедившись, что все на месте, Ганц обратился к Стэфану:

– Из-за уточнения маршрута мы отстали от графика, поэтому автопробег стартует ночью. Так что иди, заправь Мерседес и подготовься к путешествию.

Наконец, легкое волнение затронуло пустоту страдающего юнца. Неожиданный ночной выезд приободрил мальчика.

– Мерседес уже заправлен и готов к поездке.

– Замечательно, тогда не будем медлить. Себастьян в очередной раз возглавил автопробег. Ну, это ничего, я все равно ждал возможности вырваться отсюда.

Мальчик тоже был рад покинуть место, которое напоминало ему Кристин.

Мерседес уверенно тронулся с места и, догнав остальных, замкнул автопробег своей суррогатной персоной. Минуты волнения слишком быстро покинули сердце Стэфана, а пустота вновь завладела его молодой душой. Автомобили двигались очень медленно, у Стэфана не было прав, но, тем не менее, именно он вел серебристый Мерседес по красочным серпантинам. Впереди Себастьяна ехала полицейская машина, прикрепленная городскими властями. Полицейские своей сиреной расчищали путь для остальных участников автопробега. Ближе к утру, когда молчаливый немец уснул, Стэфан и вовсе разочаровался в этой затее, которая раньше так его привлекала. Наверное, главной проблемой был их проигрыш из-за невнимательности Ганца, почему Стэфан должен был страдать из-за рассеянности пожилого немца? Мальчик опять с удовольствием пожалел себя.

Утренние лучи, коснувшись век Стэфана, принесли на них ночную усталость. Резкий поворот ударил Ганца о боковое стекло. Немец, проснувшись, тут же начал кричать:

– Где мы едим? Мы проехали?

Стэфан, прибывая в полудреме от монотонных движений, тут же пришел в себя и попытался успокоить Ганца:

– Успокойтесь, мы все это время ехали за колонной, что мы могли проехать?

– Так, где карта?

– Вот посмотрите на навигатор, что вас так встревожило?

– Хорошо, мы еще не проехали. На следующем повороте сверни налево.

– Но колонна движется прямо.

– У них будет остановка на день в Ницце, там мы их и нагоним.

– Как скажите.

Мерседес будто бы непослушный ребенок, отделившись от общей группы, повернул налево и, наконец, расправив крылья, поехал больше пятидесяти километров в час. Ганц ничего не объяснил своему водителю, лишь указал новое место прибытия. Только через час, когда немец окончательно отошел ото сна, он умерил свою старческую ворчливость и впервые за все время в пути заговорил со Стэфаном:

– Скажи мне, мальчик мой, кем ты хочешь быть по жизни?

– Я не знаю... Точнее, мне кажется, от меня в этой жизни ничего не зависит.

– Ну, что за вздор? Вот если бы я отдал тебя учиться в престижное заведение, после которого ты был бы всегда в достатке, ты бы стал противиться воли старшего и понимающего в этой жизни человека?

– Нет, я бы не стал, но обо мне так никто не заботился.

– То, что ты ведешь Мерседес по роскошной дороге прекрасным зимним утром, но не замечаешь зимы, разве это не забота?

– Наверное, вы правы, сэр.

– Я редко бываю не прав. Еще немного и мы будем на месте.

– Разрешите узнать, куда мы едим?

– В еще один домик Градских. Он не такой большой как мое поместье, но зато очень уютный.

Крутой изгиб дороги обрывался большими чугунными воротами, у которых стоял оцарапанный и испачканный Порше. Утомившийся из-за дороги мальчик, увидев этот автомобиль, тут же почувствовал, как сердце бешено начало стучать и нервно замирать после нескольких ударов в грудь. Ганц посмотрел на автомобиль.

– Ты так и не привел его в порядок. Как только мы вернемся в поместье, он будет на твоей совести.

Стэфан не слышал слов Ганца. Он чувствовал себя странно. С одной стороны юноша и мечтать не мог, чтобы еще когда-нибудь увидеть Кристин, но, с другой стороны, что это за мечты, в которых Кристин была с Жеромом. Жером сидел в деревянной резной беседке и пил утренний кофе. Увидев Мерседес, он обрадовался, поставил чашку кофе и встретил любимого дедушку.

Ганц не мог сдержать улыбки, он не видел своего внука пять лет. За этот срок он успел сильно соскучиться по нему, поэтому выдержав паузу за устроенный кавардак Жеромом в особняке, пожилой немец бросился на шею своему внуку. Жером тоже был рад этой встрече. Стэфан сидел за рулем и не собирался выходить наружу. После долгих объятий Ганц сказал:

– Ну, рассказывай, как так произошло, что ты решил порадовать мое старое сердце своей свадьбой?

– Ну, дедушка, я еще не уверен, одобрит ли мама этот союз.

– Ты помнишь, что я тебе сказал, сажая в поезд до Лондона? Если ты вернешься без диплома, я приму тебя только с кольцом на пальце.

Жером показал руку, на которой красовалось новенькое кольцо, указывающее на помолвку Жерома и Кристин. Ганц прослезился от чувств и добавил:

– Одно мое слово, и вся наша родня одобрит любой твой выбор. Если, конечно, я одобрю его первым.

Услышав этот разговор, Кристин, вышла на улицу, прикрывая свою ногату халатом, девушка подошла к своему парню и обняла его.

– Вот она, – сказал Жером.

– Ну, это просто замечательно. В наших краях лучшей партии для тебя не сыщешь, я одобряю ваш союз, дети. Тем более Кристин хорошая хозяйка, и я уверен, она станет тебе хорошей женой.

Жером проводил Ганца в беседку. Кристин налила всем троим кофе. Жером спросил своего деда:

– Слушай, а, может, вы побудете у нас этот день? Отдохнете, а завтра с утра поедите?

Ганц выпрямил спину и почувствовал хруст позвонков. Сон в кровати был бы ему сейчас очень полезен, поэтому он с радостью принял приглашение своего внука. Только после завтрака Жером вспомнил про Стэфана. В это время Ганц рассказывал Кристин какую-то историю из своей молодости. Жером подошел к Мерседесу. Стэфан все это время наблюдал картину идеалистической семьи и с каждой последующей минутой все больше и больше хотел вернуться назад домой в барак. Слишком чужим он оказался в этих краях.

Жером постучал в окно.

– Все никак не можешь нарадоваться своему новому автомобилю?

Стэфан открыл окно.

– Этот Мерседес принадлежит Ганцу.

– Понятно. Ну, хватит сидеть здесь. Пошли, поешь. Если ты и дальше будешь строить из себя обиженного, то просто останешься голодным. Я знаю своего деда, он даже глазом не поведет на твои чувства, а дорога у вас еще очень долгая.

Стэфан понимал, что ненавистный ему братец говорит правду. Открыв дверь, он вышел из автомобиля. Как только юноша присоединился к Ганцу и Кристин, пожилой немец удивленно посмотрел на своего водителя.

– Ты, чего там сидел все это время? Еще насидишься. Ешь и иди спать. Завтра едим до Милана без остановок.

Кристин сидела очень близко, но теперь ее запах был не таким знакомым как раньше. В этом аромате женского тела отчетливо ощущался привкус Жерома. За все время разговора Кристин ни разу не заговорила со Стэфаном и всячески старалась избегать его взглядом. Ближе к вечеру, когда Ганцу и Жерому надоело травить истории для Кристин, все разошлись по комнатам. Стэфану досталась комната на самом верху. Это было сложно назвать полноценной комнатой, скорее захламленным чердаком с кроватью посередине. Стэфан лег на постель и невольно заплакал. Все время, проведенное вместе с Кристин, он сверлил ее взглядом и задавал один и тот же немой вопрос: «Почему?».

Поздней ночью, когда ненависть ко всему человечеству, наконец, покинула душу Стэфана, молодой человек закрыл опухшие глаза и тут же уснул. Только его сон длился недолго. Юноша открыл глаза от странного шороха и был очень удивлен, увидев рядом со своей кроватью Жерома и Кристин. Кристин села рядом со Стэфаном и, коснувшись его ноги, произнесла:

– Послушай, у нас есть к тебе разговор.

Стэфан отшвырнул руку Кристин и, встав с кровати, ответил:

– Мне не о чем говорить с вами.

Жером вставил свое слово:

– Послушай, Стэфан, ты сказал мне, что Ганц не отдал тебе этот Мерседес, разве тебя это не бесит?

– Это уж точно не твое дело.

– Послушай, мы все пострадали от этого жадного немца. – Кристин встала рядом со Стефаном и провела рукой по его щеке.

Стэфан сжал руку Кристин и опустил ее вниз.

– Что вы от меня хотите? – Стэфан сжал руку Кристин и опустил ее вниз.

Жером подошел к Кристин и обнял ее сзади.

– Все просто, мы поможем тебе восстановить справедливость. Ганц обещал тебе автомобиль, и ты получишь его, точнее деньги за него. Ты же, как говорила Кристин, хотел продать его?

– Вы хотите угнать Мерседес Ганца? Зачем вам это? Ты же, Жером, очень богат и его наследник.

– Послушай, это будет выгодно и тебе и нам. Возьмем Мерседес, продадим его и поделим выручку пополам. – Кристин ответила за своего будущего мужа.

– Ну, уж нет, я не буду вором. В самые голодные времена я не опускался до воровства и сейчас не буду.

– Ты думаешь, Ганц будет вечно с тобой возиться? – ухмыльнулся Жером. – Или что Калип вернется и поможет тебе? К твоему сведению, я говорил с дядей Калипом недавно, и он сказал, что ты для него не нужная обуза. У тебя есть возможность больше не жить с протянутой рукой. Так воспользуйся ей.

– Нас посадят за угон.

– Я знаю своего деда. Он не станет заявлять на своего внука. Тем более, я уже угонял у него редкие машины. Как видишь, все забывается. У меня есть покупатель на этот Мерседес. Нам нужно только пригнать его в Зальцбург до завершения автопробега. Все устроено лучшим образом: покупатель думает, что купит флагман автопробега, а, когда он хватится, будет поздно. Мы с Кристин будем далеко. Ну, и ты сможешь, наконец, перестать быть таким жалким.

– Да, я понял тебя Жером. Ну, хорошо. Я согласен, только есть одно маленькое условие: Кристин поцелует меня по-настоящему в губы, а ты, наконец, увидишь, что ей безразлично все в этой жизни, кроме денег.

– Я не буду его целовать, – сказала Кристин, повернувшись к Жерому и обняв его.

Жером подошел к Стэфану и угрожающим голосом произнес:

– Послушай ты. Не заставляй меня бить твою щуплую физиономию. Мы взяли тебя в долю, только потому что покупатель меня знает, и нам нужен человек, владелец Мерседеса, которым ты, по сути, и являешься. Так что не зарывайся!

– Все хорошо. Я понял вас, я не буду портить вашей семейной идиллии. Я в доле, но только мне шестьдесят процентов на ваши сорок, или я все расскажу Ганцу.

– О, в тебе видимо течет кровь жадности Градских, – злобно зашипела Кристин.

– Что скажешь? – произнес Стэфан, не обращая внимания на слова Кристин.

Жером протянул руку и тем самым заключил соглашение со своим сводным братом. Нужно заметить, что, не смотря на свою фамилию, Жером был беден. Сам по себе без денег матери Жером мало чем отличался от Стэфана. Кристин поняла это сразу же, как только они покинули особняк и приехали сюда. После помолвки и трех ночей любви Жером рассказал о проблемах с деньгами и плане с продажей Мерседеса. Кристин так долго выбирала себе спутника, что решила теперь всегда быть рядом с Жеромом и помогать ему во всем.

Глава 9

Стэфан и Кристин сели в Мерседес. Жером тем временем написал письмо своему дедушке и аккуратно положил его на комод рядом с кроватью. Пожилой немец беззаботно досматривал приятный сон. Воспользовавшись моментом, Стэфан обратился к Кристин:

– Ты говорила мне про жизнь в достатке и возможность больше не думать о деньгах? Я не понимаю тебя, разве это все похоже на твои планы?

Кристин сидела сзади, смотрела в окно и ждала Жерома с нетерпением.

– Послушай, я не хотела причинять тебе страдания, но я не буду отчитываться перед тобой. Это мой выбор, и я обручена. Это тоже осознанное решение, не пытайся понять это. Просто прими как факт.

Жером сел рядом со Стэфаном и, громко хлопнув дверью, прокричал:

– Трогай!

Стэфан сорвался с места и, разгоня автомобиль до предела, все дальше и дальше был от упущенной возможности, которую ему подарила Бланш. Троица была напряжена, и каждый посматривал на часы, ожидая шести часов утра. Именно на это время у Ганца стоял будильник. Без одной минуты шесть совесть мальчика ударила по тормозам, вкопав авторитетный автомобиль прямо посередине дороги в асфальт. Стэфан посмотрел на Жерома, потом на Кристин и произнес:

– Нет, я так не могу. Можете забирать этот автомобиль и продавать его. Я не хочу быть вором.

Жером показал Стэфану свои часы. На них был ровно шесть часов.

– Ты уже вор. Так что хватит истерик. Назад дороги нет.

Ганц проснулся от любимой мелодии на своих карманных часах. В доме было слишком тихо. Пожилой немец приподнялся с кровати и тут же заметил странное письмо, в котором было следующее: «Прости нас, но по-другому пока что нельзя. Мы забрали твой Мерседес, но ты обещал его Стэфану, так что это справедливо. Не сердись и помни, что, несмотря на все это, ты мой дед». Ганц смял письмо и, побраговав, выругался по-немецки. Пожилой немец не мог поверить, что Стэфан предал его, но ему пришлось убедиться в этом. Жером уже однажды проспорил друзьям автомобиль Ганца и, угнав его, разбил о дерево. Тогда Ганц промолчал и не рассказал все матери Жерома, но сейчас Жером украл у Ганца Стэфана, и, как бы это ни было странно, именно это больше всего злило Ганца. Конечно, Стэфан беспрекословно делал все, что ему говорил его сводный дедушка, при этом он не оспаривал его авторитета и смотрел на него со страхом и уважением.

Ганц вернулся в дом и, набрав номер полиции, сообщил об угоне старинного Мерседеса. Полиция тут же расставила на всей прилегающей территории свои посты. Отследить довольно редкий автомобиль было несложно. Сам Ганц был впервые так предан и не понимал, что ему делать дальше. На комодке рядом с письмом лежали ключи от Порше. Раздосадованный немец взял их и, все еще до конца не веря в происходящее, поехал назад в свой пустой особняк. Дорога была не близкой, но километры быстро пролетали в тяжелых раздумьях о наследнике. Порше неожиданно коснулся дорожного ограждения, и искры, вырвавшись наружу от слишком тесного контакта со стеной, заставили Ганца придти в себя и выровнять автомобиль.

Поздно ночью Ганц вернулся в свой обожаемый особняк. Эти стены придавали ему сил, а в голову возвращались мысли о винодельне, о новых служащих и следующем автопробеге. Одноглазый Порше, лишившийся своей фары в схватке со стеной, доставил хозяина в целостности и сохранности прямо к парадному входу. В это время незнакомый мужчина помогал Фазиль положить чемоданы в такси. Ганц не верил своим глазам, он дал второй шанс управляющей, а она опять собирает вещи.

- Фазиль, ты куда-то собралась?
- Ой, вы приехали... Уезжайте, вас погубят...

Незнакомый рослый мужчина буквально затолкал Фазиль в такси, не позволив закончить предложение. Ганц попытался прорваться к управляющей, но Лэнс положил руку на дряблое тело пожилого немца и словно пушинку развернул его.

- Мистер Градский, вам нужно пройти в помещение.
- Что вы себе позволяете? Я хозяин этих земель.
- Пройдемте. С вами хотят поговорить.

Лэнс взял Ганца под руки и повел в дом. Огромный средневековый стол ломился от фаст-фуда. Еще ни разу его поверхность не была так оскорблена. Калип, Грета и Хельга, вернувшись из разных стран, впервые за год сидели за одним столом, но каждый был погружен в свой ноутбук и решал насущные проблемы на своей работе. Лэнс усадил Ганца на его любимый стул в виде трона и, встав сзади, скрестил руки на груди. Ганц от такого вероломства вскрикнул:

- Что все это значит, выродки?
- Эта фраза привела в чувства троицу. Хельга обратилась к Лэнсу:
- Ты можешь идти.

Лэнс вышел из огромного зала, и только после этого Хельга обратилась к своему отцу:

- Папа, скажи ты нормальный?
- Вы выгнали Фазиль? Да кто дал вам такое право?! Я хозяин здесь!
- Где мой сын?!
- Он угнал мой Мерседес. Твой сын – преступник.
- А Стэфан, ты выгнал его на улицу? – Калип принял эстафету у Хельги:
- Твой приемный сейчас вместе с Жеромом. Он его соучастник.

Хельга унаследовала от отца вспыльчивость и бескомпромиссность, поэтому, не выдержав бредней, ударила по столу кулаком.

– Хватит, ты несешь какую-то чушь! Скажи честно, зачем перед новым урожаем винограда ты выгнал всех рабочих? Зачем заявил на Жерома и почему не остановил его?

Ганц почувствовал, как вокруг него начал сжиматься невидимый круг, и решительный немец захотел вернуть власть в свои руки.

– Я выгнал всех рабочих, потому что они бессовестно напились, точнее, их напоил Жером. Мне пришлось выгнать их, а после он обручился с моей бывшей управляющей и пригласил меня и Стэфана в наш домик у Ниццы. Жером подбил там их угнать мой Мерседес. Вот в чём правда. Твой сын, Хельга, преступник, и его место в тюрьме.

Хельга сняла очки и, помассировав глаза, тяжело вздохнула.

– Какая помолвка? О чем ты вообще говоришь? – Хладнокровно рассуждала Хельга. – Он сбежал из института, приехал к тебе, а ты отдал ему Мерседес и сейчас придумываешь всякую чушь. Послушай, мы посоветовались и решили, что чрезмерная власть в конце развратила тебя. Ты стал неуправляемым и непредсказуемым.

– Этот особняк и все твои прихоти сильно бьют по нашему карману, – вмешался в разговор Калип. – Ты тратишь деньги на ненужных рабочих, содержание автопарка, а перед самым началом сбора винограда выгоняешь всех. Так больше не может продолжаться. Мы решили продать эту винодельню и особняк.

Ганц вскочил с трона и схватил Калипа за шиворот.

– Да кто ты такой? Чтобы продавать мои земли?! Это мои деньги!

Хельга позвала Лэнса, и здоровяк тут же оттащил Ганца от Калипа.

– Твои деньги? – поправляя пиджак, ответил Калип багровому немцу. – Ты уже три года живешь на мои деньги. Я содержу тебя и имею право делать все, что мне вздумается. Твои деньги закончились после покупки этого убыточного особняка и найма восьмидесяти человек,

которые просто получали зарплату и ничего не делали. Тебе нравилось командовать? А за твои прихоти платил я.

– Все хватит! – решила вмешаться тихая до этого момента Грета. – Прекратите этот балаган. Видно же: ему нужна специализированная помощь. Давайте закончим с этим.

Лэнс уложил Ганца на пол и одел на него смирительную рубашку, в эту секунду Ганц замер. Его рассудок в ужасе понял, что ждет пожилого старика дальше.

– Постойте, вы хотите запихать меня в психушку?

– Нет, что ты! В престарелый дом, – Калип позвал второго санитаря. – А когда ты образумишься, может, мы купим тебе маленькую квартиру. Увидите его.

Лэнс с помощником потащили Ганца в приготовленный заранее автомобиль. Ганц в последний раз в жизни смотрел на такие привычные раньше комнаты, а перед тем, как его запихали в машину, взглянул на потрепанный Порше. Больше никогда в жизни ему не сидеть за рулем такого мощного автомобиля.

Грета обняла своего мужа. Ей казалось, что они поступили неправильно.

– Калип. Он наш отец. Может, нужно было помягче?

Хельга прервала колебания своей сестры словами:

– Зачем ты сейчас начинаешь паниковать? – Хельга прервала своим звучным голосом колебания сестры. Он выжил из ума, и сейчас моего сына разыскивает полиция! Как можно было заявить на собственного внука? Ему давно нужен надлежащий надзор.

– Я уже нашел покупателя, – Калип поддержал сестру жены. – Завтра мы продадим этот особняк и, наконец, перестанем так много тратить.

Стэфан выехал на главную магистраль. Жером и Кристин, притупив свой разум монотонной дорогой, дремали, прислонившись к стеклу. Мерседес уверенно приближал вынужденных путников к месту встречи с покупателем. Через пару километров движение резко замедлилось, автомобили, скопившись в одну большую пробку, пытались ускорить процесс движения, сигналижая друг другу, водители все время перестраивались из ряда в ряд. Мучительные минуты простоя выводили из себя Жерома. Он начинал браниться на всех окружающих водителей и постоянно давал советы Стэфану. Кристин старалась не обращать внимания на перепалку двух сводных братьев. Устремив свой взгляд вдаль, девушка заметила блокпост и полицейских, пристально всматривающихся в проезжающие автомобили. Кристин тут же обратилась к Стэфану:

– Стой, там полиция. Видимо, Ганц все-таки заявил на нас.

Жером, увидев полицейских, ударил кулаком по бардачку.

– Вот же старый маразматик! И дался ему этот Мерседес.

Стэфан посмотрел по сторонам и не смог остановить автомобиль, потому что все вокруг продолжали двигаться.

– Я не смогу развернуться, слишком мало места. – Пришел в ужас Стэфан.

Движение продолжалось, и заставляло троицу двигаться к своему неминуемому разоблачению. Жером увидел проселочную дорогу как раз перед самым блокпостом и тут же показал его Стэфану. Мерседес, увидев путь к спасению, вероломно перестроился в ближайший к дороге ряд. Полицейский Норман, который держал в руках распечатку угнанного раритетного авто, заметил его вираж к спасению и, тут же сев в полицейскую машину, включил сирену.

– Гони! – испуганно взвизгнула Кристин.

Стэфан был в одном корпусе от спасительной дороги. Полицейский автомобиль быстро пробирался сквозь пробку к Мерседесу, рассекая пространство звонкой сиреной. Стэфан больше не мог ждать, он ударил передний автомобиль и получил долгожданное пространство для побега. Мерседес, набрав скорость, рванул по извилистой проселочной дороге, спасаясь от воя сирен.

Лэнс остановил свой старенький Пежо и отдал своему поделщику половину денег, заплаченных Калипом этим двоим за грязную работу ссылки Ганца в престарелый дом. После чего санитары вновь тронулись с места. Дорога на престарелый дом была далеко позади, поздно ночью Пежо вновь остановился. Лэнс разбудил Ганца сильным ударом по лицу. После чего снял с него смирительную рубашку и, приставив к горлу нож, произнес:

– Ты думал, что можешь безнаказанно насиловать девушек, а после бить их, кидая с крыльца за волосы?

Ганц не успел оправдаться. Лэнс ударил его по голове, и пожилой немец потерял сознание. Лэнс после возвращения Тришы домой долго не мог вытянуть из нее, что произошло в особняке и почему у нее большие синяки на теле. Молодой человек очень беспокоился о своей будущей жене, а, когда Триша все-таки рассказала о «злодеяниях» Ганца, Лэнс поклялся отомстить за многочисленные акты насилия. Калип знал Лэнса очень хорошо. Они дружили и иногда даже рыбачили вместе. Так что Калип доверил ему такое щепетильное задание, но Калип не знал, что в планах у Лэнса и близко не было довозить старика до места назначения.

Лэнс усадил Ганца за руль и, включив первую передачу, положил булыжник на педаль газа. Расчет оскорбленного мужчины был прост. Впереди была извилистая дорога с резким спуском с двух сторон и очень узким разъездом посередине поворота. Так что Пежо должен был слететь с утеса прямо в глубокую пропасть, имеющую в своем начале небольшую горную речку. Лэнс все подготовил заранее, убрав загородительные шпалы, отделяющие дорогу от бесконечности.

Пежо рванул навстречу смертельному пике. Лэнс сам себя ударил в челюсть, имитируя борьбу с выжившим из ума стариком. С другой стороны дороги послышался вой сирен. Лэнс, подчиняясь инстинктам, тут же растворился в кустах. Мерседес, осилив крутой поворот, зашел в узкую дорогу с сильным заносом. Уже более часа за испуганной тройцей гнался дорожный патруль. Полицейская машина, словно бульдог, вгрызлась в угонщиков, не отпуская их на большое расстояние от себя. Стэфан слишком поздно увидел Пежо, летевший прямо в раритетный автомобиль. Машинально руки напряженного мальчика попытались избежать столкновения. Резко повернув влево, Стэфану удалось не врезаться лоб в лоб с Ганцом. Пежо, пролетев мимо юных преступников, с оглушительным звуком врезался в полицейский патруль. От такого удара два автомобиля тут же превратились в груды металла. Мерседес сильно понесло, и молодой мальчик никак не мог обуздать уставшую машину. Еще несколько метров молодые люди ехали по обочине, а после Мерседес должен был, получив поддержку заграждения, отскочить и вновь вернуться на дорогу, но заграждения не было, и грузная немецкая красавица с тремя молодыми людьми в салоне встретилась с пустотой и огромным пространством до земли. Кристин попыталась обнять Жерома, но между вечностью и автомобилем появилось столетнее дерево в форме большой рогатки. Мерседес попал ровно посередине этого пространства и, зацепившись, замер. Резкая остановка выбила лобовое стекло и вытряхнула из салона двух братьев, не пристегнувшихся до этого. Телу Кристин повезло больше: передние сиденья спасли молодую девушку от участи двоих влюбленных в нее мальчиков.

Природа постаралась сгладить страшное происшествие, тут же укутав всех пострадавших непробиваемой тишиной, и лишь изредка позволяла нарушить покой каплями масла из пробитого бачка полицейской машины, которые чередовались с каплями крови из раны выжившего Норманна. Дерево крепко держало доверенный кусок железа в своих объятьях. Кристин продолжала дышать, вторя только одному сердцу из пяти ранее участвовавших в этой страшной трагедии.

Часть вторая

Глава 10

*Нет ничего страшнее тишины.
Той тишины, что оставляет сердце без ответа...*

*Там нет забот и суеты,
Привычек зов уже не страшен,
Ход времени обезобразен,
И каждый дух – портрет души.*

Все было кончено. Осознание этого позволило Стэфану почувствовать свое существо. Пустота, окружающая его силуэт, сдавливала бесформенный след от мирской жизни. Чем дольше сознание Стэфана прибывало в небытие, тем больше ему открывалось пространства. Само понятие время тут не имело никакого значения. По ощущениям душа погибшего мальчика могла только понимать, что ее больше не существует. Стэфан был бесконечно одинок, и всем своим духом пытался избавиться от этого состояния. Погибший юноша не мог смириться с такой кончиной и всячески отрицал ее. Ведь всего пару секунд назад он ощущал жизнь, спасаясь от погони, а сейчас не мог до конца идентифицировать себя в пространстве.

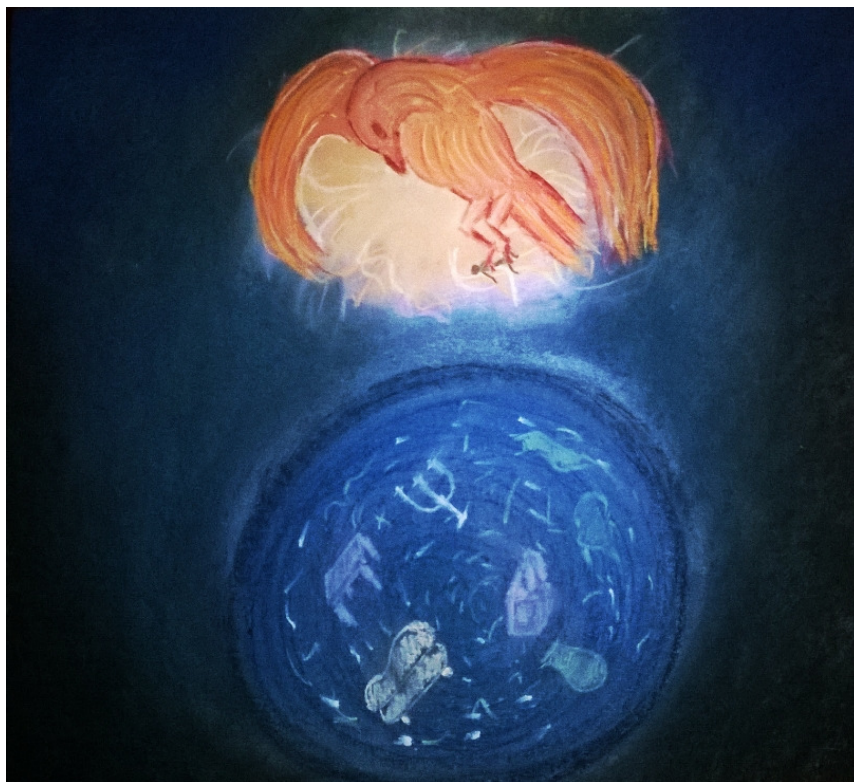
В нашем мире молодому духу потребовалось бы десять лет, чтобы смириться с тем, что его не стало. Это смирение стало ключом к новому этапу прибывания в загробной жизни для души Стэфана. Вокруг появились ели уловимые черты и формы, а пространство вокруг стало напоминать едкий красный дым. Стэфан прекратил бесконечное и бессмысленное движение и почувствовал что-то твердое под своим следом прошлой жизни. Здесь было так же тихо и пусто, но внутренне мальчик ощущал присутствие еще кого-то.

Яркая вспышка похожая на ту, которая обычно бывает перед тем, как лампочка накаливания перегорает на веки, осветила пустыню мертвых душ. Эта вспышка зависла и начала приносить неприятные ощущения существу Стэфана. Много непонятных форм вокруг постепенно начали выгорать и, ссыхаясь, превращаться в пепел. Стэфан выдержал это непереносимое пламя, как и еще единицы вместе с ним. На поверхность мертвой пустыни налетел порыв ветра и сдул весь песок прошлых поколений, оголив сотни тысяч линий и изгибов, пересекающихся друг с другом. Стэфан смог угадать в одном из уцелевших путников загробной жизни Жерома, который стоял неподалеку. Линии начали пульсировать и, набираясь сил, приобретать форму огромных артерий. Два погибших парня, наконец, стали похожи на себя до смерти, только свечение головы темно-синим цветом выдавало их смерть.

Жером подошел к Стэфану и, открыв рот, попытался что-то сказать, но звуки были скрадены огромными нитями, поднимающимися и резко бьющими по поверхности мертвой жизни. Резкое свечение, образовавшись над головой Жерома, подняло его на новую плоскость, сформированную специально для этого только что. Непонятный образ появился из неоткуда рядом с Жеромом и, положив ему руку на плечо, забрал настоящего Градского подальше от этой гибельной долины. Стэфан не понимал, что происходит, но чувствовал, Жерома спасли. Погибший мальчик, вернув себе ноги, рванул к лестнице из змей, ведущих к месту спасения его брата. Но одной из пульсирующих артерий это не понравилось, и она, поднявшись над Стэфаном, резко обрушилась на бегущего юношу и, проломив импровизированный пол, затащила мальчика куда-то вниз. Формы и образы вновь исчезли, а пустота поглощала все вплоть до мыслей еще в стадии их формирования. Артерия, взявшая на себя функции судьбы

и не позволившая Стэфану выбраться, начала уменьшаться и растворяться в чернилах несуществующего мира. Мальчик впился своими руками в эту странную нить и не хотел расставаться с единственно формой, доступной для его осознания. Артерия подбросила Стэфана и, превратившись в огромного полыхающего орлана, устремилась назад в свой привычный мир. Юноша, ухватившись за огненный отросток напоминающий ногу, тоже боролся за свою душу.

Орлан вернулся обратно в мир нитей и переплетений. Но Стэфан больше не держался за его ногу, сильная боль не позволила ему продолжить свой путь. Огненная птица не бросила угасающую душу мальчика и, впившись в его существо огненными когтями, принесла Стэфана в огромную сферу, в которой было множество вещей и хлама. Сфера постоянно двигалась и перемещала предметы, раз за разом добавляя в свою коллекцию что-то новое. Орлан усадил Стэфана на старое кресло, сплетенное из чьих-то несбывшихся надежд и, взорвавшись, покинуло этот мир. Сфера, вращавшая до этого только неодушевленные предметы, почувствовала живой дух. Движение огромного шара постепенно замедлилось, а потом вовсе угагло.

Огненная птица не бросила угасающую душу мальчика и, впившись в его существо огненными когтями, принесла Стэфана в огромную сферу, в которой было множество вещей и хлама.

Все замерло, Стэфан открыл глаза и не увидел ничего. Время разрешало здесь не слушаться себя, оно было редким гостем, но земная душа Стэфана подчинялась ему всецело и мерило все минутами, которых в пустоте накапало по меркам людей опять на десять лет. Все это время Стэфан плыл по реке своего сознания, сам при этом нигде не находился. Красный едкий дым начал возвращать формы окружению. Сфера опять стала сферой и приоткрыла небольшую щель. Стэфан, поднявшись с кресла, подошел к щели и увидел всю ту же пустыню и сотни теней существ. Одно стояло совсем близко и, увидев Стэфана, начало принимать различные формы, чтобы привлечь его внимание. В этом безмолвии над существом появилось имя и возраст, исчисляющийся, правда, не цифрами. Точка КХ, а именно так звали существо,

чего-то очень боялась. Стэфан вспомнил вспышку и обжигающее пламя. Решив помочь Точке КХ, он подбежал и, взяв его на руки, вернулся в Сферу. Вспышка теперь испепелила всех, а ветер, сдув остатки с песком, вновь вернул власть в этом мире огромным нитям. Нити начали бить по сфере, подбрасывать ее над собой. С каждым последующим ударом сфера взлетала все выше и выше. Верх сферы открыл огненный орлан и, влетев, устремил свой взгляд на Стэфана. Было понятно, что огненная птица пытается что-то сказать духу юноши, но Стэфан не слышал слов, вместо этого ухо резал непонятный рев и гул. Орлан не дождался ответа и поэтому улетел. В это время по сфере ударила самая мощная артерия. Сфера треснула, Орлан обдал пламенем все, что было внутри нее. Стэфан и Точка КХ загорелись, но мальчик вновь выжил, а вот другое существо превратилось в пепел. Нити, ожидающие этого, сразу же успокоились и очистили пространство от своего присутствия. Сфера, падая, ударилась об поверхность и разлетелась на различные осколки. В одном из них лежал Стэфан. От такого удара в полу поползла огромная трещина. Нарастая, она прорвалась сотнями темных духов, кружившими, словно птицы, по одной и той же мертвой петле. Стэфан попытался сохранить себя. Закрыв глаза, он «уснул».

Только через десять лет его оцепенение беспокоит уже такой знакомый едкий дым, приносящий с собой формы и очертания окружения. Но вместо сотни тысяч существ Стэфан видит одно огромное и невероятное. Стэфан был для этой громадины маленькой крошечной точечкой, которую было сложно разглядеть. Вспышка начинает выжигать Монстра, но его масса до такой степени внушительна, что он просто хлопает в огромные ладоши и уничтожает надоедливый свет будто бы комара. От такого звука мальчик мог бы оглохнуть сотни раз, но этого не произошло, потому что было невозможно. Огненный Орлан, вынырнув из соседней тьмы начал больно жалить Монстра едкими струйками пламени. Монстр очень долго отмахивался от огненной птицы, но перед тем, как попасть по ней, Орлан успел прожечь в Монстре небольшую дырку, в которую огненное существо принесло Стэфана. Мальчик боялся смотреть на происходящее и постоянно закрывал глаза. Монстр прихлопнул Орлана и тот разлетелся на миллионы искринок. Каждая искринка, попадая на Монстра или на другую поверхность, прожигала ее до белоснежного света. Монстр попытался потушить себя, но только ухудшил свое положение. Вся его масса превращалась в черные капли смолы. Капли образовали целую речку и бурным потоком неслись по белым областям небытия, пачкая все окружающее.

В самой середине этого вязкого водоема барахтался Стэфан и кричал от боли. Крик мальчика усиливался и действовал на темную речку волшебным образом. Капли темной жижи, отделяясь от основной массы, стали превращаться в предметы мебели, стулья, столы и шкафы, а после стены и потолок. Так постепенно вокруг Стэфана образовался большой особняк, все внутри было черным, но от этого не менее знакомым. Перед душой мальчика был воссоздан особняк Градских. Стэфан все еще ощущал на себе вязкое жжение смолы. Черные свечи освещали комнаты серым светом, а когда мальчик сделал один шаг, все они разом потухли, позволив непонятной, но могущественной силе перетащить юношу за стол. Только после этого серый свет вновь осветил комнаты. Стэфан сидел за большим столом, его окружали странные куклы, похожие на марионеток, небрежно склеенных своим хозяином. Но только вместо соломы или другого наполнителя из них торчали слова и фразы, выглядывая окончаниями букв.

Во главе стола сидел Ганц и имел какой-то уставший и мучительный вид. В открытые окна подул ветер, но состоял он не из воздуха, а из гелия, хотя в данном мире это было нормально. Гелий случайно подвинул соседнюю со Стэфаном марионетку. В куклу тут же вонзилось что-то острое и длинное, Стэфан поднял голову и увидел большую черную касатку, водрузившуюся над столом. Касатка имела сотни отростков в виде острых длинных иголок, каждая из которых мечтала вонзиться в душу когда-то жившего на земле человека. Марионетка напротив Стэфана тоже слегка колыхнулась от действия гелия. Касатка с наслаждением вновь проткнула свою жертву. Стэфан понял принцип игры и тоже замер. Его взгляд мог видеть Ганца, в его глазах читался ужас и усталость. Видимо, дух Ганца уже очень давно пирует здесь вместе со своими

пустыми обещаниями и словами. Стэфану было сложно замереть, его существо норовило рас-
течься в лужу плазмы. Так что мальчику приходилось держать себя в руках. Очень много кукол
пало от иголок касатки, и Стэфан приближался к этой же участи.

С очередным порывом гелия в окно влетел Орлан, но только в обличии шмеля, огнен-
ный шмель, покружив над столом, сел на плечо Ганца. В эту секунду глаза старика излучали
ужас, огненный шмель начал жалить Ганца и дух немца, не выдержав, ударил по огненному
существу рукой. Касатка так долго ждала этой возможности, она с криком вонзила в Ганца все
свои отростки. Шмель превратилась обратно в Орлана и, схватив Стэфана, понес его куда-то
вверх. В этом долгом путешествии Орлан на доли секунды попал на землю, точнее, это был
только перевалочный пункт в другое измерение. Но этого мгновения хватило мальчику, чтобы
затосковать по дому всей своей душой. Орлан принес Стэфана обратно в измерение с нитями
и едким дымом. Огненное существо говорило с мальчиком на языке духов, но Стэфан провел
слишком мало здесь, чтобы понимать древнюю птицу. Юноша услышал только рык и рев, так
и не узнав, кто защищал его после смерти. Бланш помогла юноше даже в небытие, куда ей
было крайне сложно попасть, но больше у нее не было возможности вторгаться в первый мир
мертвых.

Тьма и бесконечность и ничего больше. Стэфан миллионы раз прокручивал воспомина-
ние о земле и спасался этим мгновением. Едкий дым опять вернул формы, но замены вспышке
пока что не нашлось, и поэтому сотни мертвых существ, столпившись, пытались наладить кон-
такт друг с другом. Стэфан стоял поодаль всех и наблюдал за происходящим со столетней ску-
кой внутри. Ветру, состоящему из гелия, пришлось в этот раз сильно потрудиться, чтобы сдуть
в небытие неиспеленных вспышкой. Но все прошло гладко, и на поверхности остался только
Стэфан и еще один силуэт. Стэфан понимал, к чему это ведет, и тут же бросился к путнику.
Но вспышка света опередила мальчика и, подняв его вверх, спасла от участи бесконечности.
Тонкий луч света все еще струился. Стэфан упал на поверхность и закричал: «А как же я?»
Он не произносил человеческих слов уже сотни лет, поэтому сам не помнил значения слов,
которые только что произнес.

Едкий дым опять вернул формы, но замены вспышке пока что не нашлось, и поэтому сотни мертвых существ, столпившись, пытались наладить контакт друг с другом. Стэфан стоял поодаль всех и наблюдал за происходящим со столетней скукой внутри.

Свет не пропадал, а поверхность превратилась в огромный лабиринт. Стэфан видел, что одна из бесконечных дорог ведет к спасительному лучу. Мальчик отправился на поиски света, но каждый раз натыкался только на тупики. В какой-то момент Стэфан увидел темный образ, ожидавший его в тысячном тупике. Образ подлетел к своему спутнику и предстал перед глазами юноши. Темный силуэт был похож на рваный плащ, снизу струился черный дым, голова была идеальным кругом с двумя вырезами в виде глаз, из которых сочилось синее пламя. Разрез губ напоминал пасть акулы, только имел при этом насмешливый вид. Существо периодически издавало рык, похожий на пение кошки. Стэфан узнал имя странника, даже не спрашивая его. Темное пятно звали Нечто.

Темный силуэт был похож на рваный плащ, снизу струился черный дым, голова была идеальным кругом с двумя вырезами в виде глаз, из которых сочилось синее пламя.

Нечто, поклонившись, произнесло:

*Так жизнь твоя рекой текла.
И в повседневности вращения
Она трагично вдаль ушла,
И свет забыл твои прошенья.*

*Я помогу тебе бежать
Из бесконечности забвенья,*

*Но должен ты мне обещать
В себе свет правды растоптать.*

Стэфан понял Нечто, а это значило, он пробыл здесь достаточно и мог общаться с духами. Стэфан ответил на несуществующем высокопарном языке:

*Свет тот возьмет меня наверх
И осветит мои дороги.
Смолой пропах твой силуэт.
Ты путник страха и тревоги.*

Нечто взорвался стаей черных воронов и начал водить хоровод вокруг мальчика. Стэфан продолжил поиск единственной дороги из небытия, но с каждым новым поворотом дух юноши только отдалялся от правильного выбора. Лабиринт начал спускаться вниз, а луч света превратился в тонкую ниточку, ели уловимую взору мальчика. Стэфан понял, что какой бы путь он ни выбрал, все равно юноша только удаляется от света. Опустив руки, Стэфан упал на землю. Нечто, все это время кружившее над юношей, собралось в один темный образ и встало рядом.

*Не видишь ты куда идти
И просишь все еще ответа?
Тьма в сердце жаждет, отомсти.
А я могу помочь и в этом.*

Стэфан сокрушенно ответил своему искустителю:

*А что взамен ты заберешь?
Меня навеки в рабство шлешь?
Тебе служить не буду я —
Моя душа мне дорога.*

Нечто

*Твоя душа меня зовет.
А ты, глупец, другого ждешь?
Все ясно духам наперед —
Тьма спутник твой и твой оплот.*

Стэфан

*Я в тьме уже который час?
О свете думать не мечтаю.
Оставь меня, я увядаю
И в прошлом сгину в этот раз.*

Нечто

*Себя так сильно не жалеи.
Ведь жалость здесь сродни унынию.
А ты еще послужишь ей,*

Разносчик гадких новостей.

Стэфан

*Ты должность дал?
Я не просил.
С тобой иметь дела не буду.
За имя той, что погубил,
Язык твой гадкий бы отбрил.*

Нечто

*Меня напрасно не брани.
Кристин истерзанна не мной.
Тот свет, что взял Жиром в строй,
Погубит сердце молодой.*

Стэфан

*Твои слова обман и шум.
Способен ты дурманить разум.
Жиром помолвкой окрылен
И защитит жене от грязи.*

Нечто покрывает себя черным дымом, а после предстает перед Стэфаном в образе Кристин и говорит голосом любимой:

*Ты прав Стэфан, меня спасут.
И после смерти буду с мужем.
А ты забудешь линии губ.
Тебя на небе уж не ждут.*

Нечто вновь принимает свое привычное обличие и посылает черный дым с ладони прямо в глаза Стэфану. Заблудший дух видит тот самый Мерседес и дерево, спасшее Кристин, а внутри автомобиля все еще живая возлюбленная мальчика. Нечто поднимает Стэфана на ноги.

Нечто

*Я помогу ее спасти
И одурачить света слово.
Мою ты сторону прими,
Жиром один умрет в ночи.*

Стэфан

*Она жива! Еще жива!
Жиром погубит это счастье?
Оставит мне одни ненастья.*

Нет! Без нее умру и я.

Нечто

*Жиром уже не человек.
Без плоти он неосязаем.
Слуга без права жить вне рая.
А я тебе Кристин верну.*

Стэфан

*Ты очень складно говоришь,
И верю я тебе всецело.
Но ты меня поработишь.
Кристин приманка, словно мышь.*

Нечто

*Раз обещал, то будешь с ней.
За это цену я назначу.
Прими меня и тьму в придачу,
И ярче света станет день.*

Стэфан смиренно опустился на колени перед своим новым хозяином. Нечто приветливо заурчало и, вонзив свои пальцы, больше похожие на ножницы, в грудь мальчика, обратило его в существо с привычным внешним видом для человеческого глаза, но черной дырой вместо сердца. Это существо питалось только страданиями и пороками. После превращения Нечто пожало руку своему новому слуге и через рукопожатие подарило новый темный костюм с переливающимся изумрудовым поясом, а на руке у Стэфана появились сумеречные часы, указывающие ему на количество страданий, которые испытывают люди каждую минуту.

Нечто

*Теперь ступай в привычный мир.
Там без тебя прошла секунда.
Найди спасенье для Кристин,
Ее конец отдав другим.*

Стэфан почувствовал способ выбраться из небытия. Просто представив себе землю, он смог мгновенно перенестись на родную планету. Слуга Нечто стоял посередине прекрасного древнего амазонского леса. Природа струилась различными красками и звуками, теплое свечение укутывало пеленой солнечного света капельки росы. Птицы воспевали красоту мира, а животные, только что пробудившись от долгой холодной ночи, искали себе пропитание. Стэфан осматривал мир, о котором так мечтал и больше не надеялся увидеть, холодным безразличным взглядом. Этот волшебный вид мог тронуть любого заключенного в темном подземелье, привыкшего к спертому воздуху и сырости. Но сердце Стэфана молчаливо замерло, а идеалистическая картина приносила только зависть и разочарование. Слуга Нечто злобно рыкнул на все окружающее отравленным дыханием. Природа покривилась от инородного звука, спрятав в глубине чаши своих детей от ледяного взгляда Стэфана. Потерянный юноша почувство-

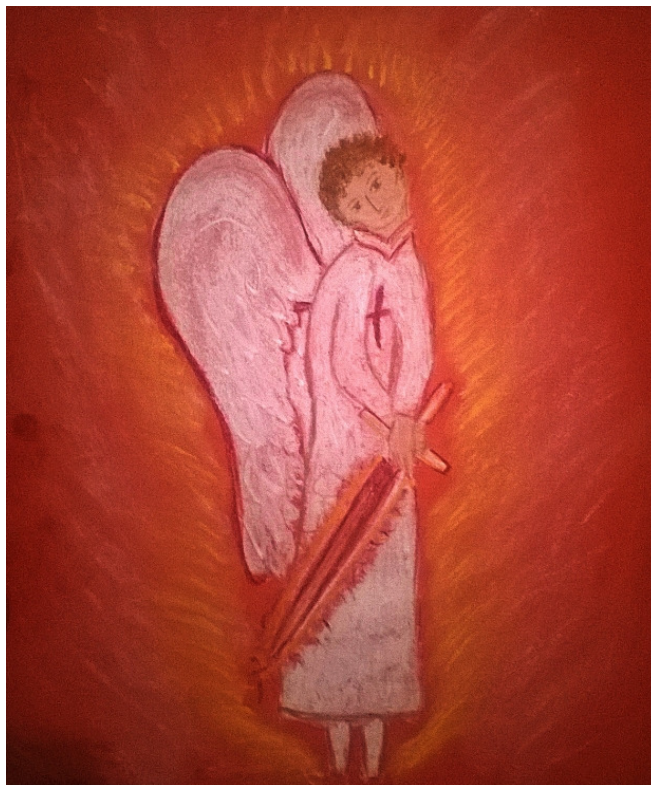
вал человека, способного помочь Кристин. Уже через мгновение место, где появилось иноземное зло, старалось возродиться, но большой ледяной выжженный круг от непрошеного гостя не позволил этого сделать.

Слуга Нечто злобно рыкнул на все окружающее отравленным дыханием.

Глава 11

Свет принес Жерома в место, где было легко дышать, а тревога сама по себе исчезала из погибшей души юноши. После смерти Жером провел всего лишь мгновение в непонятном и пугающем небытии. Белоснежное существо коснулось Жерома и подарило ему новый облик. Облик юноши преобразился в лучшую сторону, могучие белоснежные крылья появились за спиной, а в руки юноши был вложен карающий огненный меч. Символ победы над темными деяниями и страхами человека.

Облик юноши преобразился в лучшую сторону, могучие белоснежные крылья появились за спиной, а в руки юноши был вложен карающий огненный меч.

Жером

*Я видел землю словно дух.
Не бьется сердце – это страшно.
И слышал шепот той прекрасной,
Что в вечность душу заберет.*

Свет

*Теперь ты с нами, все забудь:
Дела, друзей – все это в прошлом.
Тебе начертан новый путь —
Спасать людей. Ведь в этом суть.*

Жером

*Тогда спаси мою любовь!
Она жива: я видел это.
И словно раненый с картин
Над бездной замерла Кристин.*

Свет

*Ход времени не изменить.
Кристин должна погибнуть тоже.
Но ваша клятва вместе жить
Способна душу воскресить,
К тебе вернув, ее простить.*

Жером

*Я знаю, жизнь не бесконечна,
И каждый путь скрывает смерть,
Но не могу я добровольно
Кристин позволить умереть.*

Свет

*Не вправе ты так рассуждать.
Творцом начертано другое:
Стэфан готов ее украсть,
Запачкав сердце молодое.*

*Ее оставив на земле,
Другим давая только горе,
Стэфан погубит многих тем,
Что эгоизм взял душу в плен.*

*Найди спасателя сейчас.
Руками станет он Стэфана.
И не позволь в коварный час
Ему спасти Кристин от нас.*

*Ведь в том погибель для него:
Кристин достав, он рухнет в пропасть,
И нет спасенья для того,
Кто был зависим от него.*

Жером услышал своего наставника и, воспарив, рассек пространство карающим мечом, открыв дорогу на землю.

Филипп с детства занимался скалолазанием и обожал туризм. Поэтому, не раздумывая, после окончания школы он подался в спасатели. Молодой спасатель часто помогал людям

в страшных авариях и был незаменим при оползнях и селях. Но сейчас Филипп мирно спал в сторожке, отведенной ему под опорный пункт спасателей в этом горном районе.

Стэфан появился рядом с его койкой. Ледяные глаза погибшего юноши оставили ожог на щеке спасателя. Филипп резко проснулся и, схватившись за холодный ожог, подошел к зеркалу посмотреть, что произошло. Стэфан был невидим для благородного парня, слуга Нечто коснулся телефона и в комнате раздался звонок. Филипп рассматривал странный шрам и не мог понять, откуда он у него. Услышав телефон, спасатель поднял трубку:

– Да, я вас слушаю.

– Простите, я правильно звоню? Это спасатели?

– Не совсем, мадам. Это пункт наблюдения.

– Нам срочно нужна помощь! Я стала свидетельницей страшной аварии! По-моему, в Мерседесе есть еще выжившие.

– Успокойтесь. Скажите, пожалуйста, где вы?

– Тут нет таблички с указанием. Мы ехали с мужем, а тут такое. Это севернее Ниццы на пятьдесят, семьдесят километров.

– Понятно. Я сейчас позвоню в город и сообщу о происшествии. Это недалеко от меня. Я приеду и постараюсь помочь, если есть выжившие.

У Филиппа не было специализированного оборудования для резки металла. Поэтому он взял с собой только обычную веревку. Это все, что было у него под рукой. Стэфан, притворившись сердобольной женщиной, был доволен результатом разговора с Филиппом.

Встревоженный спасатель уже очень давно не получал подобных звонков. Филипп открыл дверь, на пороге стоял Жером. На Земле его белоснежных крыльев не было видно, вместо ослепительной рясы на нем был большой серый балахон с красным крестом посередине.

– Вы Филипп? Мне нужно с вами поговорить, – сказал Жером.

– Простите, у меня нет времени на разговоры. У меня срочный вызов.

– Это важнее всего. Вам не нужно ехать туда. Вы там погибните.

– Кто вы такой? Оставьте меня в покое!

Жером воспарил над Филиппом и, раскинув руки, осветил все вокруг ослепительным светом. Этот свет проникал внутрь доброго спасателя и заполнял его теплом и смиренностью. Жером направил свой меч на Филиппа, и спасатель тут же увидел страшную аварию и Мерседес, застрявший на дереве. Перед юношей раскрылся его трагический конец. Жером опустился на землю и перед тем, как раствориться в воздухе, произнес:

– Вы нужны здесь живым. От вас зависит жизнь очень многих людей, которых вы еще не успели спасти.

Филипп стоял на коленях и дрожал. Он не ожидал такой встречи и еще больше его пугало то, что он увидел. Стэфан смотрел на происходящее во тьме ночи, которую праведный свет не посмел тронуть. Стэфан, будучи злым духом, мог выбрать себе нечестивый образ, и заблудший юноша выбрал черную лошадь похожую на Тенегрива. Темный рысак помогал духу Стэфана находиться на поверхности земли и при этом не желать каждую секунду смерти всему окружающему. Это позволяло ему думать о спасении Кристин. Лошадь медленно подошла к Филиппу, пытающемуся собраться с мыслями. Местный спасатель никогда не видел такой красивой лошади. Она была грациозна и величественна, а ее глаза пылали рубиновым цветом. Душа Филиппа понимала, что Жером был посланником света, а от этого коня молодая душа начала дрожать. Спасатель решился погладить лошадь, и тут же получил еще одно видение. Это была все та же авария, но в Мерседесе на заднем сиденье лежала молодая красивая девушка, дерево начинало раскачиваться под порывами приближающейся грозы, и в конце концов Мерседес срывался в пропасть, убивая свою пленницу.

После видения Филипп открыл глаза, но темной лошади уже не было рядом. Филипп долго не думал. Уже через десять минут спасатель был на месте страшной аварии. Сначала

Филипп осмотрел искореженный Пежо, но Ганц был мертв. В полицейском автомобиле Норман еще подавал признаки жизни, но груды металла зажала полицейского, и Филипп не мог ему помочь. Наконец, спасатель подошел к обрыву и увидел Мерседес, разглядеть Кристин в темноте у него не вышло, но он услышал ее стоны.

Филипп не смог найти безопасный способ спуститься к Мерседесу, а действовать нужно было быстро, темные тучи и сильные порывы ветра грозились уронить автомобиль в пропасть в любую минуту. Спасатель подогнал свой мощный джип поближе к обрыву и, пристегнув себя к лебедке джипа, начал спускаться к Кристин. Дерево издало страшный звук, намекая на скорое падение. Филипп смог открыть заднюю дверь и обвязать пострадавшую девушку веревкой. Парень понимал, что старая веревка может оборваться в любой момент. Филипп успел вовремя оттолкнуться от дерева и повиснуть вместе с девушкой над пропастью. Дерево больше не могло терпеть тяжесть и, сорвавшись в обрыв, забрало с собой старинный автомобиль. Кристин потеряла сознание от испуга. К сожалению, оснащение Филиппа, было скудным и устаревшим, обычная веревка была прогнившей и, доживая свой век, в спокойном районе страны не рассчитывала держать сразу двоих. Спасатель почувствовал, как немного опустился, а это означало только одно: веревка начала рваться. Филипп был человеком долга и не мог позволить умереть даже одному человеку. Достав охотничий нож, он отрезал себя от Кристин и от жизни одновременно. Только через час автомобиль спасателей из города приехал на место аварии и достал пострадавшего Норманна, а после Кристин, все это время висевшую без сознания на тонком волоске от гибели.

Тело Филиппа лежало рядом с останками Стэфан и Жерома. Нечто могло ликовать: темноте удалось нарушить привычный ход вещей и подставить под удар многих неповинных людей.

Глава 12

Найджел постучался к Джеффри в кабинет. Преподаватель Найджел очень волновался и почти прыгал от радости. Директор детского дома (orphelinat) Джеффри был рад видеть своего единственного работника, который работал на добровольных началах, то есть бесплатно. Можно сказать, Найджел был волонтером. Джеффри встал с привычного места и подошел к учителю.

– А! Вот и вы. Я только что говорил с человеком из министерства и узнал радостную для вас новость.

– Да, я ждал этого очень долго. Наконец, я смогу забрать ее домой!

Джеффри заулыбался и открыл архив с делами детей, которые были под его началом. Директор нашел дело восьмилетней девочки сироты, которая жила в этом доме больше трех лет, и вложил в него разрешение на удочерение.

– Ну, вот и все, мне будет не хватать этой батарейки, – с грустью в голосе произнес Джеффри. – Надеюсь, она будет счастлива с тобой и твоей мамой. Кстати, как она отнеслась к этой новости? По-моему, она была не сильно рада этой затее?

– Все хорошо, я поговорил с ней, сказал, что давно считаю Милинду своей дочерью. Я могу забрать ее уже сегодня?

– Да, конечно. Думаю она с группой готовится ко сну. Иди, обрадуй ее. Только вот на улице собирается буря. Может, подождете до завтра?

– Я не могу, мне завтра с утра нужно на склад.

– Ну, тогда до следующей недели. Удачного пути.

Джеффри еще раз крепко пожал руку Найджелу и радостно выдохнул. Директор обожал моменты, когда его подопечные находили себе новый дом.

Найджел всю свою жизнь жил с мамой и после окончания института сразу же отправился работать на склад оператором, чтобы иметь достаточно денег, а после устроился в этот сиротский дом учителем начальных классов. Такая работа была ему по душе, он считал ее своей призванием. Найджел мечтал о собственной семье, но ему приходилось ухаживать за больной матерью. С противоположным полом у него тоже не складывалось. Когда девушки узнавали, что Найджел в свои тридцать шесть до сих пор живет с мамой, то сразу же теряли к одинокому мужчине всякий интерес. Найджел познакомился с Милиндой в первый же день своей работы в этом доме. Девочка показалась ему очень разумной и любознательной, и она никогда не могла усидеть на месте. Найджел много общался с ней, а потом начал дарить подарки на рождество и прочие праздники. На последний день рождение Милинды Найджел подарил девочке очень красивую куклу, она в порыве чувств назвала его папой. После такого драгоценного слова преподаватель твердо решил для себя, что он удочерит девочку, но его мать была против этого, а сам Найджел по документам не мог удочерить Милинду. Джеффри видел, как его бесплатный учитель относился к девочке и смог помочь Найджелу в осуществлении его мечты, позвонив своему знакомому в министерство и поручившись за учителя.

Найджел буквально летел к своей дочери, держа в руках разрешение. По-дороге в жилые корпуса учитель встретил своего брата Карлоса, работающего водителем детского автобуса. Карлос, увидев брата, радостно спросил:

– Разрешили?

– Да! Милинда теперь твоя племянница.

– Вот это новость! Вы сейчас поедите домой?

– Да, надеюсь, погода позволит.

– Я подвезу вас. Мне все равно нужно в город по делам.

– Ты берешь автобус без разрешения?

– Ну, Джеффри добрый мужик. Я бы сказал, он не запрещает мне иногда выбираться в город на нем за продуктами и прочими вещами.

– Хорошо. Я сейчас заберу Милинду, и мы поедим.

Найджел забежал в комнату Милинды и, увидев сонную девочку, закричал:

– Ты теперь можешь жить со мной!

Милинда радостно вскрикнула и, подбежав, к своему новому отцу крепко обняла его.

– Собирайся, дядя Карлос отвезет нас в твой новый дом.

Милинда подошла к месту, где она спала целые три года, и достала из шкафчика пару игрушек и красное платье, подаренное ей Найджелом на прошлое рождество. Девочка не верила своему счастью, сон сразу же улетучился. Нервное возбуждение привело девочку в состояние заведенной игрушки. Милинда бегала вокруг Найджела и постоянно задавала ему вопросы про свой новый дом. Найджел постарался успокоить свою дочь:

– Сейчас приедем, и сама все рассмотришь.

Учитель и его дочь вышли на улицу. Грозовые облака сверкали молниями и рычали грозными раскатами грома. Карлос подогнал автобус к крыльцу. Найджел сел рядом с братом спереди, Милинда наоборот обожала сидеть в самом дальнем углу автобуса. Джеффри смотрел на счастливую семью из окна. По правилам Карлоса нужно было уволить за использование имущества в личных целях, но директор сам заказал Карлосу купить в городе себе новые духи и маленькую бутылочку виски.

Автобус, тяжело выпустив воздух, тронулся под проливным дождем. Дорога была опасной и скользкой. Карлос вел очень аккуратно.

Милинда быстро уснула, поддавшись плавным движениям старенького автобуса. Карлос выехал на горный участок дороги. Дождь остался позади, а спереди уже собиралась очередная черная туча. Карлос обратился к брату:

– А как же тетя Шеннон. Твоя мать всегда была против Милинды.

– Не беспокойся, я поговорил с ней. Вопрос стоял жестко: либо она дает добро, либо я уезжаю.

Автобус тяжело карабкался в отвесную дорогу. Карлос не возил детей уже полгода и поэтому не проверял автобус, простому работяге хватало того, что он просто едет. Из-за халатности Карлоса задняя дверь пришла в неисправность и могла открыться в любую минуту. После подъема в гору следовал крутой и опасный поворот налево. Ослепительный свет фар в задние зеркала заставил Карлоса повернуться и посмотреть назад. Автобус обогнал серебристый Мерседес. Раритетный автомобиль подрезал Карлоса и продолжил свой путь. От такого маневра Карлосу пришлось ударить по тормозам. Это движение заставило замок задней двери напрячься и после резкой остановки открыть задние двери. Спящая Милинда тут же выпорхнула из салона и, пару раз ударившись об асфальт, замерла в соседних кустах. Найджел услышал скрежет сзади и, увидев отсутствие своей дочери в салоне, бросился к открытой двери. Норманн и еще три полицейских автомобиля мчались по следу беглецов. Норманн вовремя среагировал на большое препятствие в самом конце подъема и умудрился избежать столкновения с автобусом. Офицеры, следовавшие за своим командиром, ехали в одну колонну друг за другом. Первый полицейский автомобиль после Норманна не увидел автобуса и на полной скорости врезался в него, сильно подвинув к краю ущелья. От сильного удара Найджела отбросило назад к Карлосу. Уже через секунду в автобус врезалось еще два полицейских картежа. Автобус приблизился к самому краю, и передней частью завис над пропастью. Виновники аварии были без сознания, хотя и не сильно пострадали от этих столкновений, а вот Найджел и Карлос истекали кровью, и им требовалась быстрая помощь.

В это время Филипп, который должен был приехать именно сюда со своим помощником, дождавшись его из соседней деревни, был на пятьдесят километров севернее и спасал Кристин.

Хотя ему предназначалось спасение жизней Найджела и Карлоса. Лишившись своего спасителя, оба мужчины были обречены на гибель.

Тёрнер вошел в пустую комнату и удивился отсутствию своего друга Филиппа. Его друг никогда не покидал места дежурства, а, значит, что-то произошло. Тёрнер услышал странное мурлыканье, похожее на кошачье, но более дикое. Помощник Филиппа включил свет. Нечто обратилась черным вороном и, спрятавшись под столом, направило в смартфон Тёрнера свое зловещее видео.

Тёрнер услышал звук нового сообщения и, открыв телефон, увидел странное видео, которое пришло ему от скрытого номера. Помощник Филиппа нажал на старт (плей). На видео было запечатлено спасение Кристин и падение благородного спасателя в пропасть. После чего пришло еще одно сообщение: «Ты следующий». Молодой парень очень боялся подобных вещей. Тёрнер задурил свой телефон под стол и, попав в Нечто, бросился бежать, куда глаза глядят. Нечто вновь торжествовало: ему удалось заполучить две невинных души Карлоса и Найджела. Но темный дух из небытия не собирался останавливаться на достигнутом.

Милинда пришла в себя, ее голова и левая рука очень болели, но девочка помнила уроки и наставления ее учителя и отца Найджела. У каждого ребенка на левой руке был номер сторожки Филиппа. Помощи из города приходилось ждать очень долго, поэтому каждому ребенку в приюте повесили номер телефона именно Филиппа, и каждый раз повторяли, что в случае беды нужно звонить ему. Милинда нашла в испачканном грязью кармашке свой телефон, дисплей треснул при падении, но цифры номера набрать было можно. Испуганная девочка позвонила спасателям, но ни погибшего к тому моменту Филиппа, ни испугавшегося послания Нечто Тёрнера не было на месте. Телефон тревожно просил о помощи, но его слышало только Нечто, мурлыкавшее от наслаждения.

Глава 13

Жером бродил по белому дыму, скрывающему все неровности человеческой души и уравнивающему многих, ради общего счастья. Белый дух юноши, пытался получить в руки карающий меч, способный вернуть его назад на землю, но Жером был пленен в этом тихом и спокойном месте. Вдруг на глазах Жерома из воздуха появилось множество скамеек с огромной сценой посередине. Скамейки стали заполняться такими же светлыми духами, как и Жером. Юноша не ожидал, что свету служат множество мертвых и благородных душ, ему казалось, что Свет избрал только его, а сейчас он стоял на сцене и всматривался в лица под капюшонами духам света. Наставник молодых спасателей человеческих душ, которого все называли «Свет» появился рядом с Жеромом. Добрый дух был выше всех своих учеников и одним своим видом приносил умиротворение и смиренность в каждого, когда-то жившего на земле. Свет обратился к Жерому:

*Не смог Филиппа ты спасти.
Он умер рано и напрасно.
И тьма пленила двух несчастных,
Разрушав свет на их пути.*

Жером

*Старался я, как только мог,
Но он был создан для спасенья
И не позволил в час смертельный
Кристин уйти с людских дорог.*

Свет

*Ступай, лети!
Найди других
И помоги им в час забвенья,
Но помни: тьма – не заблужденье!*

Жером хотел что-то сказать, но Свет не позволил себя перебивать словами:

*Конь смерти рыщет вдоль дорог.
Соблазн опасней ста оков.*

Все слушатели Света, в едином порыве отправились на землю, постараться помочь заблудшим душам. Жером тоже достал свой меч и, разрезав пространство, появился на грешной земле.

Стэфан будто бы одержимый мчался по пустыни и, ускоряясь, старался нагнать все года, проведенные им в небытие. Черная грациозная лошадь оставляла за собой ледяной след, обжигающий песок. Вестник тьмы резвился и был счастлив свободе, когда на него сверху взобралось Нечто и постаралось остановить, но грациозный рысак только ускорился и попытался сбросить с себя незваного гостя. Нечто слетело и ударилось о землю. Тысячелетнее злобное умертвие было взбешенно таким поведением своего слуги. Обратившись в огромного ворона, Нечто быстро нагнало Стэфана и с большой высоты вонзилось в него своими острыми ког-

тями. Стэфан от такой боли тут же принял человеческий вид и покатился по пустыне кубарем. Встав с песка, темный слуга непонимающе посмотрел на своего хозяина, Нечто, подлетев, произнесло:

*Ты сделал все, как нужно было,
Кристин жива и будет жить.
Две жертвы я уж получила,
Но нужно больше тьме убить.*

Стэфан

*Хочу увидеть я ее!
Расцеловать, обняв прижаться,
От света спрятав рассмеяться,
Я победил и я живу.*

Нечто

*Жиром угроза для тебя —
Опасен тот, кто служит свету.
Кольцо он отдал ей, любя,
Во тьме былого января.*

*Но можешь ты его убрать
И не позволить клятве сбыться!
Он будет светом помогать,
А ты соблазнам дай напиться.*

Стэфан низко кланяется в знак согласия, Нечто исчезает, а погибший юноша вновь обращается рысачком и продолжает свой одержимый забег по безлюдной пустыни.

Джефри, как всегда по четвергам, досматривал старый комедийный сериал восьмидесятых годов, после выключал телевизор и начинал отходить ко сну. Было уже поздно, все обитатели приюта давно спали, но директор все никак не мог уснуть, его что-то беспокоило, но он не мог понять, что именно. Поздний телефонный звонок подтвердил его озабоченность, звонил его дядя Уильям из министерства образования, Джефри взял трубку:

– Да, я слушаю.

– Как такое могло произойти?

Джефри угадал голос дяди и ответил:

– Прости Уильям, я не понимаю, о чем идет речь?

– Включи телевизор.

Джефри включил новостной канал и увидел репортаж о трагедии с детским автобусом. Директор тут же схватился за сердце и стал повторять:

– Что же это делается?

– Это я у тебя хотел узнать.... Послушай, все это время, я прикрывал тебя и не позволял комиссии добраться до твоего дома определения. Я даже выбил тебе автобус, который по правде говоря, не очень-то и нужен был. А теперь ответь на мой вопрос, как такое произо-

шло?! И почему ночью вместо того, чтобы стоять на стоянке, он попал в аварию, да и еще с посторонними лицами в салоне?

– Я не знаю, точнее, знаю... Карлос взял автобус, чтобы довести своего брата до дома. Была страшная гроза и...

– Я бы смог это как-то обыграть, если бы не было человеческих жертв, но они есть. Двое погибших! И это на твоей совести. Вот, что я скажу, обычно после таких страшных аварий находят козла отпущения и вешают все на него, и, поверь мне, Джеффри, ты сейчас как никто другой подходишь на эту роль. Мой тебе совет: убирайся подальше до приезда комиссии и добровольно уйди в отставку. Тогда я смогу отмазать тебя от тюрьмы, а пока не звони мне, я сам с тобой свяжусь.

Уильям положил трубку. Джеффри был весь бледен и, молча, схватился за голову, на которой осталось не так много волос. Страх перед публичной расправой начал терзать сердце директора. Это чувство тревоги разливалось по воздуху будто бы след крови от раненного зверя. Стэфан учуял слабость человеческой души директора и в одно мгновение оказался в комнате Джеффри. Директор увидел темный силуэт и, вскочив с кровати, закричал:

– Кто ты?

Стэфан устремил свой взгляд на испуганного директора и его взору были открыты все слабости Джеффри от алкоголизма до игровой зависимости, дремлющей в нем, будто бы вулкан. Стэфан спокойным голосом ответил:

– Я? Ответ. Ты же сокрушал воздух вопросом «что делать».

– Стой, что ты? Да что происходит?

– В десять лет, чтобы заслужить внимания у мальчишек постарше, ты взял полено и забил насмерть бездомную собаку.

Джеффри каждый день пытался забыть этот грех, но стоило ему закрыть глаза, и он тут же вспоминал его. Директор заплакал и посмотрел на Стэфана как на что-то зловещее.

– Откуда ты знаешь? Что тебе нужно? Я прошу небеса прощенья каждый день за тот порыв злобы, я не знаю... Я отдал бы все, чтобы это исправить.

– Но этого уже не исправить. Равно также не исправить и то, что Найджел и Карлос мертвы из-за твоей халатности. А скоро об этом узнают все, и тебе больше не будет спасенья от своей совести на этой планете. Но я пришел не за этим, и я могу помочь тебе.

– Как?

– Я вижу твоё желание удрать, спастись бегством и забыть этот проклятый дом с детьми, и это правильно! Беги, забирай все деньги и уезжай в Лас-Вегас. Это же твоя мечта, и ты, наконец, можешь ее осуществить! Дерзай, Джеффри, и беги.

Комнату заполнил карающий свет правосудия. Стэфан был изгнан ожогами сродни тех, что жалили его в небытие. От такого света директор зажмурил глаза и лег на пол. Жером появился рядом с потерянным и сбившимся духом Джеффри. Мужчина весь дрожал и повторял:

– Уходите, я не сделал ничего плохого.

Жером поднял мужчину на ноги и, коснувшись его своей рукой, умиротворенно произнес:

– Успокойся. Теперь все будет хорошо. Свет не позволит тебе сгинуть во тьме.

– Я не понимаю... Что происходит? Ты ангел?

– Я добрый вестник. Я помогу принять тебе правильное решение.

– Я его уже принял.

– Бежать? Ты собрался покрыть свое имя позором?

– Послушайте, все же ясно. Меня сделают крайним.

– Если ты не виновен, то и бежать не нужно.

Жером почувствовал присутствие тьмы рядом, Стэфан стоял у окна и улыбался. Его улыбка была так же коварна, как и сам он... Заблудший дух украл Кристин у Жерома, а сей-

час пытался уничтожить самого избранника Кристин через обычных людей. Жером подошел к окну и направил свой меч в сторону Стэфана, ослепительный луч был послан вестнику тьмы. Стэфан обратился в рысака и бросился в соседний лес. Жером был обеспокоен присутствием Стэфана, тем временем Джефри попытался выйти из комнаты незаметно. Жером растворился в воздухе и тут же появился за дверью. Директор тихо открыл дверь, и вновь увидел Жерома. Испугавшись, он вскрикнул, а после, попятившись назад, задев порог, упал. Жером поднял Джефри и тихим голосом сказал:

– Не бойся меня. То, что было тут до праведного света, изгнано и больше не появится.

– Он... От него веяло чем-то смертельным.

– Джефри, ты должен принять правильное решение. От тебя зависит судьба многих детей. Вспомни, ты хотел провести грандиозный день открытых дверей и постараться найти для них как можно больше хороших семей.

– Да, но сейчас я неуверен... точнее, я знаю, что после такого меня больше не послушают.

– Ты не убивал Найджела и Карлоса. Они должны были выжить, и тогда все было бы по-другому.

– Тогда бы мне помог Уильям?

– Он и сейчас может помочь тебе. Позвони ему и расскажи свою идею. Я уверен, ты успеешь провести этот день до приезда комиссии.

– Да, звучит очень разумно. Я постараюсь, но что мне делать после этого? Куда мне податься?

– Я не покину тебя, но пока что постарайся помочь как можно большему количеству детей.

– Если ты, светлый ангел, будешь рядом, у меня все получится.

Жером обнял по-отечески Джефри и растворился в луче ослепительного света. Каждый такой посланник знал сразу все о душе, которой нужна помощь. Все воины света чувствовали присутствие брата, они все были едины. В отличие от духов тьмы, которые питались одиночеством и находили в этом силу.

Утренний дождик смыл странную ночь из жизни директора. Джефри, проснувшись, облегченно вздохнул. Сейчас ему казалось, что вся эта страшная авария произошла только во сне. Но репортеры, хлынувшие сюда со всей Европы, доказывали обратное. Директор сел на край кровати и попытался понять: те духи, навещавшие его вчера, были ли выдумкой или все-таки нет? На этот вопрос ответило одеяло Джефри: кусок материи был покрошен на множество ледяных частичек именно там, где сидел темный дух, от которого веяло гибелью. Но после директор вспомнил Жерома и, выдохнув, спокойно пошел чистить зубы. Свет прогнал тьму и обещался вновь прийти на помощь, и это придавало сил.

Когда Джефри вернулся в комнату, то заметил, как воздух буквально светиться от гармонии и порядка, принесенного Жеромом своим появлением. Сам воин света стоял в комнате директора. Из окна он пристально всматривался в черные глаза рысака, дежурившего все это время на улице. Даже не повернувшись к Джефри, Жером протянул телефонную трубку и сказал:

– Это твой последний шанс перед своим уходом сделать доброе дело, позвони Уильяму.

– А что мне ему сказать? Он сказал, что сам мне позвонит. Я его только разозлю.

– Загляни в душу и отыщешь там спокойствие и правильные слова.

Джефри закрыл глаза. Успокоившись, директор приюта и вправду отыскал нужные слова.

– Здравствуйте, это Джефри, – набрав номер своего дяди, начал разговор директор.

– Ты не помнишь наш уговор?

– Я принял решение уйти в отставку.

– Это само собой!

– Но сначала я хотел попросить у тебя помощи. Уже очень давно я мечтал провести день открытых дверей и попытаться помочь детям, но ты сам знаешь, как это сложно. А сейчас, когда я уйду с поста директора этого дома, никто не сможет поручиться, что его вовсе не закроют.

– Скорее всего, так и будет, слишком большой шум поднялся из-за твоей халатности.

– Я думаю, нам нужно сыграть на этом, то есть... как сказать... Мы можем позвать всех сочувствующих и помочь детям.

– Чего ты хочешь от меня?

– Я прошу только одного. Пожалуйста, дай мне пять дней и придержи комиссию.

– Здесь комиссией не обойдется. Приедет комиссар по особо важным делам, но дату визита устанавливает мое ведомство. Ну, только я помогаю тебе в последний раз. Мне надоело разгребать за тобой снова и снова. Пять дней, и все.

– Спасибо! Я успею. Спасибо еще раз!

Жером слышал разговор и радостно произнес:

– Видишь: твое доброе сердце не испугалось глупых условностей. Тебя ждет много журналистов, это лучший повод рассказать о своей идее. Но помни, люди по своей массе склонны линчевать любого провинившегося. Терпи и тогда будешь вознагражден счастьем своих подопечных.

Джефри вышел из кабинета и, спустившись со второго этажа, подошел к россыпи журналистов со всей Европы. В директора тут же полетели сотни вопросов, но суть каждого была одинакова: все как один спрашивали, считает ли Джефри себя виноватым в гибели двух человек. Под таким натиском Джефри съехался и почувствовал рвотный позыв. Микрофоны сражались за право первым ткнуть бледного директора в рот, горизонт поплыл, а сознание Джефри захотело скрыться в обмороке. В самый критический момент, когда один из центральных телеканалов Франции удостоился чести попасть прямо в рот смущенному директору, Жером возник рядом с испуганной душой Джефри.

– Свет не покинет тебя, – спокойным и размеренным голосом произнес вестник света.

Директор почувствовал, как благодатная сила наполняет его и помогает справиться с животным страхом тела.

– Вы можете думать, что угодно и в этом ваше право, – отпихнув микрофон ото рта, ответил Джефри, – но я хотел бы попросить вас помочь мне в одном добром деле. Я уйду с поста директора, как этого требует общественность, но вместе со мной исчезнет гарантия сохранности этого дома. Я отдал двадцать лет своей жизни этим детям и помощи тем кому, она по правде была нужна. Так что я хочу сообщить всем, кого тронула эта история, вы не можете просто так тыкать на меня пальцем в экран телевизора, осуждая и ругая. Но, если вам правда жалко детей, приезжайте послезавтра к нам сюда и посмотрите в глаза лично каждому жителю этого дома, и, если ваше сердце отзовется на их взгляд, просящий любви и заботы, я буду рад и думаю, все эти люди, тычущие в меня этой страшной катастрофой, будут счастливы тоже.

Джефри закончил говорить. Все это время Жером держал свою руку на плече директора. Такой сильной речи никто из присутствующих не ожидал. Обвиняемый всеми Джефри предложил помочь детям, и всем не оставалось ничего, кроме как поддержать этот порыв, дабы не показаться бессердечными разносчиками сплетен.

Глава 14

Журналисты взяли перерыв и оставили в покое Джеффри и его детей на какое-то время. Все ожидали приезда Милинды, которая после аварии попала в больницу, но девочку не стали долго держать в лечебном заведении с ушибом руки. Самой Милинде хотелось поскорее вернуться назад в привычную обстановку. Ее детская психика вычеркнула из памяти ту роковую ночь, и девочка вела себя так, как будто бы и не теряла отца в аварии. Стая журналистов роем налетела к госпиталю и с нетерпением ожидала выписки чудом спасшейся девочки. Джеффри воспользовался минутами спокойствия в своем бывшем родном доме. Директор обошел все комнаты и заметил, как дети тревожно выбирали себе платья и рубашки для встречи с такой массой потенциальных мам и пап.

Обычно Уильям направлял в этот дом заявку от подходящих родителей, и Джеффри, ориентируясь на пожелание семьи, подбирал ребенка. Настроения в различных частях приюта были разными. Самыми счастливыми казались девочки. Брошенные дети по разным причинам выучили правила этого мира на зубок, каждая девочка старалась быть более улыбчивой и приветливой, чем ее подруга. Инстинкт выживания в этот момент заставлял еще маленького человека бороться за право жить в нормальной семье и быть любимым. Мальчики были заняты своими привычными делами, кто-то играл на приставке, кто-то рисовал, но самыми хмурыми были взрослые обитатели этого дома. Статистика неумолима, и если ей верить, то выходило, что мальчикам старше десяти лет надеяться было не на что. Под началом Джеффри таких детей было больше десяти человек.

Директор остановился около кучки подростков, которых вел их предводитель Джимми. Юноше уже было семнадцать, и оставался ровно год до его совершеннолетия. Мальчик уже готовил себя к взрослой и беспощадной жизни для таких как он. Джеффри услышал обрывки фраз и, обратившись к Джимми, произнес:

– На что теперь ты их толкаешь? Помни, Джимми, не все после восемнадцати лет получают наследство.

Юноша терпеть не мог, когда Джеффри упоминал этот факт при всех. Отец мальчика вместе с матерью погибли в авиакатастрофе. К тому моменту семья Джимми владела двумя магазинами по продажам пейджеров и телефонов. Дядя Джимми не планировал заботиться о своем племяннике, поэтому упек его сюда, пообещав долю с прибыли своему племяннику, которую тот получит по достижению восемнадцати лет. Джимми проглотил обидные слова и ответил:

– Мы обсуждаем, что нам делать, когда это все закроется. Никто из нас не хочет переезжать в другой дом определения.

– Это зависит не от вас и не от меня. Я верю, что новый дом будет не хуже нашего.

Кто-то из толпы подростков выкрикнул: «Черт из два мы туда поедим!». Директор возмущенно посмотрел на обиженных жизнью парней и хотел наказать выкрикнувшего за это, но по многочисленным звукам моторов Джеффри понял, вся ватага журналистов вернулась.

Все центральные новостные каналы вели передачу в прямом эфире и смаковали возвращение девочки, чудом спасшейся в той катастрофе. Джеффри вышел на крыльцо и, взяв ребенка на руки, пронес его мимо сверкающих фотовспышек, вопросов и выкриков. Когда дверь закрылась, Милинда крепко обняла своего директора.

– Я очень устала. Я хочу иметь маму и папу. Почему это так сложно?

– Милая моя, не переживай. Твои мама и папа найдутся. Я уверен, они уже в пути.

Милинда побежала к своим подругам и, как ни в чем не бывало, помогла завязать ленточку в волосы одной из девочек. Посттравматический шок пока что помогал Милинде не думать о Найджеле. Джеффри позвонил в больницу и проконсультировался с лечащим врачом девочки. Доктор посоветовал избавить свою пациентку от лишних переживаний и потрясений.

В день открытых дверей все подъезды к осажденному журналистами зданию были забиты сердобольными людьми. Кто-то сразу пробирался внутрь, но большинство не упускали шанса и давали интервью, в котором рассказывали, что подвигло их на такой ответственный шаг как усыновление. Джеффри надел свой лучший костюм и начистил обувь до блеска. Страх перед толпой вновь вернулся в душу директора и не позволил ему открыть дверь. Лоб быстро покрылся потом, а руки задрожали. Стэфан, дежуривший у окна, почувствовал эти переживания в душе Джеффри. Темный дух больше не рискнул явиться в комнату, помня огненные ожоги оставленные Жеромом. Вместо этого слуга Нечто нашептал множество дурных мыслей себе в ладонь, а после пустил темную маленькую лошадку из дыма. Лошадка быстро пробиралась к голове испуганного ответственностью директора. Дым проскользнул в маленькое отверстие и, вновь собравшись в силуэт темной лошадки, продолжил свое движение к Джеффри. Стэфан послал сомнения и переживания, но свет в виде Жерома пресек дым ярким светом. Светлый дух появился в комнате как раз вовремя. Жером, рассеяв лошадь Стэфана, устремил свой взгляд в окно, но на месте пребывания тьмы была только ледяная корка. Воин света подошел к Джеффри и положил ему руку на плечо.

– Чего ты боишься?

– Я... ну, я... это все так быстро... а что, если эти люди здесь только из-за шумихи, и детям будет плохо с ними? Я буду виновен в их несчастье.

– Ты сможешь многим найти свою семью. Те, кто пришли сюда не из милосердных побуждений, не смогут побороть в себе жажду комфорта и уж точно не возьмут такую ответственность.

– Ты прав. Когда ты рядом, мой ангел, мне всегда так легко на душе.

Директор вышел из комнаты и отправился за своими детьми. Потенциальные родители получили обещание быстрого рассмотрения их заявок в связи со сложившимися обстоятельствами. Общество будто бы вспомнило о давнем долге сострадания и решило загладить свою совесть, помогая этим детям. Работники дома не могли сдержат натиска журналистов, и пытливые умы все-таки проникли в дом детей. Девочки все как одна ожидали этой минуты. Джеффри открыл комнату и увидел россыпь счастливых и волнующихся глаз. Директор оказался в центре круга из шумных детей. Джеффри дал наставление своим маленьким красавицам:

– Давайте покажем, как мы воспитаны с вами, и поздороваемся со всеми. Хорошо?

Все девочки в одном порыве прокричали: «Да!». Джеффри вел за собой толпу милых созданий. Директор постарался открыть дверь мальчиков, но она была заперта. Джеффри сразу догадался, кто был инициатором импровизированной забастовки.

– Джимми открой дверь.

– Мы не пойдем туда. Вы прекрасно знаете, что нас никто не возьмет.

– Послушай, Джимми не нужно говорить за всех. Быть может, не все из вас найдут себе дом, но я уверен, кто-то сегодня встретит свою новую семью.

Никто не ответил Джеффри, директор решил зайти с другой стороны.

– Хорошо, раз вы все объединились против меня, я хочу говорить с самым старшим из вас. Если он скажет, что вы остаетесь здесь запертыми, я соглашусь с этим.

Мальчики были сильно зависимыми от влияния Джимми, но гордый парень был не самым старшим. Через пять дней свое совершеннолетие праздновал самый тихий юноша в комнате. Его звали Брюс, и он редко общался со своими товарищами по комнате. Брюси был замкнутым ребенком и проводил большинство времени за компьютером, моделируя различные ситуации на поле боя в собственной программе, написанной им полгода назад.

Дети смотрели на Джимми, ожидая его ответа, но теперь единство обиженных детей было порушено парочкой мальчиков. Они боялись выступить напрямую против своего вожака, но каждый из них усердно готовился к этому дню. Одним из этой мальчиков был Кевин. Кевин достал свои новые туфли, подаренные ему по одной из благотворительных акций, организо-

ванных Джеффри. Кевин сам себе пообещал надеть их только в день переезда в новый дом с мамой и папой, так что ребенок не мог позволить Джимми разрушить его планы. Кевин ответил за всех:

– Да, пусть говорит Брюс. Это будет справедливо, он самый старший из нас.

Этот порыв поддержали еще трое ребят. Джимми, обиженный таким предательством, открыл замок.

– Да, пожалуйста! Я не держу вас, – гордо произнес Джимми. – Хотите унижаться перед толпой напыщенных придурков, выбирающих вас как колбасу в лавке, вперед.

Джеффри услышал эти слова и поэтому не открыл дверь. Директор хотел, чтобы этот конфликт был решен без его вмешательства. Большинство детей тут же осело после циничных слов Джимми. Каждый почувствовал, что-то обидное и неприятное к людям ожидающим их внизу. Только Кевин, заулыбавшись, сказал:

– А я люблю колбасу.

Мальчик открыл дверь и первым побежал вниз по лестнице, за ним последовали еще пять мальчиков. Все они были примерно одного возраста, не старше семи лет. Самые старшие дети продолжали заниматься привычными делами. Брюс, сидевший все это время в наушниках, даже не знал, что вообще происходит.

Джеффри спустился вниз к толпе, ведя за руки маленьких девочек. Дети сами стали подходить к взрослым и знакомиться с ними. В эту минуту в приюте происходило что-то волшебное. Чистые дети всецело верили, что сегодня они попадут в новую семью и никак иначе. Взрослые люди, пришедшие сюда изначально из-за чувства долга, заражались этими эмоциями от воспитанников детского дома Джеффри. Директор увидел, как вся стая журналистов незаметно проникла внутрь и наперебой вклинивалась в общение ребенка и потенциального родителя. Джеффри обратился к многочисленной публике:

– Я попрошу удалиться всех журналистов. Давайте не будем мешать первому знакомству.

Журналисты на секунду замерли, но было понятно: уходить они явно не собираются. Тогда Директор сказал следующее:

– Хорошо, пусть останется один телеканал. Какой? Решайте сами.

Эти слова были опасней всех пуль и бомб. Масса корреспондентов начала тут же кричать и спорить с конкурентами и объяснять, почему именно их телеканал должен остаться здесь и продолжить съемку. Тогда Джеффри ткнул пальцем в ближайшего журналиста и сказал:

– Он остается. Остальных прошу покинуть помещение.

Вся стая удивленно посмотрела на двадцатилетнего Жака, молодой человек представлял собой местные СМИ и никак не надеялся на такую удачу эксклюзивного репортажа. Его коллеги, покидая приют, по-разному смотрели на своего конкурента. Кто-то кидал в него взгляд ненависти и разочарования, кто-то награждал Жака взглядом презрения. Большинство журналистов смотрели на непривлекательного парня как на что-то очень сексуальное и, подмигивая, намекали на тесное знакомство за полученный им материал. Жак с видом лауреата нобелевской премии продолжил свой репортаж.

Одна из пар в отличие от прочих людей вскользь смотрела на детей, будто бы они икали определенного ребенка. Джеффри очень боялся этого, ему казалось, что после той истории с Милиндой все захотят только ее. Директор подошел к молодой паре.

– Здравствуйте, – обратился к молодым людям Джеффри. – Я заметил, вы ищете кого-то конкретно? Если это Милинда, то она вон в том круге из людей.

Глава семейства Чаки ответил Джеффри:

– Простите? Нет... не то, чтобы... – глава семейства Чаки пытался ответить директору.

– Мой муж не хотел обидеть вас или Милинду, – супруга Чаки Орлин помогла своему мужу сформулировать мысль. – Нам правда ее очень жалко, но мы хотели бы увидеть мальчика... По-моему, его зовут Брюс.

– Брюса? – удивленно переспросил Джеффри. – Он наверху, чем-то занят в компьютере. Чак поправив очки с толстой оправой, произнес:

– Да, мы знаем, точнее, он писал мне, – поправив очки, ответил Чаки. – Видите ли, два года назад, когда Брюс попал к нам на работу, его заинтересовало программирование. И вы направили его к нам в контору на стажировку. Мы там сдружились с ним, и я помог ему написать его великолепную программу. За этим мальчиком большое будущее, мы с женой хотели бы помочь ему, взяв его к нам.

Директор был в восторге от услышанного и радовался такому проявлению человеческой доброты. Джеффри, заулыбавшись, сказал:

– Я сейчас приведу его.

Джеффри, воодушевленный такой новостью, зашел в комнату мальчиков, Джимми сидел на окне и рассматривал странную лошадь, стоявшую неподалеку от забора ограждающего приют от леса. Стэфан видел Джимми и его взгляд. Заблудившийся в темноте дух почувствовал что-то больное внутри себя, этот мальчик возвращал Стэфана к свету. Его боль и одиночество были знакомы Стэфану. Стэфан и Джимми были заморожены взглядом друг друга, и каждый ощущал что-то родное. Джеффри прервал этот момент словами:

– Брюс, можно тебя на минутку?

Юноша оторвался от монитора и посмотрел на директора. Джимми, всплыв, выбежал из комнаты.

– Ты спугнул ее!

Джимми, спустившись по лестнице, выбежал на улицу и тут же попал в окружение журналистов, кричащих что-то ему в лицо. Темный рысак начал бить копытом, зазывая Джимми к себе. Разозлившейся юноша начал пробивать себе дорогу, распахивая журналистов по сторонам.

Все корреспонденты, оставшиеся за бортом, быстро потеряли интерес к агрессивному парню и принялись сторожить кого-нибудь помилее.

Джимми осторожно подошел к темному рысаку.

– Да ты копия Тенегрива! Какой красавец.

Темный дух ощущал родство с Джимми и, поклонившись, пригласил мальчика прокатиться. Джимми кое-как забрался на рысака. Слуга Нечто, чувствуя такую же вражду к окружающему миру, как и Джимми, решил показать ему скорость и жизнь, которую заблудший дух Стэфана потерял и которой ему так не хватало. Ледяная лошадь быстрее стрелы неслась по опушкам леса. Карабкаясь на возвышенности за один шаг и спускаясь к речке в следующий, Стэфан превращал живую воду в лед под мертвыми копытами. Джимми чувствовал абсолютную свободу и счастье от единения с лошадью и природой, расступающееся перед ее величием.

Директор взял Брюса за руку и радостно повел вниз. Замкнутый мальчик тихим голосом спросил Джеффри:

– Зачем вы меня ведете к этим незнакомым людям?

– Не бойся, сейчас увидишь.

Джеффри и Брюс начали спускаться по лестнице. Милинда осталась на секунду без внимания, девочка была сконфужена таким количеством улыбок и рук вокруг себя.

– Моя мама! Наконец она нашлась! – посмотрев на Орлин, вскрикнула Милинда.

Все резко посмотрели на Орлин и ее супруга, стоявших немного позади большой толпы. Милинда подбежала к Орлин и, обняв ее ногу, закричала:

– Мамачка, обещай, что больше не бросишь меня!

Орлин не ожидала таких слов от девочки. Чак посмотрел на Милинду, и искренность девочки не могла оставить сердце мужчины без ответа. Мужчина, обычно тщательно скрывающий свои порывы, поднял малышку в воздух.

– Мы теперь никуда тебя не отпустим.

Орлин посмотрела на мужа и без слов поняла, они должны помочь несчастному ребенку, если она сама выбрала их. Джеффри замедлил шаг. Директор, поняв, что произошло, остановился и посмотрел на Брюса с большим сочувствием.

– Брюс, ты уже взрослый и должен понимать, что этот мир не справедлив. Ты сам сможешь позаботиться о себе, а Милинде нужна забота и тишина. Эти люди смогут защитить ее. Понимаешь?

– Я... ну, я не хочу обсуждать это с вами. Вы просите меня уйти? Чаки писал мне, что заберет сегодня.

– Посмотри, они выбрали Милинду, и мы с тобой не вправе осуждать их. Потому что это выбор девочки, а ты знаешь, что ей пришлось пережить?

Брюс больше не хотел говорить, и, вбежав вверх по лестнице, обычно замкнутый и не общительный мальчик импульсивно принялся собирать свой чемодан.

Его планы должны были сбыться. Чаки и Орлин были предназначены ему и могли бы дать мальчику хорошее образование. Брюс мог стать полезен стране как военный программист, но Стэфан перечеркнул эти планы света на талантливую душу. Филипп должен был спасти Найджела, и тогда бы Милинда не вернулась назад, украв Чаки у Брюса.

Брюс чувствовал, что так быть не должно и это несправедливо. Интроверт от рождения, успокоившись, вышел в интернет и отыскал неподалеку от Лиона однокомнатную квартиру. Мальчик имел небольшое количество денег, но на первое время их должно было хватить. Никто не заметил, как Брюс выходит из приюта. Джеффри обсуждал с Чаки и Орлин, которая держала Милинду на руках, условия переезда девочки к семейной паре. Жак, притаившись за стеной, вел свой репортаж. Он боялся спугнуть сенсацию из первых рук. Остальные репортеры, пихаясь, пытались заглянуть в окно и стать свидетелями того, как Милинда находит себе новую семью. Красивая концовка для сердобольных масс. Брюс открыл дверь и спокойно прошел мимо корреспондентов, даже не заметивших его побег.

Все это время Жером был поодаль от Джеффри, придавая ему уверенности. Свет начал тревожно колыхаться в нем, Жером почувствовал еще одну жертву эгоизма Стэфана – Брюса. Воин света не мог позволить мальчику сгинуть в суровом мире, так и не раскрывшись в своем предназначенье. Воин света без всяких приказов исчез из этого дома определения и появился рядом с обиженной несправедливостью душой Брюса. Застенчивый паренек сидел на остановке и дожидался автобуса. Жером встал прямо перед ним, но душа мальчика его не распознала, а это значило, что ей пока что не требовалась помощь света. Жером все равно не смог оставить Брюса и сел рядом с ним в автобус до Лиона. Мрачные мысли стали терзать душу мальчика, в такие минуты многие подвергаются тяжелому испытанию, и только единицы способны, выдержав его, не изменить себе. Жером держал руку на плече мальчика, но свет, исходивший от Жерома, не помогал и не успокаивал Брюса. Его душе предстояла сложная дорога взросления и осознания себя в окружающем мире.

Путь был долгим. Женщина, сдающая комнату, жила напротив. Осмотрев понурого паренька, Матильда запросила за два месяца вперед. Брюс достал все свои деньги и, пересчитав, убедился, что ему едва хватало на один. Предприимчивая хозяйка забрала все до евроцента у юноши и только после этого отдала ему ключи. Брюс вошел в свой новый дом. Все было в удручающем состоянии, от ржавого туалета до обычного матраса на полу вместо кровати. Брюси аккуратно достал маленький ноутбук. Прошлым летом Джеффри имел договоренность с Ганцом Градским о труде старших ребят на винодельне немца, за который мальчики получали неплохие деньги. Брюсу хватило только на слабенький аппарат, который не мог потянуть программу талантливого мальчика, но хотя бы был выход в интернет из этого свинарника. Жером осмотрел новое жилище несправедливо обиженного юноши. Воину света стало понятно, что мальчик вряд ли будет развиваться дальше в правильном направлении, тем более после того,

как Брюс уснул, оставив открытой вкладку в браузере с вакансией в местный ресторанчик официантом.

Глава 15

Джимми открыл глаза. Ясное небо над ним освещало нетронутый людьми лес. Природа была укутана спокойствием и умиротворением ночи. Молодой человек сильно замерз, снег покрывал пространство вокруг. Теплый пар дыхания Джимми не мог согреть его руки, оледеневшие в сугробе. Стэфан любовался непрекращающейся тайгой. Эта местность его привлекала, она была сродни пропасти, пожирающей его душу. Это пропасть заняла место сердца. Джимми искал своего грациозного рысака, но вместо лошади неподалеку стоял странный темный силуэт. Джимми обратился к нему:

– Кто ты?

Стэфан

*Хоть лошадыю, хоть духом назови —
От этого измениться немного.
Затерян я в лесной глуши,
Здесь скрыта жизнь от неживого.*

– Ты мой Тенегрив?

Стэфан с удивлением повернулся в сторону родственной души, его ледяной взгляд не трогал кожи и так замерзшего мальчика. Заблудшая душа Стэфана, подлетев поближе к Джимми, произнесла:

*Ты понял духов песнопенье?
Какое странное явленье!
Живым язык тот не знаком.
Он тайна смерти – в том закон.*

Джимми

*Язык твой режет душу мне,
Но манит высотой общенья.
Слова на свет пустив извне,
Слабее стал я на земле.*

Джимми обессилил от использования запретного языка для живых существ. Гость Стэфана в замершем краю Сибири, подкосившись, упал в сугроб, и, ударившись об ледышку носом, выпустил на снег свою невинную кровь. Темный рысак подобрал юношу и пустился назад в края, не тронутые льдом и смертельным оцепенением природы как этот. С каждым новым скачком темная лошадь удалялась от губительного края. Джимми постепенно стал приходить в себя и не сразу увидел плату за нарушения табу.

Темный рысак подобрал юношу и пустился назад в края, не тронутые льдом и смертельным оцепенением природы как этот.

День открытых дверей подошел к концу. Джефри был очень доволен. Ему удалось пристроить практически всех детей, не считая самых старших мальчиков. Без Брюса и Джимми восемь парней играли в МК по очереди. Удовлетворенный Директор даже не заметил отсутствие Жерома и его поддержки. Не успел Джефри переодеться и принять свой обычный вид, как ему позвонил Уильям.

– Я слышал о твоем успехе. Ну, что же, это позволило тебе избежать народного гоненья, хотя министерство все равно закроет этот дом, и проведет серьезные проверки по всей стране. Сколько детей осталось?

– Десять, но все они старше шестнадцати лет.

– Понятно. Ну, тогда думаю, не пропадут, социальная служба займется ими и поможет найти работу и жилье.

Джефри увидел поднимающегося по лестнице Джимми, и тут же положил телефонную трубку. Директор подбежал к мальчику и посмотрел на него с ужасом.

– Что с тобой случилось?

– О чем ты?

– Ты пепельно-седой.

Джимми развернулся, и его отражение в небольшом зеркальце, висевшем на стене, показало ему молодого юношу с абсолютно седой головой. Директор заметил обмороженные руки у юноши и попытался осмотреть их, но Джимми оттолкнул Джефри.

– Что вы строите из себя заботливую мамашку? – возмутился Джимми. – Вам наплевать на меня и моих взрослых товарищей! Я смотрю, вы спихнули всех остальных детей. Мои вам поздравления. Обещаю, мы не заставим себя выгонять, сами уйдем.

Джефри не находил логического объяснения внешнему виду Джимми, он тут же вспомнил Жерома и второго злого духа. Его мысли были не так далеки от правды. Уже бывший директор приюта боялся, что Джимми обидел тот страшный образ, что приходил к нему не так давно.

Стэфан не хотел причинять боли Джимми, но зло, проникнув внутрь, редко делает исключения. Заблудший дух наблюдал за Джефри и ждал подходящего момента для появления, чтобы погубить его.

Брюси проснулся от будильника на пять утра. До собеседования было достаточно времени, и теперь уже самостоятельный мальчик привык к утренней зарядке и пробежке. Сирота имел лишний вес и всячески пытался избавиться от него. Спокойный мальчик аккуратно убрался в комнате, но в самом конце, когда оставалось сложить последнюю простыню, Брюси замер и, скомкав кусок ткани, бросил его в стену с криком:

– Я не должен был быть здесь! Но я же чувствую, я это чувствую.

Брюси залился горькими слезами несправедливой участи, постигшей его из-за прихоти Нечто. Жером сказал:

– Все будет хорошо. Я помогу тебе, – пытался исправить ситуацию Жером.

Но эти слова только сотрясали воздух, они были глухи для уха поникшего мальчика. Несмотря ни на что, Брюси пришел вовремя на собеседование и даже надел красную бабочку, что в сочетании с его кудряшками и толстыми очками делали его похожим на комика.

Администратор ресторана Армэль бегло пробежался по анкете Брюси и задал первый вопрос:

– Значит, хотите работать у нас официантом?

– Да, нужно же с чего-то начинать.

– Хорошо, а в ночные смены сможете?

– Да, я живу здесь недалеко, и могу в любое время.

– Хорошо. Ну, а в дальнейшем кем вы видите себя в этой жизни?

– Я? Программистом. Мне это ближе всего.

– Программистом. Интересно... А вы уже что-то умеете или это только в планах?

– Я проходил стажировку в одном из Парижских бюро и написал программу для развития боевых ситуаций на поле сражения.

– Так зачем же вы тогда идете простым официантом?

– Пока что нужно на что-то жить.

– Слушайте. На этом наше собеседование закончено. Вы нам подходите, и можете приходить на стажировку сегодня в восемь вечера.

– Спасибо. Я рад. Ну, тогда до вечера.

Брюси пожал руку Армэлю. Администратор незаметно положил номер телефона своего родного брата Леджера в карман пиджака юноши, а после шепотом добавил:

– Позвони сегодня ему. Думаю, у него найдется для тебя работа поинтересней, чем простым официантом.

Брюси смущенно кивнул головой и вышел из ресторана. Юноша перешел дорогу и, купив две картошки, сделал себе простенький завтрак и обед в одном лице. До стажировки была еще уйма времени, поэтому Брюси попытался провести вторую тренировку за день, но, отжавшись пять раз, тучный мальчик рухнул на пол и уснул. Жером смотрел на мирный сон все еще ребенка и понимал, что его очень тревожит судьба Брюса, но воин света пока что не мог помочь несправедливо обиженному юноше, потому что душа мальчика еще не могла увидеть посланника света.

Стажировка снежным комом обрушилась на непривыкшего к работе Брюси. Армэль перечислил сотни правил и обязанностей, половину из которых тут же были позабыты программистом от Бога. Армэль закончил краткий курс выживания официанта, но, посмотрев на испуганные глаза своего стажера, тяжело выдохнув произнес:

– Если ты не умеешь слушать, тогда просто смотри, как работают другие, а потом сам возьмешь заказ. Зря ты так и не позвонил, такую возможность профукал.

Брюси подошел к барной стойке, где обычно сидели официанты и ожидали новых клиентов. Сегодня был будний день, и поэтому работало всего два человека, но этого было достаточно, ресторанчик был совсем небольшой.

Немногочисленных выпивох обслуживало два брата близнеца Патриса. Матери близнецов показалось забавным назвать их одинаковым именем, а после путаться и путать окружающих бесконечное число раз. Братья работали здесь с самого первого дня и трудно сходились с новенькими рабочими, поначалу Армэлю показалось интересным иметь одинаковых официантов. Администратор даже пытался сделать это фишкой ресторана, но братья оказались грубыми и неприветливыми. Армэль оставил братьев, но постоянно лишал их премий за дерзость с посетителями.

Брюси не успел представиться, как к нему обратился один из двух Патрисов:

– Новенький?

– Здравствуйте, я...

– Ты какой-то несурзанный. Армэль прикрепил тебя к нам?

– Ну, он сказал, чтобы я...

– Понятно. Ну, как говорить, с места в карьер.

– Простите, я не понимаю.

– Видишь вон того напыщенного старикашку с его молодой курицей.

– Да, но разве...

– Он заказал суп тридцать минут назад, а его до сих пор не подали. Этот тип очень злиться, когда его заказ задерживают. Мы с братом плюем в его суп уже минут пять, да?

Второй Патрис издал громкий и резкий звук похожий на ржание лошади, это привлекло Армэля и немногочисленных посетителей. Первый Патрис вручил Брюси суп и, похлопав по плечу, добавил:

– Ну, мужайся.

Неопытный официант подошел к Микаэлю и его сожительнице Дебри. Мужчина был явно раздражен ожиданием, а, когда Брюси аккуратно поставил тарелку с супом, Микаэль приподнялся с места и, ничего не объясняя, отвесил оплеуху добродушному сироте. Брюс схватился за щеку и, прикрывая красный след, с большим недоумением спросил:

– За что?

– Ты, мелкий паразит, думаешь, что я слепой? И не видел, как эти два придурка плевали мне в суп все это время? Хочешь отведать из моей тарелки сам?

– При чем тут я? – Брюс был очень раздосадован и громко добавил. – Я ничего есть не буду из вашей тарелки.

Армэль поспел вовремя и, извинившись за своих работников, предложил обиженным клиентам бесплатно выбрать, что они только пожелают. Патрисы заливались злорадным смехом, смотрели на след от ладони на щеке Брюса. Армэль подошел к официантам.

– Мне это надоело! Вы оба уволены.

Братья никак не отреагировали на эту новость. Сняв фартуки, оба Патриса бросили их в лицо Армэлю и, выругавшись, вышли из наскучившего им ресторана. Армэль извинился перед новым работником за выходку Патрисов и отпустил Брюси на час пораньше в первый день. Несправедливое унижение мучило тучного сироту до двух часов ночи и не давало ему уснуть.

Всю ночь Джеффри снились кошмары. Директор больше не существующего дома определения не знал, что делать ему дальше в жизни. Эта неопределенность пугала его и заставляла сомневаться во всем. Под утро ледяной холод и дрожащая душа заставили Джеффри открыть глаза. Над замерзающим сонным мужчиной стоял темный силуэт Стэфана. Бывший директор тут же принялся кричать:

– Мой ангел, где ты? Ты обещал меня спасти от него.

– Ангел? Не слишком ли вычурное слово? Успокойся, я не причиню тебе боли, если тебя это так сильно волнует. Я здесь только потому, что твоя душа видит свое отражение в моем образе, ты слышишь и видишь меня, а, значит, мои слова могут быть тебе полезны.

- Что ты сделал с бедным мальчиком? Он теперь весь седой.
- Мы сейчас говорим о тебе, а не о нем.
- Что тебе нужно? Почему ты преследуешь меня?
- Ты сбился с пути, и я помогу тебе найти самую легкую и приятную дорогу.
- Я не верю тебе.

– Ты хочешь не верить, но слушаешь, не обманывайся на простых вещах. Хочешь, я произнесу то, что ты боишься сказать? Ты знаешь, что все это было одной большой ошибкой: этот дом, дети и игра в сердобольного малого. Тебе это так же близко как и мне, а, значит, пора перестать себя обманывать и получить от жизни то, что ты заслужил. У тебя есть накопления, и ты сможешь путешествовать по миру, наслаждаться моментом, а что еще нужно для счастья?

– Я не брошу своих мальчиков. Я обязан им помочь, раз взял на себя такую ответственность.

– Да, я понимаю... Совесть нужно успокоить, это не проблема. Раздай каждому по тысяче евро. Я думаю, такие деньги в их возрасте помогут им. Они уже взрослые и должны сами себя обеспечивать, как Брюси.

– Что? Брюси? Он спит вместе с другими. О чем ты?

– Брюси вместе с твоим ангелом покинули это место. Все так удачно сложилось, не испытывай судьбу дважды. Раздай деньги, и вперед в город, который никогда не спит.

Джефри вышел из своей комнаты и аккуратно открыл дверь парней, чтобы убедиться в отсутствии Брюси. Восемь мальчиков мирно спали. Кровать Брюса была застелена, а Джимми даже не ложился. Седой юноша всматривался в ночь и ожидал своего нового друга, который тем времен стоял поодаль Джефри. Стэфан, не открывая рта, пустил сомненья прямо в голову бывшему директору приюта:

– Тебе пора думать о себе.

Темные силы так же, как и сторона света Жерома, позволяли Стэфану черпать любую информацию прямо из воздуха. Стэфан закрыл глаза и, обратившись в небытие, отыскал одну из уловок.

– У тебя в сейфе десять тысяч долларов, и в банке еще столько же. Раздай по тысяче и откупись от совести.

– Но они еще так малы. Они погибнут во взрослом мире.

– Они все равно бы покинули тебя. Ты думаешь еще два года здесь сильно бы помогли? Разве плохо помочь им материально?

– Нет, наверное, нет. Ты прав, деньги в этом жестоком мире важнее, чем внимание.

Джефри вошел в свой кабинет и, открыв сейф, отсчитал десять тысяч, положил их в конверт и написал записку: «Дорогие мои, наверное, нам пора с вами расстаться. Это неизбежно. Я надеюсь, что эти деньги помогут вам в сложной взрослой жизни.»

Джефри на цыпочках подошел к двери и просунул конверт под нее. Все было готово к его бегству, оставалось только забрать пальто и выйти на улицу навсегда. Холодное дыхание небытия в образе Стэфана резко сменилось привычным и спокойным светом. Жером появился вовремя за спиной соблазненного бегством Джефри. Воин света осудительно спросил:

– Откупаешься? И бежишь как крыса с корабля.

– Хватит читать мне нотации! Ты покинул меня, а тот второй подсказал, что делать дальше.

– Проигрывать накопленное в городе грехов? Швырнуть деньги этим сиротам в лицо как подачку? Бросить их на перепутье? Ты пока что еще не свернул с дороги света, а, когда это произойдет, будет слишком поздно. Ни тебя, ни этих пока что еще невинных детей будет уже не спасти.

– Ну, и что ты предлагаешь мне? Усыновить их всех? Я не вижу выхода.

– Выход всегда был ближе, чем тебе кажется. Ты любишь этих ребят, и они любят тебя, у тебя есть достаточно денег, чтобы не расставаться с ними. Займитесь чем-нибудь вместе. Ручной труд позволит им не сбиться с пути праведной жизни... Я знаю одну винодельню неподалеку отсюда. Ее продают. Если ты снимешь все свои деньги и возьмешь ссуду в банке, тебе этого хватит.

– Винодельня? Я не разбираюсь в вине. И тем более ссуда, с моей репутацией это невозможно.

– Всегда проще поставить на черное, чем попытаться заработать честным трудом. Все эти мальчики трудились на винодельне не одно лето, у них есть опыт. А что касается ссуды. Если ты позвонишь Уильяму и честно расскажешь о своих планах, он поможет тебе получить деньги.

– Это такой риск, а если мы прогорим?

– Я буду присматривать за вами.

Джеффри вновь был спокоен и уверен в себе. Его покорила радость помощи и вариант, благодаря которому бывший директор оставался нужен этим детям. Джеффри приоткрыл дверь, чтобы забрать конверт, но Джимми, забрав его, разбудил всех остальных и вслух прочитал прощальное письмо.

– Послушайте ребята, это была минута слабости. Я не видел выхода, – Попытался оправдаться Джеффри и, пересчитав деньги, продолжил. – Десять тысяч, спасибо вам за настоящую помощь. С такими деньгами мы не пропадем.

– В том то и дело, что пропадем, – ответил Джимми. – Вы прогуляете их, оставшись ни с чем.

Джимми опять ответил за всех:

– По-моему это были ваши планы? Вы так красочно описывали Лас Вегас.

– Джимми, я прошу, хватит. Выслушайте мое предложение. Я хочу выкупить винодельню и выращивать с вами виноград. Что скажете на это?

Один из мальчиков Нихель, работавший у Градских больше всех, ответил:

– Это очень тяжелый труд, за который платят копейки.

– Так было раньше. Да нам придется попотеть, но и вознаграждение, я уверен, будет достойным.

Нихель посмотрел на товарищей и произнес:

– Я слышал, что в хороший урожай, на выручку можно купить Феррари.

Все мальчики, переглянувшись, одобрительно закивали головой. Джеффри не стал развешивать этот красивый миф и ожидал ответа от Джимми. Именно он был определяющим звеном в решении всех остальных.

– Вы, парни, можете горбатиться до скончания веков на винодельне, – заулыбавшись, произнес Джимми. – Я забираю свою тысячу и ухожу прямо сейчас.

Джеффри ожидал такого ответа. Директор все время сражался с этим упрямым юношей и со временем узнал слабое место Джимми. Бывший директор редко пользовался этим рычагом воздействия, но сейчас был как раз этот случай.

– Хорошо, через год, когда получишь свою долю от дяди, не забудь навестить нас. Думаю, к тому времени тебе все равно будет скучно. К сожалению, этим детям никто не обещал доли в бизнесе.

Джимми ненавидел этот факт и очень его смущался. В детстве другие ребята часто попрекали этими деньгами мальчика, который даже в руках их не держал. Джимми положил деньги назад в конверт и сказал:

– Хорошо, мы все согласны, только с условием, что мы заключим с тобой контракт, по которому будем получать равную долю с прибыли.

– Я согласен.

Джимми и Джефри пожали друг другу руки, заключив перемирие. Седой мальчик молчал, когда каждый из восьми ребят спрашивал, что с ним случилось. Жером, стоявший рядом видел отпечаток боли на душе Джимми. Воину света было понятно, что Стэфан просто так не оставит юношу в покое, но душа Джимми не просила света помогать, тьма и злоба Стэфана были ей ближе.

Брюси проснулся в холодном поту. Пронизывающий холод струился не из открытого окна, как показалось сироте. Стэфан появился здесь, почувствовав возможность соблазнить мальчика, и, выполнив обещание, данное Нечто, наконец, увидеть Кристин. Заблудший дух ледяным взглядом прожег одеяло Брюси. Мальчик, испугавшись, подпрыгнул на кровати и увидел Стэфана.

– Уходите, у меня нет денег, – плаксивым голосом промямлил Брюси.

– И не будет, если ты и дальше будешь прозябать официантом. Мои друзья духи подсказывают, что вчера тебя несправедливо обидели? И это обязательно повторится, ты готов это терпеть?

– Духи? Кто вы? Вы меня очень пугаете.

– Я могу помочь тебе, точнее, показать, что ты сам можешь изменить свою жизнь.

– Вы окутаны тьмой, я боюсь вас.

– Это не имеет значения, просто послушай, что я скажу. Ты талантливый программист и должен заниматься именно программированием, и ты сам чувствуешь, что так не должно быть. У тебя в пиджаке лежит номер телефона, позвони и увидишь, все поменяется в лучшую сторону.

Вместе с порывом ветра темный образ Стэфана упорхнул в окно. Слуга Нечто чувствовал, Брюси позвонит и выберет легкий путь, уводящий его от истинного призвания все дальше и дальше.

Глава 16

Прошел год. Такой маленькой промежуток для духов, не считающих время, и весомый для тех, кто его тратит на мелочи жизненного пути. Жером каждую минуту провел вместе с Джеффри и еще восемью мальчиками, воин света помог новому кооперативу выкупить винодельню Градских. Светлый дух подсказал Джеффри попросить помощи у Уильяма, Жером придал ему уверенности и помог найти нужные слова. Слова подействовали, и Уильям стал инвестором проекта. Джеффри вместе с Нихелем отправились в уже признанные винодельни в поисках самого лучшего сорта винограда для своих земель. Сорт, который выращивал до этого Ганц, подходил только для дешевого столового вина. Джеффри с мальчиками хотели добиться уникального статуса – защищенного по происхождению, и первым шагом на этом нелегком пути был выбор сорта винограда.

Служа свету, Жерому удалось спасти бывшего директора и никому ненужных сирот от забвения и разочарования. Его наставник Свет мог гордиться им, Нечто не удалось заполучить эти души. Слуга темного духа из небытия тем временем совратил Брюса, мальчик позвонил Леджеру и получил работу по защите корпоративной информации. Замкнутый сирота поборол лишний вес и побрился налысо, избавившись от черных завитушек. Через полгода работы Леджер разглядел в Брюсе большой потенциал и стал доверять ему защиту самой сокровенной информации по прогнозам на фондовом рынке, с тех пор Брюси перестал себе отказывать в любой прихоти. Заблудших дух развращал Брюса и прививал ему вкусы к хорошей одежде и дорогому парфюму. Стэфан внушил успешному сироте, что нужно бросить разработку программы, ничего не приносящей и лишь отнимающей время. Тем самым слуга небытия укрыл Брюса от света и направил на легкий путь прожигания жизни.

Нечто гордилось своим учеником, но все еще жестоко подавляло попытки Стэфана переместиться к Кристин. С каждой такой мечтой заблудшего духа Нечто вешал на своего слугу тяжелые кандалы повиновения и не позволяло ему даже мыслить о своей любви. Ненасытное порождение несуществующего мира жаждало новых жертв.

Жером почувствовал, что больше не нужен в новом доме Джеффри, даже Джимми, казалось, смирился с участью крестьянина. Седые волосы необыкновенным образом вновь приобрели привычный цвет. Джимми иногда вспоминал встречу со Стэфаном и ту свободу, о которой сейчас гордый сирота начал забывать.

Воин света отправился спасать Брюса из лап тьмы и соблазнов. Жером перенесся в новенькой Альфа Ромео успешного сироты. Брюси был в темных очках и принял скучный вид офисного работника, лишь изредка мечтающего, но не о разработке чего-то нового, а об отпуске на море. Жером смотрел на доверенную ему душу и видел следы разврата.

– Мальчик, что же с тобой произошло? – сокрушенно произнес воин света.

Брюси увидел светлый дух и почувствовал жжение грехов внутри себя. Схватившись за сердце, он тихо сказал:

– Ты моя совесть?

– Я твой защитник, который слишком долго отсутствовал и позволил злу совратить твою молодую душу.

Свет все дальше и дальше проникал в своего отступника и выворачивал наружу всю грязь, которой успел себя заполнить молодой парень, став мужчиной. Жером видел сколько всего порочного совершил бывший невинный мальчик и уже не знал как помочь бессмертной душе вернуться к свету.

Нечто появилось в машине, сильный темный дух пристегнул Жерома двумя гнилыми отравленными деревьями к креслу, после чего дунул тьмой на Брюси и, остановив его раскаяние в содеянном, обратился к Жерому:

*Здесь больше нет ничего живого,
И Свет дорогу должен позабыть.
Брюс выбрал страсти за основу,
До смерти будет телу он служить.*

Жером

*Я буду драться за него.
Он дышит, значит, все исправно.
Его бессмертье даром названо.
Тебе не отобрать его.*

Нечто

*Осознанно он выбрал путь.
Твой свет здесь кажется похмельем.
Тебе его не обернуть —
Брюс жаждет нового веселья.*

Нечто выбросило воина света из автомобиля и на правах будущего хозяина души Брюси продолжило лелеять в соблазненном мальчике все его самые грязные желания и пороки.

Тем временем Стэфан уловил еще одну жертву исправленной судьбы Кристин. Родной сын Найджела, погибшего в школьном автобусе, оплачивал свое обучение только благодаря помощи отца. Эта история жизни Найджела была покрыта первой пьянкой и случайной половой связью с иностранкой, матерью Фабриса, во время поездки в Канаду на заре молодости Найджела. Сама девушка не хотела рассказывать мальчику об отце, но при этом предприимчивая Линда отыскала Найджела и потребовала финансовой помощи. Прилежный преподаватель каждый месяц отсылал семьдесят пять процентов своей зарплаты сыну, которого не видел. Именно эта история и подтолкнула Найджела удочерить Милинду, чтобы, наконец, испытать счастье отцовства, и все было бы хорошо, если бы Филипп не отправился спасать Кристин, а помог Найджелу, но этого не произошло.

Теперь Фабрис просрочил пять платежей подряд, его матушка не могла помочь ему материально, она сама еле сводила концы с концами. Фабрис был очень смышленным и учился только на отлично. Деканат пошел навстречу бедному студенту и позволил распалиться разово сразу за полгода.

Фабрис по два раза на дню проверял свою кредитную карточку, но разочаровывающий ноль упрямо не двигался с места. Бедный студент работал на двух подработках, и все равно ему еле хватало на проживание в общежитии и пропитание. Юноша был на последнем курсе и готовился к диплому, но без оплаты он не мог закончить свое обучение.

Фабрис с ужасом посмотрел на календарь, сегодня был последний день оплаты. Студент последнего курса развел кипятком остатки дешевого растворимого кофе. Страх перед отчислением приносил различные варианты, но все они были губительны в той или иной степени. Фабрис порывался взять кредит, но высокий процент заставил бы платить его еще пять лет после окончания обучения. Практически отчисленный юноша долго думал, что ему делать дальше. Мальчик не знал о смерти своего отца, поэтому проклинал его. Юноша думал, что его папаше просто надоело помогать. Наконец, смирение пришло в душу Фабриса, и теперь уже отчисленный студент собирал свои немногочисленные вещи. В последнюю очередь Фабрис думал о возвращении к матери и работе официантом или грузчиком в родной деревне. Юноша прак-

тически отучился на архитектора и хотел заниматься только проектированием новых домов, но несправедливость, выпавшая на его пути из-за каприза Стэфана, рушила его планы, идущие к самому верху.

Заблудший дух смотрел, как Фабрис собирает коробки. Пленник небытия уже знал, чем соблазнить потерянного Фабриса. Стэфан, влетев дымом в окно, появился позади хмурого паренька и произнес:

– Переезжаешь?

Фабрис от испуга отпрыгнул в сторону и, повернувшись к темному силуэту, тут же получил ожог от взгляда слуги Нечто. Два тонких ожога от холода были запечатлены чуть повыше глаз Фабриса. Стэфан с помощью этой метки мог читать мысли своей жертвы. Фабрис, схватившись за настольную лампу, угрожающе произнес:

– Чего тебе здесь нужно?

Стэфан движением руки пустил порыв ветра в отчисленного студента. Лампа, разбившись об стену, разлетелась осколками по полу.

– Слушай меня внимательно, – произнес заблудший дух. – Я не буду повторять дважды. Я твой шанс не возвращаться в разрушенный барак. Если ты сейчас задашь неправильный вопрос, то до конца жизни будешь работать сторожем в местном строительном магазине, выслушивая нотации от своей мамыши.

Фабрис понимал, что это существо не человек и что оно капается в его голове. Паника сменилась интересом, а после страхом от правдивости пророчества странного темного образа.

– Что это за шанс? – Фабрис задал правильный вопрос.

– Твой одноклассник, у которого роскошный красный мустанг... Соломон, кажется, он предлагал полгода назад неплохие деньги за легкую работу, но ты отказался.

– Откуда ты знаешь? Легкую? Он предлагал перевести запрещенные препараты, я не преступник.

– А он да, и что? У него шикарная квартира в центре города, мустанг, которому все завидуют, и каждый день новая девушка. Это все может быть и у тебя.

– Заниматься продажей запрещенных веществ? Ты демон? Ты толкаешь меня на преступление.

– Одно попустительство закона, и впереди легкая жизнь, – Стэфан растворился в воздухе, но его голос было слышно. – Ты думаешь, что после возвращения к матери ты будешь вести себя прилежно?

Фабрис получил злое послание прямо в голову, в котором отчисленный паренек ворует из магазина хозяйственную утварь. После этого видения Фабрис поверил Стэфану, потому что прочувствовал то отчаяние, которое толкнуло его на этот грабеж. Фабрис ощущал первые пророчки в своей душе этого поедающего сущность явления.

Отчисленный студент сел на собранную коробку.

– Я послушаю тебя, появись.

– Я знал, что ты меня услышишь. – Стэфан тут же возник перед заблудшим студентом. – Вот, что может принести тебе легкую жизнь. У дома Соломона стоит припаркованный пикап, в нем мешок чистого героина из Колумбии. Помимо него там еще двадцать мешков с мукой, ты заменишь мешок с героином на еще один мешок с мукой. У Соломона был уговор привести этот мешок к причалу в полночь, там же в тайнике лежит плата. Ты доставишь груз и получишь деньги, когда Соломон хватится пропажи, будет уже поздно.

– А что будет с Соломоном?

– А с тобой в деревне?

– Неужели нет другого способа?

– Иногда выход не самый очевидный.

– Только один раз и все, потом я найду честную работу.

– Как скажешь.

Стэфан исчез из комнаты, оставив Фабриса перед тяжелым выбором.

Все было готово для грязного дела, Стэфан отыскал подходящий заброшенный фургон. Фабрис понимал, что подставляет Соломона и что в преступных кругах за такое убивают. Соломон был посредником и должен был доставить деньги своему боссу. Но Стэфан предложил легкий способ решить проблемы, на эти деньги Фабрис смог бы восстановиться и закончить обучение. Заблудший дух посигналил отчисленному студенту. Фабрис выглянул в окно и, увидев фургончик, почувствовал решительность. Сейчас бывший прилежный студент был готов преступить закон. Ему казалось, это единственный выход из западни, которую ему преподнесла судьба. По дороге к Соломону Фабрис купил мешок с мукой и, остановившись неподалеку от дома своего одногруппника, обратился к Стэфану:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.